

An aerial photograph of a coastline, likely in the Far East of Russia, showing a narrow strip of land between a dark blue sea and a lighter blue bay. A ship's deck and rigging are visible at the top of the frame. The text is overlaid on the image.

Владимир Данилушкин

БЕЗ КУПЮР О
МАГАДАНЕ

Ироническая
проза

Владимир Иванович Данилушкин
Без купюр о Магадане.
Ироническая проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097816

ISBN 9785448305696

Аннотация

Диббериш. Ни о чём. Ещё один опус мастера русского слова. Магаданский материал выпирает из каждой строчки. Адресовано любителям бессюжетов.

Содержание

Купил и говорю	5
Мастер снов	41
Страсти по Сидрову	138
Летающий пакет	173
Мария рассказала	193
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Без купюр о Магадане
Ироническая проза
Владимир Данилушкин

© Владимир Данилушкин, 2016

© Расул Месягутов, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-0569-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Купил и говорю

Отец: Ты когда придешь домой?

Сын: А я уже дома.

Обмен СМС-ками

Один потеряла, второй выскользнул и вдребезги о кафель. Третий, с видеокамерой, украли, и 15-летняя девчоночка, взрослая вроде, паспорт имеет, а в слезах, как дошкольница:

– Вот пойду летом подъезды убирать и на мобильник заработаю.

Тонкая одаренная натура, будущий дизайнер. Она недавно пережила операцию по удалению веснушек.

– Ладно, не горюй, – утешает бабушка, – я тебе новый подарю. Вон как экзамены сдала – одна четверка. Я и прабабушкину квартиру на тебя переписала. Надеюсь, ее ты не потеряешь...

У многих теперь по несколько мобильных в карманах. Не перепутать бы, по какому – начальнику докладывать, по какому – с практиканткой связь держать. Некоторые играют в секретных людей: один аппаратик для разговоров, другой исключительно на прием работает, чтобы не засекали – подполье с двойным дном. По две сим-карты вставляют, что-то выгадывают на тарифе. Забавно, что из Москвы в Магадан звонить дешевле, чем из Магадана в Москву. Иной раз

продвинутый пользователь начинает звонить сам себе: либо один из аппаратов куда-то запропаستится, либо бедолага так замотался, что не воспринимает сказанное не по телефону. Кстати, было время, я вслух себе командовал: «Перестраиваюсь в правый ряд. Включаю поворотку. Направо». Осваивал вождение автомобиля.

(Мобильный телефон изобрел американец – выходец с Украины. Первая модель весила полтора килограмма и стоила 4 тысячи баксов).

Мой наследник, как и все продвинутые молодые люди (а где теперь другие), меняет мобилы, как перчатки. Только не подумайте, что я когда-то в жизни менял перчатки, если только не терял. Прошлой осенью, в конце октября посреди улицы ощутил внезапный холодок неловкости, как если бы оказался на людях в костюме Адама. Почувствовал обнаженными руками, что начались холода, и в карманы их по локоть засунул. Но лишь на другой день мои тонкие кожаные перчатки материализовались во внутренней полости куртки. Жена обнаружила. То же самое случалось попеременно с ключами, бумажником и подаренным на юбилей «Паркером», а затем и с мобильником. С последним проще: набираешь номер на другом аппарате, и потеряшка бодро откликается из портфеля – залиvisto лает, совсем как курносая собачка из третьей квартиры.

Мобилу, благодаря сыну, я менял уже три раза: он приобретает себе один аппарат за другим, старую модель –

не на помойку же – отцу. Только по привычке, в какие кнопки тыкать, опять обновляет. А мне обидно, один раз научившись, переучиваться, осваивать новую модель с нуля. Нулей не напасешься. Первую модель передарил матери, а мне посвежее. Оно и хорошо, но как мне в третий раз запоминать все символы и порядок манипуляций? Инструкцию зубрю – книжку в палец толщиной. А я ведь и будучи школьником, никогда зубрежкой не занимался, и навыка у меня нет.

В жар бросает от 11-значных телефонных номеров. Я ж гуманитарий, не с циферками, а с буквами всю жизнь имею дело. Но, говорят, можно и зайца выучить спички зажигать. Постепенно кое-какие номера, набив оскомину, запомнились сами собой и теперь всплывают в памяти, подобно немецким словам, которые учил в шестом классе, сидя за одной партой с девочкой Надей Адамовой. Из незнакомого города позвонила она 52 года спустя на мобильник, под самый Новый год, будто и не расставались. От Интернета не скроешься нигде. Дети, внуки и один звонок за пять минут до новогодних курантов, шампанское никак не открывается – подделка, что ли? Ну что я, разве не напою шампанским подружку детства, хотя бы и по телефону? А ее говорок узнал, хотя прежде никогда не общались за три тысячи километров.

Знаю, не связисты затеяли страну на цифру посадить. Налоговики были первыми. Помню, как при малейшей торговой активности было велено ставить кассовые аппараты, да-

же в такси. Потом хватило ума отменить. Внуку для игры кассовый аппарат достался от его тети, разочаровавшейся в артбизнесе. Кстати, он 14 февраля родился – в один день с телефонным аппаратом, 126-ю годами позже. Он же – день святого Валентина – всплеск телефонного и всякого общения молодого населения.

В банковских бумагах приходилось вписывать 20-значные номера. Всего 60 цифр. Пока налог за автомобиль заплатишь, мозг вспотеет. Штирлицев хотели из нас наделать, что ли? И ведь есть среди магаданцев такие, что помнят всю бытовую цифирь наизусть, как и номер общегражданского и загранпаспорта. Один специалист между делом объяснил в очереди, что таким количеством цифр можно поименовать каждую клетку тела каждого жителя планеты. Даже те, что отмирают. Неужели, подумалось, каждую клетку хотят заставить платить налог? Да еще чтобы каждая клеточка обзавелась мобильным телефоном...

А у меня на любые цифры фобия. Боюсь астрономии: напоминает о конце света. Солнце погаснет, и настанет абсолютный нуль, похожий на всеобщее безденежье. Когда гиперинфляция была, с ума сходил: за два месяца спустил миллион отпускных рублей: как раз совпало – мать хоронил. Та у меня цифирь любила беззаветно – поскольку бухгалтер. Иной раз до сумасшествия искала посреди глухой ночи потерянную в дебрях годового отчета копейку. И когда находила, на десять лет молодела от радости. Ходит по дому, напевает,

ведь других причин для радости у нее, считай, и не было.

Но и ей обильные числа, мне думается, навевали мысли о каторге и ссылке. Отец у меня из этого же сословия, главбухом в строительных трестах служил. Любил в застолье петь «...По диким степям Забайкалья». Отсидел шесть лет.

Но за неправильно набранный 11-значный телефонный номер вряд ли последует столь суровое наказание. Разве что напорешься на грубость. Впрочем, тоже хорошего мало, вышибает из колеи.

Сын и малышу своему купил мобильник: внук дорос до первого класса, появились элементы автономной жизни. Игрушечный мобильник с сигналами сирен и тарабарскими речами у него был уже в годовалом возрасте. Так что не сплосшал, в мгновение ока освоил фотокамеру мобильника, запечатлел в парке кокетливую ровесницу и поместил милое личико на заставку. Она ему потом подарила батарейки. Периодически звонит бабушке, спрашивает, как дела, когда пойдут гулять. Хорошо дела. Наверное, скоро созреет для второй фразы по телефону. Он и с диктофоном так же общается – включит и молчит. Потом слушает, удивляется, что ничего не записалось.

Следующая его мечталка – портативная рация. И он получил переговорное устройство от деда Мороза и мамы. Теперь бы отыскать сообразительного партнера для разговоров – в радиусе трех километров. Да и аккумуляторы – не просто их заряжать: надо засечь и помнить, когда пройдет

семь часов.

Потом я расскажу Игорьку про стереотипера. Тот возвращался с ночной смены после печатания тиража газеты, в редакции которой я тогда работал. Он был превосходный звукоподражатель, не только воспроизводил голоса птиц, зверей, но и шумы разных механизмов и устройств. В темном переулке молодого крепыша припутало несколько горячих парней – то ли хулиганы, то ли что. А он достал из кармана на ладонь пачку сигарет – словно портативную рацию, такие уже были на вооружении в милиции, и принялся разыгрывать отчаянный мини-спектакль, будто бы он милиционер в штатском, связался с отделением и сообщил о нападении, и воронок уже мчится на место происшествия. Все правдоподобно – щелчки, треск, даже завывание сирены. Парнишечки тут же ретировались.

Я расскажу об этом случае исподволь, ведь надо прежде растолковать, что такое типографский сплав – из олова и свинца, стереотип, линотип, печатная ротационная машина, а то он не поймет юмора этой бытовой истории.

Говорят, лишних знаний не бывает. Я тоже так полагал. А ведь в пятидесятые годы учился считать на механическом арифмометре «Феликс», когда приходил к маме в бухгалтерию. Такой аппарат теперь вряд ли где сыщешь. Трещал он – аж уши закладывало. Потом к нему электродвигатель пристроили.

Когда компьютеры появились, у них матричные принте-

ры такие же шумные. Похоже, как по зубьям металлической расчески проводишь металлической линейкой. Теперешние лазерники шумят не громче, чем дождь за окном. Компоя загнал уже с десятков, какие-то пришлось передать в дом инвалидов, а один – пристрелить.

В школе нас учили вычислять на логарифмической линейке. Сохранилась такая в жизненных бурях, благо, что места почти не занимает. Изготовлена из дерева ценной породы, аромат как у карандашей кохинор, любовно инкрустирована искусственной слоновой костью. Аккуратные риски, стеклянный бегунок. Сохранилась наряду с виниловыми пластинками, фильмоскопом и игровой приставкой к телевизору. Хочу постепенно продемонстрировать все это внуку. А еще купить керосиновую лампу, с какой бабушка читала мне сказку о попе и Балде.

Малыш, кстати, уже высказывался о моей пережившей свой век портативной пишущей машинке: мол, лучше компьютера. А почему? Не глючит! Пачка копировальной бумаги в глазах мальчика – вообще богатство.

Он заполучил для игры и устаревший телефонный аппарат с диском. Сколько раз, бывало, менял я и сносившийся диск, и трубку. Долго рассказывать, каким в свое время богатством и мерой престижа был телефон: нам первым протянули воздушку в новом микрорайоне, и на блокираторе мы насиделись пятнадцать лет, это когда твой сосед говорит, у тебя отключается. У некоторых особо нуждающихся

был еще ночной телефон: можешь говорить в вечернее время, а днем какая-нибудь контора борется за промфинплан.

Когда мы получили нормальный, не блокированный телефон, много раз случалось так, что днем, когда приходишь с работы пораньше, не можешь никуда дозвониться. Кто-то неведомый перехватывает ресурс. Иной раз доставали из почтового ящика счета за междугородные разговоры, явно не наши. Просили связистов разобраться, те отмалчивались, а несколько платежей разрешили проигнорировать.

В начале 90-х американцы понаехали – учить нас свободе слова и толерантности, и понять не могут, как с нашим диковинным аппаратом обращаться. Жмут на цифры диска. Никак не дойдет, что надо палец вставлять и вращать. А ведь номеронабиратель, как и вообще телефон изобретен в Штатах.

Аппараты прошлого века проще были, доступней. Если неразборчива речь, треск – меняешь угольный микрофон, и порядок. Сам зачищаешь контакты, ставишь параллельный аппарат, меняешь провод, перекушенный кошкой.

А сколько телефонных трубок пало смертью храбрых во времена повального увлечения конструированием карманных радиоприемников! Что-то я не слышу про теперешних самодельщиков, все стали пользователями. Не приходит в голову, что можно залезть внутрь устройства, что-то поменять. Собственно и у меня такого желания теперь не возникает. Слишком все усложнилось.

Когда мой сын только осваивал осмысленную речь, я купил ему игрушечный телефон с батарейками, который мы брали в первый свой отпуск в Гагру. Провода запутывались в лавровых зарослях, и мы грезили о беспроводной связи.

Малыш от души веселился, когда я имитировал неразборчивую речь по телефону:

– Батарэю у менэ прорвало.

Помню, как многие радиотелефонами обзавелись, уже в перестройку. На тринадцатом километре, грибы собирая, звонишь, а параллельно квартирная трубка действует. Можно с сопки доложить, у какого куста находишься. А если принимаешь на грудь, то видна ли, говоря по-армейски, грудь четвертого человека. Но в таких случаях обычно в финале надобится содовый телефон.

В 95-м купил я китайский радиотелефон, радиус действия оказался ограниченным пределами квартиры, а если нажать одну из кнопок, слышался разговор незнакомых людей. Про любовь, про бизнес, назначенные свидания и отгруженные контейнера. Что-то стало не по себе. Я рассказал о чудном телефоне соседу – он работал в прокуратуре. Если мы так можем нечаянно подслушивать, то ведь есть, наверное, люди, которые станут делать это преднамеренно. Сосед не стал обсуждать со мной эту проблему. Потом в аппарате что-то потекло.

Престижно вызвать такси посреди дороги, круче, чем иметь собственную машину. Хотя такси я стойко недолюб-

ливаю – за неумное курение в салоне и открытую в этой связи автомобильную форточку. Правда, сок подорожника в больших дозах быстро вылечивает простуженную челюсть.

Мобильник в сочетании с такси сделали жизнь приятной, похожей на первое свидание. Заходя с другого конца, можно и так сказать: «Нередко врач назначает больному два лекарства: одно усиливает действие другого. Вот и мобильник усиливает действие такси, но не лечит от безденежья. Внутри Магадана говоришь, а по деньгам – будто с Москвой беседуешь». В полной мере работает поговорка «Молчание – золото».

Чтобы вызвать такси, раньше полдня уходило. Теперь звонишь уже одетым и обутом, спускаешься по лестнице, а он уже здесь, шашечный автояпонец, и ты в дамках. Чувствуешь себя белым человеком, даже пребывая в фиолетовом состоянии. Пока доставляют по адресу, слышны переговоры водителей с диспетчером. Кто ближе к заказчику, тот устремляется на зов. Неплохо придумано, но, должен сознаться, мне все больше нравится пешее передвижение без диспетчера.

Теперь мы в переходный период живем. Который является продолжением прежнего многоступенчатого переходного периода, и это тянется всю мою сознательную жизнь. Считай, почти у каждого имеющего уши есть мобильник, но и от проводных телефонов не торопимся отказываться. Квартирный аппарат облагородился, усложнился, стал как игрушка: легкий, приятный на ощупь, жена прижимает его к уху плечом

и продолжает варить суп и жарить котлеты. Трубка легонькая, небольшого размера, а то и вообще вставляется в ухо. Динамический микрофон позволяет не напрягать связки, делает легко узнаваемым голос собеседника. А ведь сохранилось немало людей – и мужчин, и женщин с красивыми голосами. Наш редакционный художник обладал таким приятным басом, что немало женщин флиртовало с ним по телефону, подспудно поощряя его уговоры позировать для многофигурной картины «Баня».

Подарили мне телефонный аппаратик нового поколения на юбилей. А как им пользоваться? Опять инструкция, правда, потоньше, чем к мобиле. Читаю и раз, и два. Понаписано с три короба. И то, и это, определитель номера есть, – где он? А-а, подключается за отдельную плату. Нет уж, спасибо. Куда ни кинь – везде реклама, говоря политкорректно, – преувеличение. Кнопки тычешь, а он не соединяет. Заблокировано что-то.

Почему же такие непонятки? Видимо, плохой перевод с китайского. Сгоряча принимаешься искать переводчика. В Магадане немало китайцев на рынке, торгуют всякой всячиной. Недавно я там пластмассовое ведро покупал, с отменной вежливостью и улыбкой безногий китаец предлагал мне на пальцах постельное белье и комнатные тапочки с зайчиками.

Но те китайцы не знают русского языка. Даже устного и непечатного, не говоря о письменном. Соседский парень,

внук последнего Первого секретаря обкома, поступил в университет в Шанхае, но ждать, пока он приедет к своим милым родителям с выученной китайской грамотой – долгая песня. С Магаданом он связь по скайпу держит – видеотелефон такой, через компьютер, да не стану же я его загружать такими мелочами.

Приходится действовать по наитию, методом тыка. Но это нормально. Наши даже в космосе этот действенный метод применяют, он, можно сказать, наше национальное достояние. Особенно мне нравится, когда женщины толкуют про метод тыка. Спрашиваю эрудитку, что она имеет в виду. Парфеновна смущается, краснеет, но через мгновение находит ответ: мол, имела в виду Тыко Вылку. Через мгновение выясняется, что перепутала известного ненецкого художника и сказителя с повелителем молний Николаем Тесла, но так даже интереснее. Она и умственные игры на телевизоре называет *тык-шоу*.

Медсестра детского санатория Валентина своим умом дошла, как, не тратя ни копейки, узнавать самое главное о муже, находящемся в отъезде в другом конце страны. Набирает номер, и пока автоматика не сработает и Стас, ее муж, успевает выдохнуть «алле», по голосу понимает, что он, во-первых, жив, во-вторых, не пьяный и, в-третьих, не в компании другой женщины. Интуиция женская, запущенная на полную мощь – словно солнечная плазма, выедаёт мужской мозг. Правда, есть один контрприем: говорить по телефону

женщине, как она хорошо выглядит. В какой-то миг она решает, что рассматриваете ее в потаенную телекамеру.

Телефон изобретен для разговора, но не надо узко подходить к теме. Американские аппараты прежнего поколения, судя по кинематографу, очень прочные – их можно швырять в стену для снятия стресса. Герои американских фильмов давят мобильники ногами, словно вредных насекомых, топчут в реке, кидают под машину. Из телефона делают дистанционные запалы для бомб. Будильники из них идеальные. Скоро будут устраивать первенства по метанию телефонных аппаратов на дальность. И я не удивлюсь, если появятся мобильники-бумеранги. Мой внук уже близок к этому, придумал бумеранг из снега. До этого был бумеранг-банан. Сбил им игрушечную обезьянку Манки. Хорошо, малыш, только если вдруг найдешь мобилу на улице, не трогай, а то вдруг какой-нибудь террорист-подражатель найдется!

Предвкушаю появление мобильников с расшаренными функциями – почему бы не взбивать мобилой майонез, или не добавить в коробочку телефона регистр ультразвукового генератора, ну, как у стиральной машины «Малютка»? На эту мысль навел «стиральный» сюжет, полученный электронным письмом от троюродной сестры: «Очень я за вас радуюсь, если у вас настроение хорошее. А у меня Яблочный спас прошёл с наказанием для нас: пока я разговаривала с вами по телефону, включили воду, а она пошла мимо, я капитально затопила нижнюю квартиру, в которой только что

был сделан дорогой ремонт. Вдобавок муж потерял куртку (снял её, поскольку стало жарко). В куртке были документы, служебное удостоверение, пропуск и ещё что-то из служебных бумаг, не говоря о мобильнике. Но что поделаешь, доживём до завтра, видимо, мы пред Господом что-то провиняемся». Спустя час-другой получаю новое электронное письмо: куртка со всем содержимым нашлась, но муж опять потерял ее, когда с коллегами обмывал находку.

Как мог, я выразил женщине сочувствие, а через пару недель приходит по почте посылка. Открываю, а там потерявшаяся куртка...

Однажды, вояжируя в междугородном автобусе по Колымской трассе, я был поражен количеством телефонных вызовов одного из пассажиров на первом ряду. То и дело раздавался характерный для мобильника музыкальный проигрыш. В конце концов, я не выдержал, спросил, куда земляк названивает, что у него за такой успешный бизнес. Или поклонницы одолели? Мужчина слегка смутился, помедлил и признался, что всю дорогу играл на телефоне в тетрис. Потом еще один секрет раскрылся: тот малый курит трубку. Набивает мобилу трубочным вирджинским табаком и вперед!

Хоть у каждого члена семьи теперь по мобильнику, квартирный аппарат остается базовым. Не встречал еще людей, которые бы отказались от этого символа семейной стабильности. За стационарный аппарат платят авансом. Однажды я просохатил день Ч. Надо было 21-го заплатить, и я 21-го

внес платеж. Но не на телефонной станции, а на почте, вот деньги и не успели пройти из одного помещения в другое, в одном здании. И отключили стационарный аппарат. Обидно. Я не должник, но, подобно набедокурившему школьнику стою, в углу. Вернее, в очереди пробакланивших. Чтобы подключили. Дожили, называется, до капитализма, когда клиент всегда прав. Да, наверное, становишься хозяином положения, если покупаешь дорогую машину и дачу в придачу. Но когда платишь за телефон, из тебя все соки выпьют. Надо было в здание зайти с торца, и обошлось бы без проблем.

Будь это мобила, услугу возобновили бы через несколько минут после оплаты. Или Интернет – купил карту, активируй, и сразу же пользуйся, да хоть собой на сайте любуйся для поднятия самооценки. Своего сайта у меня нет, но ссылки есть, книжки мои можно скачать, – утешаю себя, как могу.

Чем по телефону, гораздо лучше с глазу на глаз толковать. И то, не злоупотребляя вниманием, не навлекая болезнь глаз. Старость – не радость – любые разговоры напрягают – мама родная. Я молчун, и пусть они не наглеют. Нередко монолог превращается в снежную лавину, накрывает с головой. Тогда забываю, какие продукты нужно купить для семьи. Жене приходится звонить на мобильник, когда я уже стою у прилавка, оглашать весь список.

С другой стороны, ошибка – двигатель прогресса. Заплати я в срок, не узнал бы, что девушка в городской телефонной станции за стойкой, где штрафников подключают, – очень

привлекательная особа. Ухоженное надменное лицо, перламутровый маникюр. Серые ясные глаза. Одета с большим вкусом. Как Одетта. Чем-то неуловимо похожа на невесту. И работает величаво, дарит себя публике гомеопатическими дозами. В других странах такие симпатюли идут в модели, в артистки, а у нас – в юстицию, в магазин и киоск, куда придется, куда рожаки засунут. Конечно, она из тех, кто задергивает шторы поплотней и включает люстру, кто раскрывает форточки и включает калорифер. И уверена, что буряты едят бурито. От нее аромат – как первая затяжка сигареты, когда ты куришь еще не в затяг, как легчайший, разбавленный свежим воздухом запах бензина пятидесятых годов на фоне отдаленного запаха конских каштанов. И аромат настурций и левкоев, похожий на звук виолончели.

Ей бы ходить по подиуму, а она вынуждена сидеть тут, отдаваясь на погляд и моральный раздев разношерстной публике, грешной по части своевременности оплаты за телефонные разговоры. Дочка не очень богатых родителей, вынуждена начинать с простых должностей. Снисходить до общения с быдлом. Раньше такие быстро выдвигались через комсомол. Присмотритесь к бывшим начальницам, – какие красивые у нас пенсионерки! Теперь красавиц выводят в жизнь телефонные компании и коммерческие банки.

Меня вдруг озаряет, отчего левая рука меньше, чем правая мерзнет в декабре, когда несешь с базара сетку картошки – она ближе к сердцу. И еще вспомнилось: в начале зимы

заморозил мобильник, не надо было держать его в портфеле с ноутбуком. А сын отогрел рукой, погладил и оживил. А я ведь в порыве отчаяния чуть не купил ненужную пока батарею к мобильнику.

Стоило побыть среди людей в злобной атмосфере очереди, и, подобно взрыву небольшой шаровой молнии, мне открылась тайна трех одеял, без которых в последние годы не мыслю засыпание. Это же так просто: цветная фотопленка состоит из трех слоев: красный, вернее, пурпурный, синий и желтый, смешиваясь, дают бесчисленное множество оттенков. Такого же цвета должны быть одеяла, и тогда станут грезиться цветные сны. Зима монохромна, мы добираем витаминов зрения за счет снов.

Недавно узнал, что говорить растекаться «мыслью по древу» – не совсем правильно. Филологи нашли, что надо говорить «мысью», речь идет о белке, вон она как по стволу дерева распласталась. Но если «мысль» – белка, то есть ведь и «мышь» – тоже «мысль» – крохотное существо, генетически почти не отличающееся от человека! Говорят, мыши уходят из дома, где есть хотя бы два мобильника – не выдерживают излучения. А тараканы уходят первыми. В нашем доме ликвидировали булочную, поселили там офис телефонистов, все хлебоеды к нам перебежали. Мышеловки оказались бесполезны, я переловил мышей на клей.

Одно непонятно, с какой стати в толпе незнакомых людей появилась мысль о мыси? За ответом не надо ходить за три

моря. У девушки, к которой выстаиваю очередь, на строгом темном бархатном платье воротничок из мыси, ну, из белки! Неужели, мода такая? Или она взяла от мамы воротничок вместе с платьем? Тогда я знаю ее мать?

Я поймал в глазах контролерши свое отражение и тихо поплыл в прибое гипертонии. Бежать надо отсюда без оглядки! Почувствовал взгляд вдогонку, словно контрольный выстрел. Такое ощущение, что пересек несколько часовых поясов на самолете: из Питера прилетел в Магадан под утро, не сомкнув глаз, мучимый авиационной жаждой, знакомой больным диабетом.

Полюбовался на нее еще секунд десять и ушел, не соломоново хлебавши, боясь прирасти к полу. Тому, что антипод потолку. Отчаяние боролось во мне с возмущением. Я твердил фразу, которая должна была пригвоздить этого мотылька для последующего препарирования.

Возбуждение от юной красоты владело мною несколько часов, и возникший жар спас от простуды, четвертой за текущую зиму. Лишь в конце дня жар спал, но настиг озноб – в момент, когда после работы зашел в магазин купить большую пачку вкуснейшего чая из Кении. Девушка за прилавком удивилась причудливости моих желаний, но лишь до того мгновения, когда, отложив на минуту мобильник, нашла требуемую пачку среди похожих – индийских и цейлонских. Тогда еще никто не знал, что президент США будет выходец из Кении.

У девушки из бакалеи был замечен шрамик, словно ей поранили губу, поймав на блесну. И это притом, что она сама себя поймала в сетку – такие у нас в рыбацком городе модные сетчатые колготки, переливающиеся перламутром, подобно рыбьей чешуе.

Меня поразила ее травма, я вспомнил другую девушку – с ясными глазами и таким же шрамом, та работает в видеопрокате. Глянешь и обомлеешь. Нестерпимо тянет почувствовать, ободрить, в упор не видеть следа ее беды и все-таки смотреть, желая впиться губами в губы.

Теперь пирсинг захлестнул молодежь, да и новое появилось – шрамирование: вырезают на собственном теле узоры, как на липовой дощечке. Мичуринцы собственного тела. Возможно, через раны и членовредительство им открывается высшая истина, как член-корреспондентам и академиком РАН.

В далекой юности я маялся раздвоенностью чувств, теперь растроенность появилась, что ли? Бывает, двигатель автомобиля «троит», так и сердце человека: из четырех клапанов один просит замены. Выходит, так. Годы берут свое, но и взамен дают нечто. Я недавно пришел к выводу, что разбивать население на любовные пары – не совсем правильно. Коль ищешь свою половинку, не останавливайся, попутно найди третьего лишнего и определи угол отхода.

Мой друг Стас больше всего на свете любит ловить рыбу и сочиняет рыбу для докладов своего начальника, после

копчения его спичи руководитель зажигает с одной спички. Еще больше Стас любит писать рассказы о рыбалке. И упорно не дает мне номер мобильного. Чтобы не вспугнул звонком, если будет клевать по-крупному.

Он сообщает о каждой рыбалке е-мейлами. Лет тридцать с лишним мне все казалось, что я понимаю его. Но лишь теперь, наконец-то, дошло, когда увидел девушку, которая могла бы стать талисманом ужения на блесну и мормышку и основой моих рыбацких рассказов. Впрочем, возможно, она ела вареное мясо с ножа, подражая эвенским оленеводам. Или занималась женским боксом, и кто-то ей расквасил личико.

Кстати, сам я рыбак неважный, а вот внук уже порыбачил на Дону с другим дедушкой, научился ладошки раздвигать: вот таких двух лещей вытащил.

Однажды мой друг обменял 5 килограммов плотвы на русалку. Для плотских утех сгодится и то, и другое. Так заразительно он рассказывал о своих телодвижениях, что я тоже пошел на рыбный базарчик, купил пахнущую русалкой корюшку, а затем заглянул в видеопрокат, к той, с особой приметой, красавице-рассеченке. Взял фильм с артисткой, которая в прямом эфире ударилась головой об лед, выступая в ледовом шоу. Они на телевидении с ума посходили, продюсеры. Надо для артисток каскадеров нанимать – это же ежу понятно. Или надевать каску под парик. А они актрисок в качестве каскадерок используют. Это же не кошки, кото-

рые всегда на четыре лапы приземляются.

Магаданские русалки добры к людям и не только камень не держат за пазухой, даже силикон. И не обязательно брать у них номер мобильного: город маленький, семь раз на дню встретишься лицом к лицу. Шрамом к шраму. Ашрамом к ашраму. Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Древняя мудрость. Теперь многие живут затем, чтобы сниматься в телевизионных сюжетах и говорить по мобильному телефону. Нервно нажимать на какие-то кнопки, да хотя бы на аккордеоне играть.

Лет десять назад непостижимым образом у меня появился диск с записью современного аккордеониста-виртуоза Дранго. Дал переписать коллеге с редкой фамилией Грузин: тот слыл непьющим, но порой не только закладывал за галстук, но и съедал его, не желая занюхивать рукавом. В детстве и юности, как Тузик грелку, порвал резиновую грелку, один из томов Большой Советской Энциклопедии, три гармошки и в щепки, измочалил несколько балалаек. Некоторым горе от ума, а этому от нечеловеческой силы.

Сколько раз бывало, от его биополя микрокалькуляторы выходили из строя, мелкая радиоаппаратура взрывалась в руках, поэтому он пользовался переносным магнитофоном отечественного производства полпуда весом. Телефон у него из шахты, по благу, взрывозащищенный, приложить к уху трубку – все равно, что чугунный утюг. А на жизнь зарабатывал перышком – журналист. Когда к пенсии подошло, пе-

реехал в Хабаровск, работу по специальности не нашел и подался в цирк. Стал подковы гнуть, пятаки ломать. А уж силы не те. Да и не впечатляют публику ломаные, обесцененные инфляцией дензнаки. Стал долларовые монеты гнуть, да их не напасешься. Подковы – так вообще приходилось заказывать в Греции, поскольку там есть все.

Сидишник с Дранго у него лопнул, о чем я до сих пор жалею: внук учится играть на аккордеоне и сейчас бы пригодилась та запись. Приходится органную музыку прокручивать. Фуга Баха напоминает мальчику о кошке Лале, которая залезла лапкой в аквариум, достала рыбку гуппи и отнесла к своей мисочке. Будь на месте рыбок красноухая черепаха, иначе бы обернулось. Ту не просто обидеть, она в бронезилете.

Мобильники подорвали прежний уклад жизни. Бывало, плати за разговор с домашнего аппарата четыре рубля в месяц, говори, пока не лопнешь, теперь ввели повременку, затыкают людям рот рублем. И все-таки подавляющее большинство не научилось экономно выражать мысли. Идет по улице, к уху приложит трубку, пять минут, десять. Слушает, внимает. А денежки капают. Речи ничтожны, а денег стоят больших. Телефон мой – томогочи, кушать хочет дни и ночи.

За словом в карман не лезут, а вот деньги из кармана утекают. На ветер. А ветра в Магадане столько, что слов не хватает. Деньги не мои, а досада берет.

Сам я отвык говорить. Иной раз откроешь рот и мычишь, словно кровь отлила от головного мозга. Все слова испарились. Тут нужен такой телефон, чтобы кнопку нажал, а там дежурный набор вежливых фраз. Что-то подобное уже создано – бывало, включаю автоответчик, а с него внушительным металлическим голосом: «С вами говорит автоответчик...». Оказывается, ГТС предлагает абоненту по-хорошему погасить до 18 числа долг 00 рублей 00 копеек. Иначе отключат. Трудно слушать это без сердечного скрежета: все оплачено, а пенделя под музыку Генделя все равно получи. Такой регламент даже в сказке с Кощеем и бабой Йожкой не прописан.

Как-то вдруг погас мобильник. А я на прогулке, далеко от дома, насыщаю легкие кислородом. У швейной фабрики, превращенной бывшим ее директором в конгломерат торговых забегаловок, нахально именуемых бутиками. Мало того, что погас дисплей телефона, так с ботинком непонятка: что-то елозит там, а двинешь ступней сбоку набок, резво устремляется, словно хоккейная шайба от хорошего удара клюшкой. Уж не отслоилась ли подошва и не оставляю ли босой след, подобно снежному человеку? Конечно, это не смертельно. Я другого боюсь: не отслоилась бы сетчатка глаза, избегаю напрягаться, поднимать собственное боди, то есть, как говорят американцы, – тушу.

С трудом подавил искушение немедленно разуться и проверить. Еле дотерпел до дома, разулся. Двухрублевая моне-

та. Не так уж велик ее размер. Стало быть, ощущения от ног не обладают тонкостью и дают большую погрешность – пищу для паники. А ведь бывает, пройдешь километра три, а кажется, все десять. Не верь ногам своим. Хорошо, но как монета оказалась в неподобающем месте? Кто его знает? Скорее всего, из прохуdivшегося кармана выпала.

Ну-ка, давай заодно и с мобильником разберемся! Не подает признаков жизни. А вроде есть какой-то способ, сын рассказывал. А, вспомнил. Давлю на широкую клавишу сверху, удерживаю. И вдруг загорается, медленно и печально, словно рампа в театре. Плакать и смеяться. Просто надо было вовремя подзарядить батарейку. Кто бы мне сказал, что буду так переживать из-за техники, словно это живое разумное существо?

Стоп! В списке пропущенных звонков незнакомый номер. Кто-то посторонний подключился. И ведь в обеденное время подгадал! Как говорят романисты, тревога заползает в сердце. Ну-ка позвоню незнакомцу, спрошу, что ему надо. Звоню. Молчок. А впрочем, нет. Звенит. Это же мой номер!

Я видел, как в сквере, когда в начале лета включили фонтан, на скамейке сидело два побитых жизнью мужика. Один, значительно старше меня, с дефектом слуха, записывал в школьную помятую тетрадочку химическим карандашом, что ему рассказывал другой, типичный счетовод, нежно держа большим и указательным пальцами корпус телефона, он отставил безымянный. Модель старая, еще с лати-

ницей на клавишах, и к ней ой, как нескоро притерпеться. У меня-то хоть кирилло-мефодиевский шрифт. Уже легче.

Фонтан журчал, приковывая внимание малышей, одна девочка со свойственной прекрасному полу деловитостью пускала мыльные пузыри, ветерок подхватывал и нес их, радужно захлебываясь. За заборчиком, под деревьями в богатырской позе лежал мужик, явно не здоровый. Ему предлагали вызвать врача, благо все телефонизированы до мозга костей, но он отказывался: мол, сердце прихватило, но это пустяки, не стоит делать трагедию, отлежусь и уйду восвояси, такое уже бывало. Подумалось: не надо на него давить, живой маховичок раскрутится сам собой. Люди не раз воскресали силой мысли. Да и дикие звери – заберутся в чащобу и зализывают раны, подают пример.

Все правильно, я соглашался с логикой мужчины, но одно соображение горит слабенькой сигнальной лампочкой: земля в Магадане не бывает теплой из-за мерзлоты, не следует на ней валяться: полежишь спиной и даже боком, – простуда обеспечена, бронхит или даже воспаление легких. А то и по почкам удар. Сказка о поверженном в битве богатыре, черпающем от матери сырой земли силу и мощь – вот где золотая мечта, пересиливающая здравый смысл. Может, и болото обладает такой же врачующей силой, в фольклоре это не отражено, а Север – это край болот, мы их любим, и не только за брусничные и голубичные ковры. Не поддается та любовь рациональному объяснению.

Незнакомый человек непримечательного вида подошел к лежащему сердечнику и вдруг протянул ему мобильник: мол, возьми, пользуйся, у меня лишний завалился.

Впервые я увидел телефон в возрасте три года. В шапке и шубе из степного сурка иду с мамой по деревянному тротуару районного центра в Сибири на переговоры, а потом она купит в сельпо мятных пряников в синей бумаге. Только сначала на почту, где переговорная кабина. Неужто, она походит на кабину полуторки? Может, удастся порулить. На самом деле заводят в маленькую, чуть просторней собачьей, будку и дают большую черную штуковину, внутри что-то хрюкает: «Хрю-хрю, Вовик, хрю-хрю». Мать улыбается, а я так вообще смеюсь: стало быть, вот он какой, телефон. «Что ты не отвечаешь? – ласково спрашивает мама. – Это тетя твоя с тобой говорит. Поздоровайся».

«Хрю-хрю, – говорю. – Здравствуй, тетя Таня». И смеюсь. И она смеется, хрюкая. Больше всего мне телефонный шнур понравился – тонкие проволочки с нитями переплетены. Вот бы мне такой – похрюкать!

Хотел еще поговорить, но минутки кончились, пора домой. Мы зашли за пряниками, а мама еще и конфет-подушечек прикупила. Ем, думаю. Как только в них закладывают повидло?

Мы с мальчишками и прежде прикладывали ухо к столбам линии связи, улавливали слабый гул. Стало быть, вот оттуда идет то самое «хрю-хрю». По телеграфной линии и телефон-

ная болтовня проходит.

А потом старшие пацаны выпросили у связистов списанные батареи с кислотами, если попробовать языком, проводками, загнали два штыря в землю, протянули один провод, и ток послушно потек в земле, чтобы перенести колебания мальчишеского голоса из угольного микрофона в наушники от детекторного приемника, привезенного из города.

Лет до 27-ми я жил, не ведая забот. Только в Магадане, в коммуналке, оказался телефонизированным. Мне попадает в руки черная эбонитовая трубка, я смущаюсь, и никакого нормального разговора не выходит. Трубка впитывает и хранит запахи духов, помады, табака, водочного перегара и зубного эликсира. Молчу. От меня она никакого запаха не возьмет. Сценический зажим, – говорил Станиславский. И ведь никакой сцены, никто не покупал билетов, чтобы посмотреть, как я буду мямлить.

В Магадане были времена четырехзначных номеров. Начало семидесятых годов. Нет, официально все уже перешли на пятизначные, но по-прежнему называли четыре знака, впереди идущая двойка подразумевалась.

Можно было исхитриться занять престижные номера. Те, что легко запомнить. Из одной цифры, повторяемой пять раз. Из чередующихся двух. Или по убывающей, по нарастающей, да мало ли что. Немного фантазии, хитрости и коньяк связистам.

Абоненты часто ошибались при наборе пяти цифр, сам я

тоже путался. Техника давала сбои. Об этом немало написано юмористических рассказов, а в жизни не так уж и смешно. Мне довелось работать в учреждении, где номер отличался лишь последней цифрой от справочной аэропорта, и телефон трезвонил не переставая. Это был тренинг терпения. Я знал по голосам половину города, удивляя земляков осведомленностью в их воздушных перемещениях.

Теперь квартирные телефоны в Магадане переведены на шестизначные номера, меньше стало ошибок. Хотя поначалу немало было трехэтажных комментариев. Больно уж автоматика своеобразная: гнусным подколодным голосом виртуальная женщина сообщает, что неправильно набран номер или такого вообще нет в природе. Или номер отключен за неуплату. В последнее время телефония стала гораздо деликатней: «Разговор с этим абонентом по техническим причинам не может быть предоставлен». Это кот поупражнялся над телефонным проводом. Что уж он нашел там вкусного? Когда молодой был, он любой звонок дублировал длинным *мяуу* и буквально за штаны тащил к аппарату. Внученок любил поговорить с котиком по телефону, чтобы «муль-муль». Приходилось деду *мур-мурить* в роли кота.

Я думал, на мобильнике вообще не будет ошибок. Но вот высветился на дисплее незнакомый номер. Молодой мужской голос произнес:

– Виталя, у тебя будут проблемы. Подумай, взвесь. Оно того стоит?

Я не возражал: может, еще что-то скажет. Зачем перебивать? Ну, вот, вроде выговорился. А я остыл, с политкорректностью полный порядок. Демократы выдрессировали. Медленно вернулся дар речи:

– Стоп. Никакой это не Виталья. Никогда и близко такого не было, – отключаю мобильник, не дожидаясь возражений. Пусть не я плачу за исходящий, но мне его бестолковых денег жаль. Да не в деньгах, конечно, вопрос. Меня телефонные разговоры все еще сбивают с настроения. На себя сержусь за собственную неуклюжесть и на того, кто звонил. Мог бы и получше ответить. Без комплексов. Словно в эфире, перед телевизионной аудиторией выступил экспромтом. Не сказал того, этого. Через час тот же голос:

– Вы передайте Витале, что у него будут неприятности.

– Да не знаю я никакого Виталия.

– Ничего, познакомитесь.

Наглость без границ. Возмутительно. И никакой защиты от произвола. Но ведь ничего страшного не произошло. Сам сколько раз вламывался в чужие приделы...

Ожил стационарный телефон:

– Я упала. Под столом лежу. Поднимите меня.

– А куда вы звоните?

– Знаю, куда. Не надо меня за дуру держать. Это же та служба, где первую помощь оказывают?

– Извините за грубость, но хочу огорчить: у вас неправильно номер записан.

Разговор обрывается, но через несколько минут тот же тревожный и глухой, как из подземелья, голос:

– Да идите же сюда. Мне сто лет. Если дверь закрыта, выбейте ее. У меня сломана нога. Спасите меня.

– А куда идти-то? Адрес назовите и ваш телефон, мы вам службу спасения вызовем. Они проблемные двери по-своему открывают. Без церемоний.

– Мне ваш телефон Вася дал. Где он, негодник? Дайте Васю.

– Извините, не знаем мы Васю. К сожалению.

– Да что же вы мне голову морочите? Не знаете Васю, а он ваш телефон дал? – Пауза, и с надеждой: – Вася! Ты, родной?

Неужели она думает, что такими вещами можно шутить? У меня нет слов, разъединяюсь. Когда настала пора мобильных, я стал разговаривать еще реже, выстраиваю фразы в телеграфном стиле. Скоро мне понадобился видеотелефон – на пальцах изъясняться. Похоже на то, что заикаюсь. И опять звонок:

– Виталя. Это Вася звонит. Не придуряйся, я знаю, что это ты. Давай, быстро дуй к бабуле и достань ее из-под стола. Да не забудь бутылочку пивка прихватить. А то у нее энергия на нуле, встать не может. И не думай хвостом вилять. А то знаешь что! Ну! Одна нога здесь, другая там. Обе оторву, так и знай.

Тем временем приходит СМС: «Мама, это мой новый номер на МТС. Закинь мне 150—200 руб., я потом объясню».

Через час приходит предложение звонить со скидкой в ночное время. Безлимитно. А еще я могу выиграть «Мерседес», отправив сообщение по указанному адресу.

Спасибо, не надо. Ты, значит, позвонишь, в ответ молчок, пока алекаешь, пока трясешь трубку, они с твоей сим-карты все деньги снимут. Неужели кто-то еще на это покупается? Потом предлагают выиграть БМВ. Стоит послать бесплатное МТС на сайт, если повезет, одна из 34-х машин – твоя. Какой изгиб мысли! А вот и бонус предлагают – 500 рублей. На днях я установил беспроводной интернет. Они и сюда пробились с заманчивыми предложениями халявы. Удалил, жду новых подвохов.

Поразительно, как изобретательны телефонные деятели.

Третий или четвертый раз подступают ко мне доброжелатели из телефонной системы, чтобы поучаствовал в розыгрыше престижного автомобиля «Порше». Почему? Хорошая марка, что ли? А у меня с детства вертится в голове «Ситроен». Я его и в глаза не видел, но звучание хорошее – как название газировки, которую мы пили с дядей Ильей в бане 60 лет назад.

Ситро – деликатес моего детства. Первый раз попробовал, чуть в обморок не упал. В бутылке было столько газа, что живот чуть не лопнул. Чувствовал прохождение его в желудочно-кишечном тракте. Или это особенность детского мировосприятия? Небогатый ассортимент вкусняшек.

Помню, можно было купить фруктовые эссенции, их ис-

пользовали для стряпни. Можно было и напиток домашний приготовить, только какой смысл? Квас вкуснее, а готовили его ведрами. Молоко пили. Но сидро – это праздник. Потом услышал название автомобиля «Ситроен». Фильм про Фантомаса, там впервые встретился. Неистребимая иллюзия того, что он самый лучший. Взрыв вкуса, когда голову отстреливают.

Столько в ней было газу, что приходилось его то и дело стравливать отрыжкой, и такое было послевкусие после клюквенного вкуса, что слезы наворачивались. Хотя и смешно делалось. Ничего вкуснее из напитков не припомню.

А тут еще одно предложение от телефонщиков: пополните, мол, счет и получите бонус – 100 рублей. Ничего себе! Я ведь уже получал бонус, могут и не дать. Ну, да ладно. Не дадут, так при своих останусь.

Слово «бонус» на меня действует магически. Хоть и пришлось весь день ходить по городу, и устал я, одеваюсь и топая на угол, в дом с курантами, где обычно плачу за мобильник.

Непростая задача. Четыре стерлядки толкутся, мешают друг другу, а я жду очереди заплатить им за мобильник. Слово «очередь» условное. В очереди никого, я один. Но внимания на меня обратить некому: по техническим причинам. Или человеческий фактор подгадил?

Наконец, одна из стерлядок принимает у меня платеж и вскрикивает, как от укола иглой. Вместо сотни пробила

1000 рублей.

У меня аж сердце заныло из сочувствия. Может, сбежать домой, принести недостающие денежки и вложить, чтобы сальдо-бульдо подбить? Если ужаться, понемногу расходовать, на год может тысячи хватить. Молодежи надо помогать. Вон она, какая стройная, спинку хорошо держит. Не надо, чтобы сторбила ее печаль.

– Да брось ты, не дури, – сказали мне домашние. – Пусть выпутываются сами. Прекрасно обойдутся без твоих пенсионных рубликов.

Чувствую правоту в этих словах, умолкаю. Надо выждать, какое будет продолжение. Вон телефон проявляет беспокойство. Звяк, и на экранчике проступает надпись. Мой телефонный счет вырос на тысячу! Хоть стой, хоть падай.

Как же поступить мне с привалившей суммой? Позвонить в Москву сестре в большой город на материке или племяннику Евгению в Канаду? Много лет не слышал его голос. Теперь это запросто можно сделать, техника позволяет. Но не нужно дергаться. Неожиданный телефонный звонок, по себе знаю, может и перепугать. А сестра на 10 лет меня старше, мужа похоронила.

Дня три испытывал я неловкость от собственного бездействия. С другой стороны, не надо преуменьшать возможности телефонных монстров. И веры, что само собой утрясается: такого не было никогда.

Ошибка стерлядки вызвала неожиданные последствия.

Стали мне от телефонной компании заманчивые предложения поступать. Мол, положите на счет полторы тысячи рублей, и мы внесем столько же. Совсем с ума посходили. Нет, не нужны мне такие приключения. Чем больше сумма на счету, тем больше соблазн выманить ее. Как божий день ясно. Один раз удалил сообщения, второй. Угомонились вроде.

Потом опять за прежнее, но сбавили обороты: положите на свой счет 150 рублей до 20-го числа, и получите бонус. Да пошли вы, с бонусом! В пим дырявый! Не стал отвечать. И они замолчали.

И вдруг новая СМС. Иногда для повышения настроения бывает достаточно глянуть на цифру, в наш-то цифровой век. И что же? Где обещанные золотые горы? Где моя тысяча? Там всего 170. И то надо бонус за неделю использовать, а то сгорит. А я, как ни стараюсь, больше 30 секунд по мобильнику говорить не могу. А без мобильного молчу днями. Это соображение нервирует меня, вселяет чувство вины: ко мне по-хорошему, а у меня нет фантазии для адекватного ответа. Надо жене дать поговорить, она умеет.

Опять трезвонят. Сообщение. Со мной уже хотят познакомиться. Надо же! Предложение, конечно, заманчивое, но лучше сделаю вид, что не расслышал. Предлагают выйти в чат знакомств – это стоит 35 рублей. Хочешь девчат – полезай в чат!

Новые люди – слишком хлопотное дело с ними общаться.

Чат, чат, пронеси.

Жена берет трубку, телефонирует внуку, и мой финансовый козырек тает до нуля. И я почему-то кашляю. Есть вероятность, что у меня аллергия на деньги. Поэтому в доме шаром покати.

Но с другой стороны, чем трепаться за деньги, лучше бесплатно помолчать!

Молчание – золото.

Ваша банковская карта будет приостановлена. И номер мобильного. Позвонишь, а они с тебя деньги скачают. Ловко придумано. У меня и карты никогда не было банковской.

Еще один звонок:

– Ваш сын, управляя автомобилем в нетрезвом виде, попал в дорожную аварию. Срочно переведите пять тысяч – откупиться от милиции. Номер счета...

Ага, счаз! Это мы уже проходили. Сын-то рядом со мной, вместе обедаем. Никуда не попадал. И автомобиль у нас на приколе.

На другой день, примерно в это же время звонок:

– Черт побери, мы тут все лежим под столом: Вася, Виталия и, главное, бабуля. Не смотрите, что ей сто пятьдесят лет, шухерная. Она перепела. Извините. Перепила нас всех. Но потеряла змеевик. Куда звоним? Вам. Приходите, тут еще полведра осталось. А змеевик мы найдем. Собаку по следу пустим. У вас есть толковая собака? А змея? Захватите с собой. Ну и хлебца, колбаски.

Что делать? Иду. Ташу горячку и закуску. И это компания скоро становится родной. Виталя, Вася – славные ребята. С ними отдыхаю душой. Бабуля – милая, хорошая рассказчица с молодым голосом, ее даже когда-то приглашали на работу в «секс по телефону». В молодости по зонам благотворительностью занималась.

В Магадане, если разобраться, полно хороших людей, только надо с ними покрепче сдружиться. Хотя бы и посредством ошибочных телефонных звонков.

Мастер снов

Встанем стенка на стенку, головой об заклад.

Мы работали сдельно, а легли на оклад.

Е. Клмн.

Я ждал возвращения Петрова с потаенным волнением, представляя, как он будет гнать пургу в рассказах о далекой экзотической стране, не даст и словечка вставить. Только и останется подкарауливать момент, когда его рот будет занят пивом. Съездил в Аргентину – с ума сойти. Туда его взрослый сын с семьей переехал на постоянное место жительства, спасаясь от безработицы и рэкетиров. Почему в такую даль? Так легла его карта – географическая. На оборотной стороне мелким шрифтом – карта вин. Может, и скрывает что-то, ведь там, в гостеприимной стране полно русских – от белогвардейских потомков до военнопленных второй мировой.

– Наверное, ты тоже в детстве думал, что в Южной Америке живут антиподы, вверх ногами ходят, – пытаюсь шутить с Петровым, а он смотрит на меня, как *барон* на новые ворота. Отвык, небось, от обычных моих неуклюжих подколов, а ведь после кружки-другой их вполне можно считать смешными.

– Объясни, что имеешь в виду, – промямлил он, наконец,

опустив глаза, и я понял, что не придуряется, ведь обстановка пивнушки на улице Пролетарской не официальная, никто за язык не схватит. Или поотвык от звучания русского языка?

– У них простая ключевая вода пьянит, только надо угадать фазу луны, – продолжаю наслаждаться перехваченной инициативой.

Петров онемел от моего речевого напора, и, пока молчал с отпавшей челюстью, я вроде как с укором напоминаю ему про Талую, куда он умудрился не съездить на грязи за многие северные годы. Чистюля. Многое потерял. Помню, приперлись мы в курортный поселочек с писательской бригадой открывать клуб книголюбов. 270 верст к северу от Магадана, на такси. Дня три беспрерывно пьем водку и трезвеем. Пьем и трезвеем. Я с той поры ценю именно такую трезвость, как железо, восстановленное из порошка.

И вдруг с ароматом ландыша вспомнилось, как в седьмом классе натянул авиамодельную резинку на парту и нечаянно извлек из неметаллической струны странноватый музыкальный звук, похожий на пение пьяного шмеля. Не думал, что столь простым приемом можно тронуть чье-то сердце. Разве что резиновой женщины, но таких у нас еще не бывало. Не считая упоминаемых в букваре резиновой Зины из магазина и Маши из папье-маше.

Девчонки с передней парты, как по команде, обернулись и не произнесли привычное «дурак», а лишь переглянулись

и поощряюще улыбнулись, и это была первая в моей жизни женская благосклонность. А ведь звали одноклассниц Зиночкой и Машенькой.

Жаль, та детская удача не нашла развития в дальнейшей жизни! Ведь мне так и не удалось побывать в Аргентине, где дешевое мясо, поскольку коровы нагуливают его на изумрудной сладкой траве, поваляться на которой – голубая мечта не только травоядного. И ведь на отопление жилища аргентинцы не тратят ни копейки. Правда, по моим подсчетам, кондиционер обходится дороже калорифера. Зато воздух легкий и ароматный, недаром и столица в честь буэнеса (хорошего) айреса (воздуха) названа. Наверное, там, вопреки поговорке, можно надыхаться перед смертью.

Петров цепенеет от изумления. Пиво течет по его рыжеватым усам. И ничего-то он не знает, в том числе, что Аргентина названа в честь аргентума, иначе говоря, серебра. И ему никак не придет на ум, с чем сравнить воздух аргентинской столицы. На свой прямой вопрос не получаю даже обтекаемого ответа: Петров молчит, как сом-рыба. И я опять перехватываю инициативу, полный ласковой снисходительности к моему задушевному приятелю.

– Возможно, – делаю предположение, – есть сходство с прогулкой по вершинам сопот Магадана, где уже не растут деревья, лишь жесткая альпийская трава перемежается мхами и лишайниками. Там, в легком облачке, удивительно хорошо дышится – совсем как в детстве, когда выходишь из ба-

ни на мороз, напившись в буфете клюквенного морса, и он медленно отрыгается, трогая мельчайшими щипками вкусовые и обонятельные сосочки. И насчет серебра, чувствую, Петров тоже не в теме, а у нас в Омсукчанском районе месторождение «Дукат» – по величине запасов одно из трех в мире. Я там был, видел самородочки, похожие на стружечки из-под крохотного строгального станочка.

Сын Петрова, как я понял, – не дурак выпить пива и поучаствовать в боксерском поединке с отцом. Шуточный удар противника, близкий к ниже пояса, разгоняет всосанный в кровь с молоком матери алкоголь. И тогда включается естественный омыватель лобового стекла, поскольку чувствуешь себя остекленевшим. Занятия спортом наложили отпечаток на фоторобот иммигранта: дважды перебитый нос его похож на небольшого верблюдика, привыкшего дважды в месяц утолять жажду по полной.

Я понимаю, как в жаркой стране хотелось парню душевного тепла в виде прохлады, чтобы обнять родного папаньку в образе снеговика с красным носом из морковки. С безжалостной ясностью вдруг обманчиво представилось, что не Петров-младший, а мой сын уехал в Южную Америку, не он, а я посетил его в далекой стране и сгорал тоской по родине, отгоняя навязчивые видения берега Нагаевской бухты, парнишки-парашютиста в обезжиренном небе. Из дальней страны Россия представилась прекрасной, в голубой дымке, словно из космоса. Со всеми фишками и приколами.

У нас ведь, куда не кинь взгляд – Долина смерти, Мертвое озеро, гора Чертов палец, ущелье Нечистого духа, Чертов овраг, деревня Дно, сплошной гибляк и крадец. Это чтобы служба патокой не казалась. Не любим мы телячьих нежностей. Живем, в ус не дуем, хоть и седина в бороду. Магадан, один из лучших городов по благоустройству в своей подгруппе, парадоксально живописен и в мелочах: две собачьи кучи на плиточном тротуаре, раздавленные ногой врожденного художника-перформаниста, изящно смятые алюминиевые банки, обертки, бутылки будоражат глаз. И магазины, магазины с громкими названиями «Миледи», «Голубой бриллиант», «Ин-Фанта», «Парадец», «Елисеевские поля» и так далее. Все это будто бы виделось мне из далекого аргентинского далека беспредельно милым, напитанным нежной энергичной музыкой аргентинского танго.

– Как? И танго они придумали? – изумление путешественника переходит государственные границы. А ведь он все видел собственными глазами, слышал своими ушами, приговаривая: «Язви меня в душу», «Лопни мои глаза!», «Увяньте мои уши», «Отсохни мой язык»! Лучше бы помолчал.

Что больше всего поразило Иван-туриста? Если муж аргентинки предстает пред ликом Всевышнего, его пенсию продолжают выплачивать оставшейся в живых супруге. Нам бы перенять такое, – не раз восклицал Петров с таким видом, будто я возражаю. Женщины у нас живучее на 13 лет, так пусть бы это нововведение скрашивало им впечатле-

ние от чертовой дюжины. Кстати, роковая цифра выплыла из недр статистики с другим значением: на 13 лет женщины стареют раньше, если курят.

Благодаря климату аргентинцы упускают возможности оттянуться до дна, как у нас. При их дешевизне спиртного там полно непьющих, а вино демпингуют по цене пива. Петров сызмальства знает толк в винах: много лет прожил на Кавказе. А недавно ему рассказали, что в Греции, куда, кстати, уехал другой Петровский сын, в древности вино разбавляли водой и все равно надирались до поросычьего визга. В Аргентине превосходное вино, благодаря чему магаданец помолодел на 20 лет, как раз до полуста. Спирт там вообще не пьют! Заправляют им автомобили и самолеты. Узнал – так удивился, что сам чуть не оторвался от земли – посредством употребленного внутрь авиационного горючего. Никто не напивается допьяна, прям лиса и виноград.

Всю поездку, я уже говорил, Петров не верил собственным ушам и глазам. Не думал, не гадал, что по возвращении в Магадан глаза хоть не лопнут, но пригаснут, окулист заставит расстаться даже с пивом, а иначе, мол, накроет слепота и подкосит безножье – последствия диабета.

Поэтому наше фантастическое застолье последнее. Завязывает с этим делом морским узлом. Ну и я с ним за компанию, а куда деваться?

– Знать бы, что так повернется, остался бы невозвращенцем, – признается приятель. Больно уж далекое путешествие

совершил, оно, как говорит один президент, перетрахнуло весь организм. Вся муть со дна поднялась, в голову ударила. Но не вернуться он не мог: в Магадане ждала жена, пусть не помолодевшая, как он, и далеко не первая, да ведь родная. Ну, не двоюродная же! Такие оладушки с маком, как она, никто испечь не умеет. Кстати, на оладьи ему тоже полный запрет вышел, не говоря про мак. Зато на овсяную кашу нет ограничений.

Много подноготного увиделось издалека. Как-то внезапно, в припадке дорожной лихорадки, понял, что женщины стесняются собственной старости. А мужья, оказывается, маются чувством вины: мол, от переживаний и забот преждевременно постарели их красавицы-жены.

Что и говорить, за кордон уехать легко, а возвращаться на исходные позиции – сплошная мука. Не то, что по комсомольской путевке устремлялись сорок лет назад Колыму покорять. На юге, было, помолодел, а на севере биологический возраст мгновенно взял свое, с районным коэффициентом на пару.

Утром утешающе гладил седую голову жены по часовой стрелке. А вечером в противоположную сторону закручивал мысли. Она и рада, прячет в слезинке счастья горючие невыплаканные реки бабьих слез.

И вдруг у него созрел план старческого счастья. Оделся во все аргентинское, сходил на почту, получил накопившуюся за время отсутствия пенсию, раздал долги, накупил

еды, питья. В Магадане тоже можно достать хорошего вина, в том числе из Аргентины. Цены могут психологически подкосить. Чтобы этого не произошло, надо предварительно рубли в доллары перевести.

Покейфовал дня три и зубы на полку. На большее не хватило – и не надо: из долгого запоя в преклонном возрасте можно и не выйти. Рухнул в анабиоз до следующей пенсии: каждому делу время, а потехе – час. Очнулся в день следующей пенсии и ко мне – мыслями делиться, которые нагулял во время анабиоза. Спал-то не просто, а по специальной программе. Терпенье, все расскажу.

Без пива он как в безвоздушном пространстве, как в неведомости. Доктор ему говорил: сахар – главный враг старшего возраста. Вот и решил добывать сладость не из свеклы и тростника, а из нежного сна, а уж из него получать самогон самовозбуждения.

Хорошо, когда проблема и ее разрешение даются во сне, словно в сказке про царевну-лягушку. А как в реальной жизни? Присмотрелся к энергичным людям – вплоть до недоумения. Откуда энергию черпают? Одному больному адреналин в сердечную мышцу вводили. А у него давно уже организм кроме спирта ничего не принимает. Вот и пришлось капельку в маску для наркоза, каплю непосредственно в мозг ввести!

А я, для поддержания разговора, соответственно припомнил, была у одной депутатской фракции в областном Со-

вете программа – переселить в Аргентину сельское население области, подрубленное под корень американскими око-рочками. Идея такая: выращивать в южном полушарии ово-щи-фрукты, да в Магадан на подводных лодках по конвер-сии доставлять. У нас же база подлодок на Марчекане про-стаивает. Но как-то не срослось. Укрепление доллара идет, а рубль все слабит и слабит. Как от пургена. Доллар на пол-тинник скакнул, Россия 32 миллиарда потеряла. Вот и при-ходится выходить из заколдованного круга кружным путем.

Петров тоже в 90-е интересовался иммиграцией: спраши-вал, сохранятся ли надбавки переселенцам. Нет? Так что там, огород городить! Кому надо, пусть в Краснодарский край переселятся, поступят в казачий ансамбль песни пляс-ки, а кому жара хуже электрического стула, останется на Ко-лыме, чтобы уж до последнего «ха» и ржаной корочкой за-нюхать.

У нас на малой великой родине тоже было хорошо. Олени-на, икра, балык, дичь, минтай дешевый, его даже никто как следует, не распробовал, кроме моего кота. В те времена, ко-гда мы были молодыми, а нашим старикам жилось полегче, старость казалась нереально далекой, не знали мы, что стан-нем завидовать самим себе, не только за границе. Верно го-ворится: нет нужды ученого учить и здорового лечить. Неда-ром на Кавказе принято бутылки в землю зарывать на чер-ный день, а у нас не прижилось. В мерзлоту-то не зароешь!

Я все мечтал хороший кассетник купить, чтобы кассеты

не поскрипывали, и телевизор с нормальной цветопередачей, а уж с пультиком – верх блаженства. Получил свое и доволен, как слон. А ведь люди не остановились: одна квартира, вторая, джакузи, подвесные потолки, утепленные полы, одна машина, вторая, вилла, яхта. Пять жен. У меня до сих пор в голове не укладывается. Хотя, по правде, упомянутому не место в голове.

Все успокаивал себя: не все потеряно, реванш возьмут дети. Только несколько лет назад началось, что дети начальников руководят детьми бывших подчиненных. Наследуют посты хозяйственных руководителей, точно княжеский титул. Так, наверное, и раньше было, но не бросалось в глаза.

Когда Ельцин отмашку дал, кто-то предпочел, не теряя времени, под шумок реально богатеть, а кто-то – насладиться свободой печати. Наш брат любит сравнивать усилия журналистов с трудом шахтеров. В Магадане ликвидировали объединение «Северовостокуголь». В освободившихся помещениях расположилось три редакции. И за три года ушло из жизни два главреда.

А я попал под выстрел. Шальная пуля угодила в глаз, не нарушив зрения. Вышла из уха, не лишив слуха. Все функции мозга сохранились. Продолжал работать, не садясь на инвалидность, оставался фельетонистом. Напрягало одно неудобство: сквозная рана. Когда в ветреную погоду поток воздуха напирал фронтально и выходил с тыла, раздавался легкий мелодичный свист. Звук не особенно против-

ный, привыкнуть можно, но правильно говорить: «не сви-сти, денег не будет». Их и не было никогда, а теперь и того меньше.

Я уж прицеливался податься в артисты оригинального жанра – художественный свист. Меня не пугали гнилые помидоры, которые, возможно, станут бросать из зала – из них выходит неплохая аджика, но нашелся специалист в бесконтактной хирургии, и моя проблема решилась сама собой.

Не скрою, пытался выразить себя в звуке. Шучу. В бизнесе. Ближе всего по духу оказались коробейники – с три короба нагородят, на деньги разведут. От общества инвалидов продавал лекарства с ламинариями, мед с трепангами. Самое трудное здесь – убедить, что ты – тот, за кого себя выдаешь. Не посчитали за трепанга. Припутали как-то: мол, какой ты инвалид, какой группы? Да у меня и кровь первой группы, а вы как думали? Вали отседа, говорят. И ушел, куда глаза глядят. А то и, правда, инвалидом сделают. Сказал, расставаясь: «Вам лечиться надо. У патологоанатома». На счет группы больше ни слова: за групповое больше дают.

Про аптеки вообще молчу. Вот где золотое дно. Надо же – дорогу перешел, заработал 280 рублей – настолько нужное лекарство в другой аптеке дешевле. Но в аптечный бизнес без специального образования путь заказан. Иное дело, если торгуешь тайскими таблетками для похудания.

А слышали про старика, который пропускает через себя 220 вольт и одновременно через воду? Вода становится це-

лебной. И лечит наложением рук и ног. В него молния ударила. Себе бы так! Нет, я не про молнию. Раньше надо было думать, предугадывать. Знал бы, на провизора пошел учиться. Без провизии не останешься.

Было время, навывисывали мне как-то лекарств ровно на 3,62 рубля – как раз тогдашнюю стоимость бутылки водки. Теперь счет на тысячи идет. Денег не жалко, но что удручает – каждое лекарство дает побочный эффект. Бьет из-за угла. Дай, думаю, откажусь от медикаментов. Гомеопаты разводят обычное лекарство в сотни, а то и тысячи раз. Я пошел дальше – самолечусь словом «аспирин» и «подорожник». Меня вид дороги лечит. Надо задать программу организму, чтобы лекарства сам вырабатывал. Прямо в кровь впрыскивал, вместе с адреналином.

...Мед сам съел, трепангов тоже. Чтобы не трепались. Это был медовый месяц моего бизнеса.

Попутно автором изобретения стал. Спроси меня, как самогон альтернативно гнать? – не обязательно брагу нагревать, осажая пары алкоголя. Надо в колымский наш жесткий мороз спирт вымораживать. Продукт назвал «Слеза Снегурки» – высшая степень очистки алкоголя. Правда, зимы в целом стали теплее. Но на наш век холода хватит.

Где подорожник – там дороги, там и дураки. Я в полной мере понял лечебный эффект дурака. Испытал на себе действие подорожничкового крема. Бешеная энергия разливается от дури, биостимуляторов, душа требует простора. От-

крыл несколько предприятий. Каждое прожило недолгую, но яркую жизнь. Повеселил я народ. Магазины «Коля Зэй» книги распространял. Раз, два, три – он уже окорочками торгует.

Предприятие общепита, харчевня «П'эль-мэн, блин» – блины, пельмени ручной выделки, манты по ханты-мансийски. Хоп – и на окорочка перешло.

Мастерская «Сапогы» – ремонт, чистка и зачистка обуви и поглажка шнурков. Энэ-бэнэ-раба – оно поменяло специализацию, окорочкует.

Ну и надоело мне это дело хуже горькой редьки. Бросил. Не без потерь, конечно. Долго рассказывать. Дай, думаю, открою магазинчик возле следственного изолятора СИЗО – «Сизокрытка». Ассортимент специфический – товары, разрешенные для передач в зону. Кто с трассы приезжает, может родственнику или другу-другу по-быстрому передать за колючку любовно сформированный набор из табачных, чайных и колбасных изделий, а также почтовой бумаги для писем прокурору.

И вроде как поступило встречное предложение от нетрудовых элементов: заняться организацией загрантуров для граждан с подпиской о невыезде и пребывающих под добровольным домашним арестом. Что – за гранью понимания? А для ясности мы промоем мозги – медицинским спиртиком!

Большое внимание уделял я парадоксальному маркетин-

гу. Не гнушаясь намеков, заключил договор с известной коммуникационной компанией – у нее эмблема с пищевой спецификой – куриное яйцо. За их счет напечатал пачку листовочек, прорекламировал телефонно-яйцевые услуги и диетические яйца партнерской птицефабрики: «В пустыне яйца закопай в песок и достань печеными. А у нас сядь на пол и к земле приморозь. Смекай: не можем мы сидеть, сложив яйца в одну корзину».

И что же – продаваемость и у нас, и у них значительно выросла. Открыл потребительский семинар «Яйцо курицу учит».

Вместе с тем росла моя писательская популярность. Казалось, еще шаг, и смогу зарабатывать литературным трудом. И однажды случилось невиданное. Открывается дверь, вваливается молодой, полнеющий благополучный человек, от него запах денег, заглушаемый цитрусовым парфюмом.

– Союз писателей? Здравствуйте. Сколько стоит написать книгу обо мне?

Набираю воздуха – ответить. Быстро подсчитываю основные и побочные расходы и размер накладных карманов. Но тут ему звонят по мобиле, выходит в коридор и до сих пор не возвращается. Мне даже стало казаться, что несостоявшийся заказчик просто приснился мне. Но это не так. А про то, что снилось, отдельный разговор и песня. Люди болезненно реагируют на малейшие упоминания о себе в печати. Помню, один гражданин возмутился, что упомянули в те-

лефонном справочнике его фамилию и хотел подавать в суд на связистов.

Хозяева жизни легко задружили с художниками. Востребованы скульпторы – при жизни надгробия заказывают, чтобы не обременять наследников. Сошлись и с живописцами. Открывается выставка, и среди зрителей – заказчики. Героев этих картин нередко находят с перерезанным горлом. Но они умеют радоваться жизни. Возле полотен толкуются, выставляют соответствующую мимику, чтобы подчеркнуть фотографическую похожесть. Гордятся собой, будто их за особые заслуги перед обществом удостоили живописных портретов в аллее славы. Тетки в драгоценностях. Если у нее сережки изумрудные, то и на картине зеленые, а браслет фиолетовый. Такой стиль. Надо понравиться заказчику. Фоторепортеры с дорогими фотокамерами упадают на пол, чтобы запечатлеть заказчиков на фоне картин вместе с живописцами и фотографами.

Кто-то лики святых пишет, а кто-то торговцев штампует. Теперь, стало быть, им книги понадобились. Пусть про них угрозыск роман катает.

Молчу, захлебнувшись слюной. Петров оживает.

– Давай, – говорит, – вместе бизнес делать. – Деньги зарабатывать – не проблема, но не греют они меня. Надо так, чтобы твое дело счастье людям давало.

– Кто бы спорил – прописная истина. Может, мы страну на правильные рельсы поставим, – скромно соглашаюсь я.

– Все надо делать по правилам, – торопится высказаться Петров. – Обрадовали тебя – смейся. Обидели тебя – поплачь. У нас даже этого не умеют. Плакать надо в сухом прохладном помещении, сидя и не утираясь платочком. А что, собственно, плакать? Радоваться надо! Получили свободу, какая и не снилась нашим отцам, дедам-прадедам, а счастье внутри нас.

– Свобода – не значит, что надо наркотой ширяться. В год до 30 тысяч от передоза гибнет, а ведь молодые люди. Могли бы возмужать, построить дом, убить змею. Впрочем, на Колыме змей нет.

Он остановил мой речевой поток. После большой паузы, как обухом по голове, открыл секрет. Оказывается, привез путешественник из Аргентины чудо чудесное – помесь колдовства вуду и современных нанотехнологий – прибор под названием «Мастер снов».

Небольшие электроды из благородного металла, инкрустированные яшмой, нефритом, агатами и сапфирами прикрепляются на присосках к вискам и затылку. Волосы приходится выбривать, но не мне. Лысую голову и моль не сечет. Два электрода вставляются в уши, два в ноздри, два на глаза – в виде повязки для дневного сна. Ну и два электрода на запястья и два – на щиколотки. Щелчок тумблера, и начинается под несусветную рококоническую этническую музыку и мелькание разноцветных светодиодов. Через часок сон по заказу. Не знаю, с чем сравнить это ощущение – яркое, за-

хватывающее, восторг через страх. Как возвращение из клинической смерти на трамвае. Я записал одно из видений.

...Где-то на колымском Севере едем по лесу. Изображение такое четкое и яркое, что глаза едва не лопаются. Местность вроде знакомая, пугающе завораживает. Того и гляди, сердце разорвется от подмывающего восторга. Медведи режут наподобие мотоцикла. Ворон крикает, как из Кракова. Дорога-просека, поворот за поворотом, крутой затяжной спуск, как свободное падение. Таблички: «Платная дорога. Плата натурой», «Услуги зоокиллера на дому».

Не один я в машине. А кто другой? Неужто, аргентинец? Конечно, мы в одном сне. Осторожнее, а то в лепешку расшибешься, – говорю водителю. Другие таблички: «Голосуй ногами» с припиской от руки: «И колесами». Напоминание: «Налево пойдешь – получишь скалкой по затылку».

А кто за рулем. Неужто, я? Движемся без газа на первой. А все равно дух захватывает. Состояние тормозов не известно. Кстати, я и сам – еще тот тормоз.

Вот картинка секундно промелькнула. Мой сын возвращается с дачи с любимой женщиной и малышом. Навстречу живой костер – лиска-лисонька. Сиводушка. Надо же приветить, прикормить. Стоп, в рюкзаке осталось несколько шашлыков холодных – деду сохранили: мол, от лисички. Давай-ка, огневочка, угощайся.

Белая ворона прошмыгнула, подобно комку снега, звукоподражает зимородной пуржишке, зайцы ушами меряются,

медведи режутся.

Езда по горной дороге – как стрельба торпедами по движущейся мишени. Главное – не попасть ненароком. Машина как-то не так идет, бензином в салоне не пахнет. Неужели, на альтернативном горючем? Если автомобили будут ездить на спирту, они же будут беспробудно пьяные. Станут выписывать на проезжей части кренделя и зигзаги.

По обочинам, как водится, веночки с черной лентой на столбиках весят – вечная память погибшим на крутых поворотах и совершенно гладких участках.

А внизу, километрах в пяти – бетонированный причал. Плакат с названием поселка: Подводные Камни. Катера, пароходы, морская бюрюзово-фиолетовая волна. А я-то думал, Талая. Нет у нашего курорта моря. Только небольшие озера. Впрочем, это же сон, там и не такое бывает. Толчок. Была дорога и нет. Провалилась. Американские горки, русские ямки. Вроде как на кораблике можно продолжить путь. И тут мой сон ломается, словно каблук на бегу.

Выхожу из машины, вблизи лагуна, молодые, довольные жизнью люди купаются, ныряют с аквалангом, достают со дна черный жемчуг и старинные вазы с древним вином, занимаются серфингом и ловят рыбу – гигантских налимов, таких жирных, что на поверхности воды колыхается радужная, но не нефтяная пленочка. Охотское море – рыбацкое, минтайное, сельдевое. Соль земли, растворенная в очень холодной воде.

Обогнув лагуну, нужно прицелиться в дорогу, ведущую в гору, взобраться по ней, а уж там...

Не возьму в толк, что. Наверное, перезагрузка программы. А может, пришельцы захватили нас для хирургических этюдов? Но я и во сне не хочу видеть, как мне вырезают звезды на спине.

Здорово закручено. Главное, электроды не перепутать. Вдруг на обратку пойдет. Вдруг я море выпил, а теперь оно просится обратно? Недавно лидер либералов красиво сказал: не повышайте, мол, давление в канализации. Что он имел в виду, остается только догадываться.

Первая игра, как водится, – демонстрационка, монстры появляются после регистрации. Как водится, анкетирование надо пройти, тестирование, ввести пароль и вспомнить девичью фамилию собственной матери. Всю душу подноготную вынут, нынешние и прежние привязанности и антипатии.

Первый блин комом. Комон, комон – порядок! Уж теперь-то можно подаренной установке конкретный вопрос на клавиатуре забить, знать только, как сформулировать: полеты во сне *наяву*. Стоит сделать опечатку, *на Яву* унесет фантазийный вихрь.

А я знаю, что хочу увидеть во сне! Было несколько лет назад такое, что наши газеты наперегонки трещали: мол, в Японии тому, кто не курит, вводят доплату к жалованию. Для меня, откровенно говоря, сама постановка вопроса стала сюрпризом: почему-то был уверен, что японцы вообще не ку-

рят. Оказывается, курят, и взятяг. А вот крепких слов, скорее всего, не употребляют. Сравнительно недавно Япония первой попрощалась с азбукой Морзе. Мол, писк морзянки равносителен русской речи с использованием ненормативной лексикиски, прикрытой звуковой цензурой. А этого нежная душа самурая не приемлет. Наше дело правое, и руль справа!

Новость о доплате за некурение вызвала шоковое умиление у привыкшего к халяве бывшего советского человека. Это я о себе так забористо. Вот бы еще за что платили – за язык за зубами! Молчание – золото. Молчание есть, а золото где? Обидно за самого себя. Одна сигарета горит 10 минут, специально засекал. Двенадцать перекуров, и два часа псу под хвост. Так называемое бросовое время, оно гораздо опаснее, чем убитое. Ни работы, ни отдыха, подвисаешь, как в проруби. Да какой там отдых – яд смаковать.

Интересно мне про курение, поскольку сам бросил в 84-м. Никакой награды за свой поступок, конечно, не ждал. Тогда еще было хорошим тоном работать бесплатно, взять хотя бы субботники, а что уж говорить о расставании с вредной привычкой. Понятно и то, что у нас Магадан, не Япония. Остается, проглотив обиду, работать на два часа больше за ту же зарплату. Ну, отпускали бы раньше домой. Тогда все бы побросали табак.

Сестра моей матери рассказывала, как железную дорогу в трудармии строила. Перекур объявляют, все скручивают самокрутки, смолят махорку. А она некурящая – продолжа-

ет махать кувалдой. Так и вынудили ее закурить. А в день победы бросила навсегда.

На сэкономленные сигаретные деньги лет за двадцать можно накопить на автомобиль. Просто надо быть упертым! А правительству не устраивать дефолта. Конечно, на доньшке души теплилась розовая мыслишка о воздаянии. Умом ее не осознать, чувством не уловить, лишь осознанное сновидение – безошибочный индикатор. Привиделось такое, что чуть не обломал электроды у генератора снов.

Явился энергичный мужчина средних лет в кимоно, типично азиатской внешности. С раскосыми, словно пьяными, глазами. Троекратно поклонившись, произнес, гипнотически глядя в глаза: мол, извините, Владимир-сан, нам нечего предложить вам, кроме харакири. Правильней сказать, сипо-кку. Поскольку вы глубоко познали подноготную специфику пути самурая, должны для полноты картины сделать завершающий шаг. Небось, в университете производственную практику проходили, так и здесь. Все, что надо для церемонии, мы готовы предоставить напрокат за небольшую, чисто символическую плату в сто тысяч баксов. По первому требованию получите стерильный инструмент и кувшинчик саке для храбрости. Советуем не откладывать на завтра, а то инфляция.

Такаши и какаши – японские призраки – стояли у него за спиной. Впрочем, удостоверений личности я у них не спрашивал.

Взять бы красноречиво промолчать, сверкнув глазами: изыди, сатана! А меня будто под бок толкают, и само собой вырывается: нету, говорю, у меня такой суммы и взять негде.

Кому-то, может быть, это аргумент показался бы исчерпывающим ситуацию, но не такому японоигроку.

– В таком случае, – говорит, – я уполномочен самим императором Страны Восходящего Солнца предоставить необходимые атрибуты для исполнения церемонии бесплатно.

Ого! Подумать только – можно, не сходя с места, сэкономить сто тысяч зеленых, – в первую миллисекунду я чуть не взорвался от восторга. Потом-то, во вторую миллисекунду, разобрался, что к чему. Задумался. Может, они мне эти деньги выдадут, я бы жене подарил...

Обжегшись на молоке, дуют на воду, более того, набирают ее в рот. Крыть нечем. И нету рядом адвоката Панды. Подловил меня самурай. Тут не отвертишься. А с другой стороны, что дергаться? Пожил свое, хорошего не видал, а лучшего в мои годы глупо ждать. Тем более что случай хороший подвернулся для общественного резонанса. Пустить круги по воде. Да, надо еще чуток потянуть, авось кривая вывезет.

Неудобно как-то. Народ вдруг собрался, торжественные все, праздничные, одно слово – иностранцы. Уши помыли. Нефритовые ожерелья надели. Нельзя обманывать массовые ожидания. Иначе в международный конфликт может перерасти. Судьба Курильских островов, вон, по-прежнему актуальна. Впрочем, если поразмыслить, где наша ни пропадала!

И не думать надо, а поддаться порыву. Или грудь в крестах, или рояль в кустах.

Надо соглашаться. Выдержать мхатовскую паузу и заявить. Скашлянул, дрожь унял. Дайте, – говорю, – sake, и не кувшинчик, а ведро. А последней сигареты, сами понимаете, не надо. Лучше два ведра sake. Флягу.

Когда мы в семидесятых годах с однокашником Степаном хоккей смотрели, два ящика «Жигулевского» за матч выдували, с балычком на «ура» шло, по-вашему «банзай». Наши тогда красиво выигрывали. На таком эмоциональном подъеме любое сипокку по икебане.

Sake... Боже мой, знаю я sake. Как брага. Моя тетя-железнодорожница в сибирском городе Черепаново лучше всех брагу варила. Там и кумыс был, лошади на подножном корму. Я кумысом лечил свою дыхалку, а в свободное время для общения и отмечания государственных праздников пьяную вишню из бутылки выуживал. Входил в мир алкоголя. Тете второй муж сухофрукты из Ташкента привозил, когда в спецсвязи служил и давал мне подержать револьвер.

Японцы по какому-то изгибу истории были на экскурсии в нашем городке, угощались. Пригубили брагу и забыли традиционную восточную сдержанность: мол, Татьяна-сан, продай нам рецепт-сан. Кимоно предлагали, чтобы задобрить, оно у них больше автомобиля стоит. Правда, тетя больше всего любила ватник, а ради приличия надела доху из монгольского сурка, сшитую во времена Халхин-Гола, когда мы

самураям гол забили.

Моя любимая тетя немало повидала на своем веку. Научена горькому до слез. Улыбками, улыбками, перевела стрелку. Иностранцы гости родную япономаму забыли. Ей их предложения слышать было тяжело, будто родину продать. У нее первый муж в тридцать седьмом в расстрельном списке как раз японским шпионом проходил.

Первую стопочку бражки я за тетечку свою железнодо-рожную опрокинул, вторую за дядю, он на финской зубы все до одного от цинги без щипцов вынул, за мать мою, она за жизнь каплей двадцать водки выпила, за отца, он на озере Хасан рану получил.

По стопочке, по стопочке, бутыль пустеет. Если коней не гнать, можно с утра до вечера три бутылки на двоих потре-бить.

Когда-то давно я читал про китайца или кого-то еще, не помню, у которого в желудке жили дрожжевые грибки. Стоит поесть сладкого, начинается брожение и похмель. Елку тебе в палку! Всегда под балдой, веселый. Конечно, это не магаданец Сережа с говорящей фамилией Брага. Гитарист-любитель. И на аккордеоне душевно играл русские песни. Мы же вместе марафонский концерт проводили во Дворце культуры автотранспортников – трое суток без отдыха. До конца жизни напелись. Сережа варил превосходную брагу – как говорится, фамилия обязывает.

Где он теперь, милый человек? Тут в прессе мелькал

Непейпыво. Возможно, поменял прозвище, жизнь с нуля начал. У японцев, кстати сказать, принято – фамилию менять, с нуля создавая что-то значимое, например, новую книгу. Чтобы не довлел прежний авторитет.

Конечно, будь Сережа рядом, оно бы веселей пошло. Но сипокку – это одиночный забег. Покруче русской рулетки. Присосался я, пью брагу крупными глотками, закусываю копченым кижучем, весело мне, о печальном еще успеется. Изрядно, надо заметить, выпил. На песни потянуло, а ихто и нет у меня. Только одна прорывается сквозь смущение и косноязычие:

Наверх вы, товарищи, все по местам.

Последний парад наступает!

Так это же о героическом крейсере «Варяг», сто с лишним лет назад было дело. Вроде как немец слова написал, а наша поэтесса перевод сделала: в начале прошлого века мадамки для самоотверждения и заработка переводами пробавлялись.

*Не думали, братцы, мы даже вчера,
что нынче умрем под волнами.*

Прадед мой за Цусиму медаль получил!.. Эх, икебана-мать, японоотец! Командование Страны Восходящего Солнца, лица, приближенные к императору, естественно, японскому, были поражены поведением солдат и командиров противника, полным презрением к смерти, на которое способны одни лишь самураи.

Слышал я, как современный японский вокалист «На сопках Манчжурии» по-русски навзрыд исполняет. Я так не сумею!

Вот еще полведра sake выпил, вот на доньшке осталось. Последний, самый сладостный глоточек. Кому посвятить? В горле мигом пересохло: все мое внимание переключилось на небольшой меч самурайского вида. Этим клинком сето делают взрезание живота крест накрест. И в этот момент совершающему сипокку специальный человек отрубает голову. Сто тонн баксов, думается, ему предназначались. Это же сколько «Нисанов» можно купить?

Ну, присел я, как положено, на колени, набрался решимости и с криком «Вонзай!» нацелил холодную сталь в самый пупок. Вот, ведь, думаю, какие слова похожие «пупок» и «сипокку». Наверняка, наша была идея, но кто теперь Россию не пнет, не унизит! Книгу, подаренную внуку родителями, недавно читал, так там утверждается, что радио изобрел не Попов, а Маркони, в космос первыми полетели американцы и они же победили в 45-м. Тогда, может, и водку изобрел не Менделеев, а какой-нибудь Смит, а ненормативную лексику, самую крепкую в мире – Конфуций?

А, была, не была! Дурдом на дурдоме сидит и дурдомом погоняет. Прощайте, друзья-поэты, прозаики, эссеисты, прощайте редакторы, корректоры и любезные читатели!

Набрал воздуха побольше, вонзил клинок, а оттуда как – сипокк! покк! – брызнет! Когда свежий пивной бочонок от-

кривают, видели? Может на пять метров фугануть. Струя в глаз, струя в рот, а пивной дух, сусяной, соответственно в нос! Слезу вышибает. Льет и льет sake, хлещет, будто трубу прорвало. На всю эту праздничную толпу, на икебану, сони, кавасаки, судзуки, санье, гейшу, инфанту.

С ног до головы. И с головы до ног. Все собравшиеся до нитки в sake. Весь белый свет в браге. Небо цвета исетского пива с кровью. Более того, поднимается, откуда ни возмись, хмельное цунами и смывает собравшихся, я так думаю, конкретно в япономоре.

И последнее, что слышу перед концом света: крупный деятель криминального мира Иваньков, по прозвищу Япончик, погиб и похоронили его на Ваганьковском, рядом с погребенной мамой. Он был третейский судья в своем мире. Интересно, бывают ли там адвокаты? Не слыхал о таком.

Проснулся, как ошпаренный. С режущей болью в животе и тянущей в шее. Повернулся на другой бок и ознакомился с альтернативной версией сна: будто покончил с собой при помощи взрывного устройства – чтобы внутренние органы никому не пересадили. В том числе тем, кто служит в органах. Однако это сон, надо перейти к яви.

Потрогал живот, потер шею. Все на месте, ни царапины. Сухим из воды вышел. В смысле мокрый от горячего пота. Потрясение сильнейшее пережил, видимо, это воспоминания о ломке, острая никотиновая недостаточность сказалась.

Сколько раз мне после отказа от табака снились сигарет-

ные кошмары и то, как меня, годовалого младенца, отнимали от мамкиной груди.

Но вот газетная кампания поутихла, табачники цветут и богатеют. Все никотинопроизводящие производства России перешли иностранцам. Что и требовалось доказать. А нет, чтобы всем жителям моей страны – молодым и старым, мужчинам и женщинам разом бросить курить! Пусть тогда сами глотают эту гадость – фимиам сатаны! А на сэкономленные средства построили бы систему санаториев «Серебряный воздух».

В состоянии легкого кислородного опьянения отключил электроды, промыл и спрятал до поры до времени на полку, куда обычно на ночь кладу съемные челюсти. Жизнь потянулась однообразная, не требующая подноготного подхода.

Но скоро ситуация созрела вновь, понадобился весомо налитая аналитика, взвешивание на тонких весах. Прошло сообщение, что на диком Западе люди работают на дому и получают за это доплату. Время, которое не тратится на дорогу, прибавляется к жизни. Я вполне мог бы не ходить в контору, специфика труда позволяет. Из оборудования нужна только моя голова и ноутбук. Но будет ли доплата? Наученный предыдущим опытом, почти уверен: не будет. Другие страны, в том числе Штаты, нам не указ. Будто фиктивная теща зудит, как настоящая: «Я понижу вас в должности, в росте и весе!»

Работать надомником – что об этом-то особо распростра-

няться? Много времени сберегаешь, не расходуешь на нежелательное общение, выслушивание анекдотов с бородой и усами, политических сплетен, на комплименты красавицам, которых в городе немало.

С юности знаю, каково работать очень далеко от дома. Было так, что в первую свою редакцию ежедневно ездил из города в райцентр на электричке, до которой надо было еще полчаса троллейбусом. Полшестого утра – уже на ногах и почти до полуночи толчешься.

Знаю я, и каково ехать с двумя пересадками в большом городе в тридцатиградусный мороз, три с лишним часа пути в день – до заводской редакции и обратно. В первое время даже нравилось проводить время в городском транспорте. Я как раз переехал из деревни и наслаждался стуком трамвайных колес, шелестом автобусных шин. Мне даже нравился запах бензиновой гари. Пока едешь, многое видишь познавательного, в том числе и юных кокеток. Особенно когда опаздываешь на работу. С несколькими зайками я познакомился и даже взял номер телефона. Под стук колес с одной из них тысячами километров тянулся наш роман.

Потом переехали жить в Магадан, и с год моя редакция и моя комната в центре смотрели окнами друг на друга через площадь. Хорошо ли это? Не совсем. Я стал опаздывать на работу. Был день, когда удостоился нескольких замечаний руководства. Отлучался с рабочего места в квартиру несколько раз на дню, я ею надышаться не мог. Дверь от-

кроешь, переступишь порог, и словно стакан вина примешь. Любимая женщина, ясноглазая задумчиво смотрит по при- колу мимо тебя. И зовет!

Правда в прихожей жил в клеточке соседский хомячок, но даже пронзительная вонь грызуна не в силах была отвратить от наслаждения небольшой, но своей комнатой и обществом юной женщины с нежным ароматом ландыша за ушами.

Там было просто, но уютно: стояла ватная тишина, ка- кая бывает при первом снегопаде: мысли кружат, словно сне- жинки, налипают друг на друга. Я падаю в сон, на зеленую тахту, недавно купленную в комиссионке, как на траву, рас- кидываю руки. Пружины у нее с диагнозом «усталость ме- талла». Их бы на курорт. В стальном скрипе чудится мне небольшая радиопьеса. Привожу ее дословно:

– Если у вас 6-зарядный револьвер, то вы играете на 6- струнной гитаре. А если калаш, на арфе.

– Нет, у меня гранатомет, я играю на барабане.

– Тогда я дирижер, у меня начинается жор.

– А я бухгалтер, и у меня оригинальный номер – игра на счетах.

– А я судебный исполнитель. И арестовываю всю вашу музыку.

Через мгновение телефонная трель сверлит мозг. Да, впервые в жизни я обладал квартирным телефоном, побаи- вался его, учился с ним обращаться. От избытка чувств меня

тянуло схохмить наподобие фотокора Ярцуняка: «колопарату», хотя и догадывался, что радости с того будет немного.

Звонил сам шеф, напрямую, минуя секретаршу, это смутило и возвысило меня в собственных глазах.

– Вам надо быстро подойти на летучку. Все уже собрались, только вас ждем.

Я примчался пулей, не потратив и трех минут. Не запыхался. Вот что значит 26 лет. Теперь-то аккурат 62 – с зеркальным разворотом.

Атмосфера в редакторском кабинете накаленная. Речь, как ни странно, шла о выпивке. Все в редакции предавались этому пороку и недоумевали, что редактор выделил кого-то одного. Слова произносились такие, что у меня дымилась голова. Громко, оглушительно стучало четырехкамерное сердце. И в каждой камере я сам, отбываю пожизненное наказание.

Хотелось безропотно отдаться в руки сухого закона. Так и не начав, по сути дела, питейную карьеру, я был готов поставить на ней крест.

Под раздачу попал редакционный художник: с утра до вечера он сидел за столом и ретушировал снимки – скоблил щеки передовикам производства, подмалевывал тонкой кисточкой брови, как это делают модницы. К вечеру все лица становились бритыми, похожими друг на друга, как фотороботы, хотя такого слова еще не было в ходу.

От художника исходил стойкий аромат «Шипра». По-

дозревали, что Коля употреблял парфюмерное средство внутрь, маскируя портвейн №13, но никому не удавалось застать момент этого колдовства. Маскировка – главное для разведчика. Художник-ретушер, как и редактор, в прошлом был фронтовиком и обладал военной хитростью и великодушием. Конечно, редактору надо было, выполняя спущенное сверху, с чего-то начинать, кому-то вклеить отрезвляющий выговор. Как ни хорохорилась журналистская братия, как и выставляла себя пофигистами, нежное рефлектирующее нутро журналиера оставалось беззащитно и часто ломалось даже от небольшой психологической перегрузки. Коля не явился исключением.

Глазом не моргнув, взял на себя упреки шефа, его тонкий сарказм, его юмор, от которого, казалось мне, у меня вот-вот спасует желудок.

На вопрос, что ретушер может сказать в собственное оправдание, тот тихонько встал, слегка, в силу своего роста, возвышаясь над столом и с характерной хрипотцой, заработанной во фронтовых окопах, сказал: «Старческий маразм, знаете ли, начинается».

Конечно, это не было шуткой, Николай никогда не пытался острить и платил алименты в две семьи. Обычно любая летучка, планерка, любое собрание в редакции не обходились без хохмы. Главным шутником был шеф. Это же, антиалкогольное сборище начиналось непривычно мрачно, но реплика художника заставила всех содрогнуться. И Тамара из от-

дела писем потом приставала с вопросами: мол, что такое геометрический хохот.

Николай не пришел в редакцию на следующий день: умер ночью.

Бывают, люди прозревают перед смертью, резко умнеют, их тянет говорить правду, ничего кроме правды. А где она – правда? Как далека она бывает от истины! О чем они хотели бы сказать, да не решались – из боязни, что не станут слушать, поднимут на смех. И теперь плохо слушают, но их это не чешет. Они рады отсутствию чесотки. После смерти окружающие могут спохватиться и обратить на ушедшего запоздалое внимание: ах, какой покойный был прозорливый. Жаль, мало пожил. Мы с ним так любили жизнь!

Говорят, есть у воды клеточная память.

Наверное, она и у водки есть.

Много раз доказано научными изысканиями, откровениями и прозрениями – того, что не даст память воды, даст память аква виты. Водой не помянешь ушедшего друга, лишь водкой. Правда, это грех. Священники говорят. Но мы и рождаемся, и умираем во грехе.

А может, водка не имеет клеточной памяти и призвана на то, чтобы человеческую память отшибать?

Главное, не заикливаться, продумывать альтернативные варианты, такое требование времени. Вот говорят, вызываю огонь на себя. А на меня? А на тебя – воду. Живая и мертвая вода. Когда вода кончается, в ход идут деньги – тоже вода.

Конь-огонь, напои нас любовью!

Что собирает и примиряет магаданский бомонд, так это поминки. Проводили человека в последний путь, стоим кружком, смотрим друг на друга, пытаюсь определить, кто следующий. У нас личная гигиена, как и личная жизнь – обобществленная. И смерть тоже – на миру.

Переглядываемся: кому теперь водить. Кто на сей раз дуба даст? А ведь на Севере не растут дубы! Кто врежется в березу? В карликовую. Вам доводилось присутствовать на похоронах карлика, пигмея? А великана, три центнера весом?

Старая с косой дает передышку нашему кругу. Уходит к горнякам, рыбакам, переворачивает сейнер, намораживая на палубе опасную массу льда, пускает под откос автопоезд.

Несчастья со старшими товарищами в первые часы воспринимаются как воздаяние им за то угнетение, которому тебя подвергали. Гоняли за водкой в Центральный гастроном. Месть. Но жалость и горечь внезапно набрасываются и душат за горло.

Сколько живу в Магадане, не могу смириться с местной похоронной традицией. Покойников увозят хоронить по месту рождения. В багажном отделении самолета. Возможно, опасаясь осквернения родных могил в Магадане. И еще чтобы не хоронить два раза. У нас ведь в порядке вещей при переезде на «материк» возможно выкопать гроб с прахом члена семьи и переправить по месту нового жительства родственников.

...Я проснулся ровно в девять, хотя уже должен быть в это время на работе. Поцеловал жену и убежал в редакцию, и первый, кого увидел, поднимаясь по лестнице, был наш художник Коля: что-то сказал мне одобряющее как старший товарищ, и я понял, что все, что мучило меня, было лишь ночным кошмаром, а что на самом деле я все еще не проснулся, продолжаю пребывать на другом уровне сна, и что мне, пожалуй, не надо спешить с просыпанием, будильник – мой лучший друг, не даст в обиду ни в одном из снов. И вообще-то я никуда не спешу в XXI веке, я работаю на дому, я всегда на посту, круглые сутки и потому на самом деле никогда не расслабляюсь. Разве что когда уеду в свою дачную избушку за двадцать семь километров от дома. Зажгу печурку старыми газетами, заварю чай. Я работаю на дому и не жду, что мне за это доплатят. Варю картошку на дровах, она и во сне отличается приятным вкусом и приятно греет душу, как в детстве, отхаркивающим ароматом и крахмалом.

Как горячий нож сквозь масло, скольжу из одного сна в другой, пробуждаюсь 62-летним, и первое, что вспомнилось, – действительный факт: один наш тогдашний сотрудник, вовсе не художник, а заместитель ответственного секретаря, умер на рабочем месте, его товарищам по цеху не было времени вызвать «Скорую помощь». Обычно ее вызванивают в подобных случаях, хотя и знают, что медицина бессильна. Но вроде как приличия требуют. И еще что открылось вдруг: именно замответсека, тоже фронтовик, а не художник

сказал, про старческий маразм.

Положили мертвого на пол, а сами за стол, чертят макеты. Прости, мол, Костя, газету никто не отменял. Типография ждет, надо засылать материалы, курьерша Екатеринка застылась, бьет копытом. График – выше смерти и жизни.

Потом, повзрослев, несколько лет я работал за Костиным столом, мебель в стиле дальстроевского рококо, и было, что кровь шла из носа, прямо по тексту поговорки. Но, если Москва слезам не верит, то эта работа не снисходит ни к крови, ни к самой смерти. Неважно, живешь ты близко, далеко ли от места работы, она в тебе. А умерший проживал от редакции еще ближе меня.

Теперь вот энергосберегающие электролампочки. Несколько дней назад увидел их в передаче телевидения. Обрадовался, что стали звездами экрана. Из трубочек, выгнутых наподобие иероглифов, наполненных инертным газом, струится яркий и ласковый, словно мама, свет. Он мне нравится. Глаза меньше устают. И экономия образуется. Только 5 процентов энергии в приборах двадцатого века, лампах накаливания, это название уже освоил мой первоклассник-внук – расходуется непосредственно на выработку света, остальное уходит в тепло, вольфрамовая (волчья пена) нить нагревается до сумасшедшей температуры, при которой другие металлы растекаются жидкостью.

Руководство страны озаботилось неумными тратами, неэффективностью экономики. Так и вспоминается пого-

ворка: «Метр курим, два бросаем». Мы спускаем в унитаз эквивалент энергопотребления Германии, умноженный на два. Для начала надо сохранить хотя бы одну такую Германию. Чтобы что немцу хорошо, то и нам бы стало зашибись.

Лет пять назад я стал менять в 12-рожковой люстре лампы. Сначала 3 на сберегающие заменил, потом еще 3. Стоят они дорого, светят плохо и перегорели почти все. Сделано в Китае. Факир был пьяный, фокус не удался. Но я не сдался. Следующий этап – энергосберегающая лампа в торшере. Я под нее и покупал торшер, чтобы лежа работать на ноутбуке. Получилось. Всего два года отпахала. Накладно.

А еще у меня люстра висела трехрожковая, с традиционными лампами по 75 ватт. После долгих внутренних колебаний достал из кладовки старый простенький светильник времен детства моего сына. Этому электроприбору уже 34 года. Люстру – в отставку, зеленый пластмассовый шар – на второй срок службы. А лампу газосветную в него я купил год назад. В люстру такую неставишь. Потребляемая мощность уж не помню какая – меньше сороковки, а света больше, чем от люстры. Я ее покупал, чтобы внука снимать на цифровик. И что же – мальчик играет и привычно онлайн позирует деду. Теперь он позирует и учит уроки – первоклассником стал.

Конечно, я повел экономию не потому, что такой умный. Посмотрел свои записи 05-го года и обнаружил: большие на-

чальники уже тогда закидывали удочку: введем, мол, социальную норму потребления электроэнергии, а что выше – по особому тарифу, и я тогда успел испугаться, что насидимся впотьмах. Хотел достать лампы 1—2 ватта, а чтобы лучше видеть, станем закапывать в глаза резерпин. Народные умельцы изобрели бы локальную подсветку, а ужинать можно и темноте – мимо рта не пронесешь. К черту холодильники с чудовищными агрегатами, а консерванты выдержат. Разогреть еду можно водой из горячего крана, налитой в грелки. Купил фонарик – рычажок жмешь, и светит без батарей.

Стало быть, как в кино – почтальон звонит дважды. Не забылась та симпатичная идея.

В год 70-летия города на улицах в центре стали ставят похожие размером на бочки огромные светильники – по пять на один столб. Приходится всем нам жить, позируя. Разгар осени, дни темные и короткие. Загорается уличное освещение – светлынь. Гораздо светлее, чем днем. Спать с таким светом невозможно, для нормального сна нужна темнота, чтобы вырабатывался для здоровья глаз меланин.

Белые ночи прошли. «Пишу, читаю без лампы», – помнятся пушкинские строки. Возможно, поэт был бы благодарен нашему мэру. Зачем лампы, когда 15 фонарей светят в окно, да еще иллюминация стоящего напротив кинотеатра. Столько света, что дуреешь.

Эдуард Лимонов в одной книге описал, как сидел в тюрь-

ме за свои необошевистские взгляды. В камере не выключают лампочку всю ночь. Так положено. Это доставляло писателю дополнительные страдания. Так то в тюрьме, а я на воле. Без суда и следствия подвергаюсь световой пытке. Теперь еще ярче стало. Ну и что дальше? Протираю электроды привезенного Петровым аппарата, буду ясновидением заниматься. Взбиваю подушку. Усну двойным аналитическо-паралитическим сном, все увижу, как наяву.

Первым делом во сне появляется в квартире тетенька из Энергосбыта: мол, ах, у вас в квартире ночью как днем, и это вам досталось бесплатно? А бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И выписывает счет: оплатите голову сыра. Пять килограммов. Голландского, но по тарифу французского. Переворачиваюсь на другой бок и нахожу себя в теплой пещере с идеальной темнотой, где живут особые твари, без органов зрения. Невостребованные глаза у них атрофировались.

А что бывает, когда месяц за месяцем живешь без темноты? Вопрос стоит, но нет ответа. И тревожно на душе, как перед аварией на Саяно-Шушенской ГЭС. Как побег щенка из Шаушенка по Фен-шую.

Я поворачиваюсь на другой бок и вижу Чубайса. Он рекламирует алкогольный энергетик в алюминиевых банках. Кажется, «Вспышка»! Пропадает изображение и звук. Я, словно знаменитый укротитель львов Запашный, получил травму рук. Где? В рукопашной схватке со львами? Нет. Зер-

кало упало в ванной комнате, осколками порезался.

Наверное, кампания экономии электрической энергии докатилась и до Магадана. К счастью, мой сын, хоть молодой, но бывалый человек, предусмотрел такую ситуацию, и генератор снов действует не только от сети, но и от батареек.

Работает прибор, я вижу свою первую любовь, уж не умерла ли Леночка-старушка? Ласково называет меня городским сумасшедшим. В поле зрения рваные полосы, пятна – так называемый киношниками «снег» – что-то в конструкции разлаживается. И причина не является загадкой. Я ведь уже упоминал, что в основе работы прибора – не только нанотехнологии, но и дай-дай-колдовство. Такое бывает и есть не только в Латинской Америке, но и в моей горячо любимой России, на Севере, среди шаманов. Колдуй баба, колдуй дед, колдуй серенький медведь. Колдуют, горит огонек в плошке с нерпичьим жиром. Жив курилка! Слово свет без источника света – мерцание не включенной энергосберегающей лампы. Два года она вспыхивает, не включенная. Слово утоление жажды без воды.

Пораскинув серым веществом, я понял в щедро залитой уличными фонарями глазоедной комнате, что обещанной премии за экономию энергии мне не видать, как собственных ушей. Что ж, на другом отыграться. Беру у жены тени для век и мажу веки сплошняком. Не очень помогает. У меня мешки под глазами. Коты в мешках. Они затеяли бег в мешках. Одно на другое проецируется. Трехэтажный поэтиче-

ский образ. Черт ногу сломит.

Пальцы в розетку, пропускаю через себя ток, изнутри через кожу возникает разноцветное свечение. А вот лак для ногтей не пропускает света. Покрываю веки лаком. Закрываю глаза – темно. Совсем уж задремал, а тут очки упали на зубные протезы. Не разбились, к счастью, и звук был такой, как у феи Драже из балета «Щелкунчик».

Неведомая сила опрокидывает и поднимает к потолку, ногами ввысь. Нечаянно становлюсь антиподом.

А кто нам мешает – и Петрову, и мне – погрузиться в анабиоз не на месяц, а сразу на год? Деньги переводить на счет, а потом купить билеты до Буэнос-Айреса? Аргентинский сын кожей чувал скорую беду и не ошибся: спустя несколько месяцев после уезда папани лишился молодой жены вследствие роковой болезни, не оставляющей человека в покое ни в одной географической точке. Почернел от горя.

Нашел сочувствие и помощь в неведомой стране.

Нередко обстоятельства жизни других, совершенно незнакомых людей что-то меняют в нас коренным образом. Вот, примеру, вор упал с 18 этажа. В Интернете было сообщение. Разбился бедолага в лепешку. Вещи, сворованные им, лежали рядом, пока их не перекрали добропорядочные граждане. Как раз совпало: эпидемия гриппа, все ходили в масках, что придало коллективной смелости. Этот пример я привел как доказательство от противного. Смерть молодой женщины всколыхнула и просветлила сердца набожных ар-

гентинцев. Молодому вдовцу помогли с работой, и он, благодаря добрососедской помощи, займу под честное слово стал строить собственный дом. Смерть молодой русской женщины убедила людей проявить наилучшие качества: Господь все видит и посылает испытания не зря. Кстати, имя молодого человека говорящая – Богдан!

Впрочем, у Петрова нашлось уточняющее объяснение, он уже говорил по приезду, что за умершую супругу оставшемуся в живых аргентинское государство выплачивает пенсию. Бедной россиянке не суждено было дожить до пенсии, она умерла в расцвете сил. А люди своими силами подправили несовершенство закона.

Петров, пробыв целый год в анабиозе, не стал расходовать сэкономленную пенсию на увеселения, а целиком переслал в Аргентину. Мне ничего не оставалось, как проявить солидарность.

Поесть шаурму в «Стамбуле»

А она поднялась во весь рост, изо всех сил бросилась к дзоту.

«В крайнем случае, нарожаю ему близнецов», – густо подумала, краснея.

Х-Ытрой

Корова у крестьянина воспитывает доброту, овца у овчара – кротость, свинья у свинаря – любовь к стерильной чистоте. Дикий олень, не пожалевший рогов вместе с головой – лебединую верность

Мы – это то, что едим, порой запикиваем в пищевод насильно, а едим-то исключительно самих себя.

Неплохо получилось? А? Антиафоризмы. Сочинил их для стенгазеты нашего учреждения. Сидоров уговорил: умеет он наступить на мозоль самолюбия. Я, конечно, по своему обыкновению, не стал ничего обещать, однако и заноза порой дает всходы. Сначала сделай, потом скажи – это вдвойне приятно. Как убить и воскресить.

На гамбургерах качественной любовной лирики не получишь.

Люблю на салфетках писать, чтобы время коротать. Ну и как-то мягче, без озлобления отражается окружающая действительность – и внешняя, и внутренняя. А взять да записать Сидорову для публикации анекдот про ботаника. Я его еще никому не рассказывал. Не та обстановка. Только куда он сам подевался, ума не приложу.

У нас в городе есть девушка-растение. Ходить не может, говорить не умеет, только ползает и шипит.

Ситуация эта стала достоянием общественности. Надо же какую-то медицинскую помощь оказать. Довести ребенка хотя бы до интеллектуального уровня кошки.

Тем более что достигла совершеннолетия, и квартира ей от города полагается. Фигурка у нее есть, смазливенькая мордашка. А ума нет. Медики пытались разбудить сознание красавицы, но не нашли ключик. Геологи, биологи не блеснули. Палеонтолог один подкатывал – с ископаемой коло-

тушкой, вроде как древнюю терапию применить. Не педагогично, не дали.

И вот на горизонте появился ботаник. Нашел новое, не описанное прежде, растение и назвал его, в пику плакучей иве, хохотунчиком. Большие его находка известна как магаданчик саблевидный.

Гербарий девушке показал. Она все смотрела-смотрела, шипела-шипела. И вдруг из гербария сушеную травинку хватать и в рот.

Шипела-шипела...

Шипела-шипела...

Да как мявкнет!

Впечатлило? То-то же. Мы тут с Петровым тонкую думу чувственно думаем, настраиваемся на единство духовной и телесной пищи. Входим в резонанс. Между первым и вторым явлением официанта такие мысли наплывают, что не всякому яйцеголовому однойяйцовому дальнецу (близнецу с разворотом на 180 градков) на ум придут.

«Сидоров, где ты? — посылаю в ближнее пространство телепатический импульс. – Зацени! Потешь мое авторское самолюбие! Куда ж ты подевался, мать твою Бог любил!».

Нет Сидорова. Двое одного не ждут, начнем на пару с Петровым на парУ, а там и третий не лишний подкатит – слюнки на колесиках!

У меня в предошущении еды все системы организма активизируются. Как от виагры. Только от нее слепнешь. От хи-

ны – глохнешь, знаю. А тут зрение обостряется. Как от любовной лирики Востока. Да и музыка ресторанный духовая вытягивает соки, мясную начинку души размягчает.

Врать не буду, пошли мы с Петровым после трудовой недели развлечься – покушать шаурму. Чтобы уж в ногу со временем и бараньей ногой в зубах. Или, соответственно, говяжьей. Любим эту работенку – самозабвенно пожрать, выполняя норму на 150 процентов. Хлебом не корми, цинандалями не пои, только дай лечебно поголодать перед приходом официанта, покуражиться от полноты жизни.

– Ты такой чувак, Петров!

– Спасибо, сэр!

Пищевые материалы могут стать лекарственными, если их употреблять нетрадиционно: втирать в суставы и в мышцы: мед, горчица, помидоры, огурцы, картофель.

Женщины делают помидорные маски – для грабежа и взятие в заложники собственного мужа.

Узнал, что есть растение камнеломка. Ничего себе, думаю. И у них ломка бывает. Значит, родня конопле. А еще узнал, что есть трава прострел, сабельник, окопник. Так что не зевай, как говорится, наш прострел везде поспел.

Ложка меда в бочке дегтя, чтобы служба не казалась медом. Солдат спит, мед по усам течет. Как молочко по вымечку, а с вымечка по копытечку. А где копытечки, там и холодец.

Теперь двойное внимание. Обжорное заведение находит-

ся на окраине города, и такое ощущение, что гуляешь на пикнике. Тайга подступает вплотную, с соседних сопок подслеповато смотрят, завидуя, саблезубые медведи, снежные барсы и барсетки. А ты не пикни.

Сверху ворон зырит, словно беспилотный самолет-разведчик, дрон, одним словом, прикрывает энергетическим полем от сглаза.

У нас ведь тоже кольцевая дорога есть, можно ехать и ехать, подобно белке в колесе, пока остается хоть капля бензина в баке, одна капля тосола в радиаторе, да еще по инерции с горы накатом с километр.

Жизнь пройти – не поле перейти Пеле.

Поле боя, – говорят. А у нас болото боя, врагу не пожелаешь. Видел я, как БТР по тундре шел, когда мы за ягодами на 20-тонном КамАЗе ездили на Медвежку и застряли. Это от города всего несколько километров, да у нас дикая природа сразу за дорогой начинается, без предупреждения. Тайга, болото, топи зыбучие, кикиморы кимарят, бабки со ступами в ступоре, лешак – как лишай.

Легковушка застрянет – ее, ясное дело, трактором вытаскивай. Или грузовиком, но если застрянет грузовичок размером с вагон – вызывай друга-приятеля из воинской части с БТР. Солдатиков побольше, они вытянут, вместо физзарядки.

А, не дай Бог, боевая машина в трясины зароется? Чем ее тянуть – большая военная тайна, и не нам, штатским, ее

разгадывать.

Вот только скажите мне, какой такой пацифист сконструировал двигатель боевой машины на самом дефицитном бензине, которого ни на каких заправках, разве что в столице, не найдешь? И горючки жрет невероятное количество. Уж лучше не начинать боевых действий – враз обанкротишься.

Как на Медвежке бруснику собирали – история с географией. По ведру набрали, в кузов КамАЗа сложили – полопалось, течет – вылитая кровь, жуткая иллюзия. Тут и начальник милиции, и прокурор, и судья, и адвокаты – всех собралась страсть брусничного кровопролития. Для таких случаев и нужно построить кафе на опушке, кому-то ведь пришла в голову такая блаженная светлая мысль на пустой желудок.

Я понял тогда, сугубо штатский человек, – в войне на Крайнем Севере, не дай Бог ей случиться, побеждает тот, кто противника *засушит*, если сам в зыбунах не утопнет. Если, конечно, проблему квадратуры круга решать применительно к круговой обороне. И вообще есть правило: мы воюем только до обеда, а потом зализываем раны. Культпоход в театр имени Горького и музей Козина для личного состава. Только не давать ходу мелиораторам, а болото само остановит не наших, снаряды потонут, не взрываясь в торфяной жиже. Наряду с боевыми каратистами и сумоистами.

При желании можно и на болоте для разнообразия красиво квакнуть, накрыв на пригорке поляну с яствами, как

было заведено во времена коллективной уборки совхозного урожая таежного картофеля, моркофеля и сельдерейчика. Но от комарья спасенья нет, скорее тебя съедят, чем ты разинешь рот.

Водись у нас лягушки, можно было бы легко вообразить, что оттягиваешься во французском ресторане, но эта деликатесная живность в черте города не водится, равно как и по всей Колыме, на территории которой можно разместить все европейские страны, включая Францию, и не один раз. Да и змей для китайского ресторана, открытого возле автовокзала, приходится завозить с другой местности. А вот стриптизерш можно отыскать на месте: идет такая по гололеду – как лоза вокруг шеста – то советься, то разовьется.

А какие встречаются в тайге ходячие шашлыки – горные бараны. Я однажды видел их с вертолета, когда бензин стоил копейки. Иностранцев-стрелков наши приманивали за охотничьими трофеями. У них, в Европах, волков не осталось, а 60-килограммовый медведь считается крупным. Не обидела нас природа ни зайцами, ни гусями, не говоря о морских обитателях нерпах с их огромной печенкой. Это вам не гусяная фуа-гра, которую справедливей было бы назвать циррозом-гра.

Военный повар Саша-хохол, ныне известный кулинарный писатель, рассказывал: ребятишки у них на подводной лодке физически ослабленные. Из неполных семей, сироты, родительской ласки не знали. А тут косатки в бухту пришли,

нерп из баловства столько порезали, что морская вода красная была, как газировка с двойным брусничным сиропом. Мичман Саша велел персоналу достать тех погибших в межвидовой борьбе ластоногих и пустил на усиленное мпещпитание личного состава. Ребята, как на дрожжах округлились и скоро приладились коллективно всплывать в самоволку, имея успех у персонала типично женских учебных заведений – *медяги* и *кулинарки*.

Теперь у Магадана есть другая боевая единица – атомный подводный крейсер «Магадан», правда, базируется в другом городе, который уже несколько лет ждет землетрясения, а имеет почти регулярное извержение вулканов. Один продвинутый юноша написал в домашнем сочинении, что там извергается лаве. Как он это себе представляет, еще предстоит расспросить.

А нерп в окрестностях Магадана, Олы и Атаргана развелось столько, что кета с горбушей не могут пробиться в русло рек, чтобы, подняться по течению, отложить икру, полить молоками и умереть с чувством исполненного родительского долга. Вот и мы, чуя зов природы, притащились брусничным спецназом поестъ шаурмы и умереть, а там видно будет, вскрытие покажет.

Гляди-ка, народ-то подтягивается. Охотники до шаурмы. Известный литеравт Ломоногов, автор мемуаров, народные исказители. Слуги народа и слуги слуг. Люди бизнеса с хроническим катаром желудка. Здесь каждый хмырь находит

шмару: кто за лаве, а кто на шару.

Пир горой, – говорится. Но тогда на местности должны быть горы – Казбек, Арарат. Есть, правда, Капрановский перевал. Там надо экзотический ресторан построить. Типа «Что-то я не то съела». Сколько раз было, на Капране застревали путники, женщины приносили потомство в кабине грузовика и давали сыновьям имена водителей. А есть в Магадане одна профессиональная певица – фанатка собственного мужа, песни его сочинения исполняла, имела успех. Заслуженная вокалистка. Ехали, было дело, на гастроли, и где-то на Капрановском перевале упали с дороги, метров 50 свободного падения. Оркестр, туш! У нее сотрясение мозга. И продолжает петь. Мне нравится. Да жить можно даже при ампутации мозга. Китайцы своей древней медициной и до этого дошли. Да и так сказать: людей с мозгами немало, а вот голос редко кому дан. Если залучить ту певицу – веселее застолье пойдет, несомненно.

В нашем городе пир горой – это пир сопкой, похмелье – ущельем, туманом и росой. Разгрузочный бег галопом, загрузочный – трусцой и рысцой.

Петров – солидный *горец*, таким себя самоощущает, на скамейке в сквере не будет пиво пить, ему затейливый интерьер подавай, меню в папочке из крокодиловой кожи и соответствующую этническую посуду с музыкально-шумовым эффектом.

Да и я с годами понял: хочешь приласкать желудок с ком-

фортом, а через него душу согреть, – отдайся в руки профессионалов. Времена общепита и дешевых рыгаловок канули в лету, теперь легко можно не только пропить, но и безалкогольно проесть немалые деньги. А если платишь – заказывай музыку зурны к своей шаурме. А будешь мямлить – ни денег, ни уважения тебе, как своих ушей, а ля Ван Гог.

В «Стамбуле» публичные обеды стилизованы – в свадьбу, в юбилей, в поминки. Это большой спектакль с прологом и эпилогом. Во что выльется сегодняшней вечер? Обещан сюрприз, надо набраться терпения, спектакль в театре еды начинается. Слышите, гонг!

Всю ночь мерещилось, что жена жарит пирожки с мясом. Их дымный аромат и во сне сводил с ума. Проснулся, потянулся на кухню: у меня жена большой оригинал, иной раз среди ночи что-то варит и парит до востребования. Но нет, холодная плита, и пирожки – всего лишь сон. Надо же, какой реальный! Как во сне, варю себе кофе, сижу, анализирую.

Итак, по порядку: вечером купил два килограмма теста в кафе «Сказка». Одновременно приобрел в хлебном отделе гастронома «Полярный» так называемый лаваш, храня верность совершенной три десятка лет назад поездке на юг СССР.

Ночью предавался дурной привычке – смотрел американские видеофильмы ужасов, а они разжигают у меня зверский аппетит. Ел, не доел лаваш, хлебное изделие лежало на столике в непосредственной близости от носа, навевая пи-

щевой сон. Конечно, пирожковых заведений, аналогичных тем, что были в студенческие времена в голодном Новосибирске, когда покупал горяченькие пирожоки-расстегайчики с мясом-луком и костный бульон на студенческие деньги, нет и в помине.

Помню черные дни юности, когда начерно писал белые стихи, чтобы в белые ночи набело перемарывать. Вынес из огня себя на уме, обмотав вокруг головы, материю сознания. Зато теперь все принимают за своего – словно я городской сумасшедший, даже женщины не стесняются, говорят о сокровенном. Мол, я цыганк а, юбку через голову не надеваю. Завидно стало, да? То-то же! Но не парься, не пиарься. В смысле попарься, открой поры, ими будешь впитывать грязь и яд жизни. Возможно, водкой отмоешься от пошлости. И будешь приятно поражен – в правах. А главное – разуй глаза: вывеска «Стамбул-Мамбул» видна издалека и ласкает сердце через желудок, если шаурму есть глазами. Присоединяйся! Корабли шаурмуют бастионы.

Обслуживание в заведении вежливое, но строгое. Словно на режимной территории. Нет, я не исправучреждение имею в виду, может, и базировалась тут какая-то часть воинского целого, только зачем врачебную тайну ворошить? Военнослужащих в городе осталось – кот наплакал. Ни танкистов, ни ракетчиков. База подводных лодок, где служил мичман Александр, растворилась в тумане пацифизма. Ракетная часть, о которой из-за секретности знали далеко не все,

всплывает в ассоциативном ряду с рэкетом, что, согласитесь, не одно и то же.

Лишь число охранников в городе, как и во всей стране, выросло, их на просторах России уже больше двух миллионов, и высшее руководство всерьез рассматривает возможность призыва секьюрити на воинские сборы. С собственным оружием и сухим пайком. Подобно казакам царских времен, якобы станут служить они всю жизнь президенту и отечеству: каждая станица – боевая единица. Только кто командует той несметной силой, какие офицеры и генералы – я не знаю. Может, бывший специалист мебельного производства, как нынешний министр обороны, может гинеколог, каким был генеральный директор бывшей авиакомпания.

Зато прикольно. Не умеешь работать, – учи других. Не умеешь учить – охраняй. Бей своих, чтобы чужие боялись.

Повара в этой харчевне с огромными кривыми ножами по совместительству исполняют не только охранные, но и боевые функции. Им ведь что цыпленка, что барашка зарезать. Что заложника лишит залога. Разумеется, не из бесконтрольного садизма, а чтобы самим насытиться и других накормить. Вы все еще носитесь с культурупитеством? – им ведомо культурубийство, а рядовому едоку получить шашлык из рук кудесника – это особое дело, как говорят англичане, – спешл. Кто умеет резать, тот искушен. Как приго-

товить из туши суши – мокрое дело.

Если кормишь – ты кормилец, но если любишь пожрать, ты еще не жрец, – тут умишком владеть надо, посидев на диете.

Чтобы не ожесточать сердца населения, у одного древнего народа есть обычай – не позволять никому, кроме доверенных лиц, резать кур. Пусть в селении лишь один чрезвычайно уполномоченный человек знает об убийстве все, разбирается в нем с дотошностью профессора кислых щей, а остальные могут убить разве что булку хлеба, расчленив на порционные горбушки. Как выразился мой друг, приготовить хлебный шашлык. В другом древнем племени, где и муху не смеют обидеть, аттестуют одну-две должности убийцы мух в звании майора. Намек понятен? Если вы купили масло с рук, то в следующий раз берите из головы. Росточком не выдались, встаньте на принципочки.

Это только так называется – шашлык, а на самом деле в меню и бозартма из баранины, и ярпаг долмасы, и чабан-каурма, и джуджа, и тас-кебаб, и кюфта-шурпа, и таюг-плов и десятки других блюд – язык сломаешь, если раньше не проглотишь его, вкушая яства. Вдыхаешь жирный дым, и, кажется, что баран виртуально стоит рядом и смотрит на тебя – как на новые ворота, сквозь которые твоя душа транзитом проследует в райские кущи.

Потом она вернется, раз-другой, душа, пока не насытится шаурмой выше крыши. И тогда нестерпимо, до сумасше-

ствия, захочется насладиться шашлыком из собственного бедра! Так бы и порезал себя на порционные куски и с горчицей срубал! Странное чувство, оно посещает только здесь, в виртуальном ущелье, на месте геологического разлома, где эхо открытого очага ласково щекотит ухо, где огонь жаровни пахнет солнечной плазмой и каменными испарениями граненых яшм, рубинов и сапфиров. И гасить его можно разве что блинами и пирогами. А синтез этих блюд – шаурма.

*В печурке чурки, чурки,
Ах, чурки, чурки, чурки!
Да хорошо горят.
Ах, чурки-окочурки
И восемь чертеньят.*

Перерождение в резчика по салу начинается с невинных татуировок, которые, в свою очередь, – следствие пищевых пристрастий. Вначале ты любишь сладкое, очень сладкое, но, согласитесь, высшее выражение сладости – горечь. Горечь идет по нарастающей, и вот уже нестерпимо нужна острота ощущений в виде наколок, затем рисунков шрамиками на разных участках тела, выполняются они глазными скальпелями. Боль нестерпима, но искусство жратвы требует жертв. Иногда применяют анестезию, но не всегда. Увлечение шрамописью на теле делает, в конце концов, необоримой мыслью о членовредительстве. Человек ампутирует кончик носа, шмат жира с живота и дольку фейса, удаляет половину желудка, превращается в ящерицу: мол, оторванный

хвостик легко отрастет.

Да что там говорить – однажды Петров сам себе аппендикс удалил. Так тот заново вырос. Ему вырезали камень из почки – величиной со спичечный коробок, и вдруг он стал писать стихи. Причем, о геологических походах – трудных переходах, ночевках у костра, халцедонах и агатах. Сапфирах и яшмах. О золотой руде, найденной в изгибах его тела. Использовал множество геологических названий, которые всплывали в памяти с необыкновенной легкостью. Мне стыдно, но я завидовал ему. Можно было подумать, что из него извлекли с полтонны артефактов. Сделали рентгеновский снимок, а почечный камень тут как тут, пришлось ультразвуком его дробить.

Я долго размышлял над этой странностью и пришел к промежуточному выводу, что творческие способности Петрова проявились все-таки не из-за камня, который, конечно, нуждался в тщательном изучении: может, это какой-нибудь магический кристалл, подброшенный пришельцами, а из-за наркоза. Я сам написал свою первую повесть после обширного хирургического вмешательства в жизнь нижней челюсти, проведенного под местной анестезией.

Через пару лет мне привели к нормальному прикус, на сантиметр удлинив овал лица. Это меняет личность человека, я стал радоваться жизни и правильно выглядеть, улыбаться и пережевывать пищу.

И вдруг понял: хочешь выучиться французскому языку,

надо есть сыр с плесенью и выпивать два литра хорошего вина в день.

На войне как на войне – ведь эту фразу пустили по свету отнюдь не горцы, а французы, и я не могу не признаться, мечтал хоть раз в жизни пообедать во французском ресторане с француженкой Жанной. Да где там! Повсюду китайские подделки – от кроссовок, до туалетной бумаги и крабовых палочек-выручалочек из минтая насущного.

Однажды мы с Петровым посетили китайский ресторан с характерным фонарем над входом, до сих пор не очухаюсь. Хорошо, что просто пили пиво, не закусывая сушеными псевдокальмарами. Ничего в пиве специфически китайского не обнаружилось. Разве что на ощупь охлажденное, а вкус консервантов. Будто автомобиль в бампер поцеловал. Глобализация, называется. Вообще-то китайцы – патологические трезвенники. Но одно дело – знать это теоретически и другое – увидеть ночью после боя курантов первого января на городской елке. Там их было с полсотни, одинаково одетых в черно-синее и с одинаковыми невозмутимыми лицами. Я уж подумал, что-то не то съел за праздничным столом, но под елку стали подтягиваться наши, охлаждать шампанское о ледяную скульптуру Деда мороза, чокаться со Снегурочкой и запускать фейерверки с таким остервенением, словно вместе с порохowymi огнями, казалось, отлетали их оторванные кисти рук.

Большой объем выпитого «жидкого хлеба» сделал на дру-

гой день наши пожелтевшие физиономии столь похожими, словно мы близнецы. Возникла надобность разместить на лицах опознавательные знаки в виде бороды и усов.

Тушенку «второй фронт» я так и не попробовал: поздно родился, а вот китайскую тушенку «Великая стена» с детства полюбил с картофельным пюре. Болгарские помидоры в собственном соку были второй любовью интернационалиста.

Как ни крути, как ни верти, есть, о чем поразмыслить, чтобы не стать ксенофобом. Ты поглощаешь хлеб-соль иноплеменика, пища бродит в лабиринте организма, инфильтруется в кровь и плоть, в мозг и мысли, заставляя поступиться исконным. Теперь уже не секрет, что приверженцы американского быстропитания постепенно теряют духовную тонкость, взамен приобретая до пяти центнеров живого веса, тяжесть в желудке и в мыслях. Живут очень *полной* жизнью. А военные профессора сделали секретный вывод о том, что традиционный рацион русского солдата позволяет ему сносить такие тяготы, которые оказывались не по силам военнослужащим других армий. Но реформы идут, того и гляди, переведут наши Вооруженные Силы на сникерсы. Невозможно не думать об этом, поедая шаурму.

Живая картина детства: вся моя страна донашивает фронтовую одежду, отец же, истрепав брюки галифе и китель, никак не перестроится. Название ткани – то ли габардин, то ли диагональ. Получил за хорошую работу от руководства подарок – отрез на костюм, заказал доктору математики Аб-

раму Исумуровичу сшить точно такие же, как были, брюки и китель, только на один размер свободнее. Математиков в университетах готовили с избытком, их брали в артиллерию. А вечерами они для приработка шили: будто решали математические задачи повышенной сложности.

Когда на уроках геометрии мы дошли до «пифагоровых штанов» и диагонали прямоугольника, я не смог отделаться от впечатления, что великий математик древности Пифагор, в честь которого названо число пи-пи, неведомым образом передал потомкам секрет изготовления диагональных брюк. Думается, он был хорошим портным и сапожником, пил виноградное вино, разбавляя ключевой водой, чтобы на ясную голову беречь хрупкую гармонию Вселенной.

Батя продолжал носить галифе и китель, резонно полагая: если снова война, не придется переодеваться, погоны цепляй и вперед. Кстати, когда я из курса древней истории узнал легенду о Давиде и Голиафе, не смог отделаться от ощущения, что Голиаф и Галифе – если не однокоренные, то родственные слова. Как печень и печенег.

Нечаянно открылось, что брюки галифе словно созданы для того, чтобы идеально маскировать в карманах две бутылки водки, этот факт нашим поколением тоже был с улыбкой оценен, но как бы со стороны: водку мы не пили, а покупали плодово-ягодное вино «Агдам», именуя его «Адам и Ева», оно выходило из организма играючи, и, с минимальным вредом здоровью, избавляя от застенчивости.

На уроке истории речь зашла о треуголке Наполеона, а ведь этот головной убор можно использовать для вычисления площади треугольника при ответственных стрельбах из штатной гаубицы.

однажды вместе с выдающимся двоечником Пашкой Кривоносовым я напялил брючки-дудочки, построенные его сестрой, в них не только не спрячешь бутылку, но и некоторые подробности строения собственного тела, и принялся играть на саксофоне идеологически чуждый джаз.

Победа в великой войне, завоеванная старшим поколением, позволяла в условиях смерти вождя многим из нас оставаться штатскими в душе и откосить от армии, как бы стать духовными вегетарьянцами.

А ведь даже полувоенная одежда наполовину дисциплинирует и тело, и душу – не меньше, чем еда. Одно из другого вытекает, как Ангара из Байкала. Жена купила сшитую по конверсии тельняшку – теплая, к телу прилегает. И ты хорошо заметен на фоне белой простыни. В нашем-то северном климате, на берегу Охотского моря – вещь особой потребительской стоимости. Одну износил, вторую, и вдруг уверовал, что когда-то, в другой жизни служил во флоте, даже на подводной лодке, особенно когда приходил с внуком на берег моря, к месту базирования плавбазы «Магаданский комсомолец», повспоминать мичмана Сашу, послушать крики чаек и построить домик из соленого песка. По возвращении мы уминали за обе щеки макароны по-флотски.

Все это неравномерными рывками вспомнилось мне, пока ждали исполнения заказа, разглядывая перенесенные с гор Кавказа интерьеры и костюмы драмтеатра еды: камни очага, кинжалы и алебарды, ковры с орнаментом и даже бурку в развернутом виде в комплекте с папахой и старинным кремневым ружьем.

Официанты в стилизованной военизированной одежде с кинжалами на поясе ходят, словно лезгинку пританцовывают. *Не щадя танца живота своего!*

Печурка припахивает ритуальным дымком и копченым сыром. Тихие ритмы бубнов и призывный вой зурны, посыпанный зирой лаваш. козий сыр Настроение у нас приподнято на романтическую высоту, как тонкий канат над горной рекой.

Заказали по две порции. Ждем. Морально готовы заказать добавку.

Петров с сиротского детства, как отца, чтит Ворошилова, а когда повзрослел, стал носить усы сопельками в подражание маршалу, да и теперь не изменил своей привычке, что помогает сохранять невозмутимость. Когда он слышал слово «буддизм», не сомневался, что это о Буденном.

Из своих усов он смотрит будто бы из смотровой щели. Не чеши лысый затылок, если отрастил бороду, береги имидж смолоду. Хотелось нового афоризма, но слишком я зациклен на ожидании шаурмы. *Дурная голова ноге покоя не дает – из жизни головоногих моллюсков.*

До тридцати лет Петров обретался в Чешне, и его то и дело переспрашивают: «в Чечне», вжился в роль кунака и тамады на бытовом уровне, теперь его признают за своего, даже если не открывает рта. Зачем слова, если человек просто дышит, сопит тихой сапой и качает головой – совсем как горный орел, вах-вах! И это актуально в наших краях, куда понаехало кунаков. Легко находит их на базарах, сочиняет им песни – тексты не имеют существенного значения из-за обилия звуков, не означающих слова. Текст инкрустирует паузами, сжимает и растягивает слоги, отчего они обретают экзотическое, даже эротическое звучание. Как речь строителя, если убрать из нее ненорматив. Растроганные земляки дают Петрову деньги на издание стихотворных сборничков, после чего устраивают презентации по числу изданных экземпляров.

Петров вырос сиротой, как в поле трава и не знает о себе почти ничего, даже национальности, и его духовные поиски вызывают недоуменное саднящее уважение. Проще всего он ассоциирует себя с чеченцами, а то и с армянами, грузинами, азербайджанцами, в последнее время воображает себя евреем. Однажды просыпается, а это Хабаровск. И не вокзал, не аэропорт, а синагога!

Поднабрался по профессиональной деятельности в сфере бытового обслуживания населения: если займется туфлями, то вашим ногам в них суждено плакать и смеяться от восторга, а в брюках, построенных Петровым, замедляется био-

логическое старение клиента, и один артист провинциальных театров, чтобы не ударить в грязь лицом перед столицей, женился на дебютантке и родил сына, словно правнука. У самого Петрова было столько жен, детей и внуков, что без компьютера не разберешься. Достоин Большой медали Ушинского.

За последние годы в городе сильно уменьшилось население, а тех, кто хочет его обслуживать, стало намного больше. Таксистов – как нерезанных собак, торгашей, всяких отделочников-строителей из Средней Азии полно. Сапожник из Китая Миша, он потом стал называться МИША, вызывает уважение стремлением работать за гроши. Один натуралист из Молдавии продает желающим пчелиные укусы.

Есть в городе и классные повара, которых не так-то просто сбить с алгоритма, разве что залить очаг водой. Но тогда он изготовит холодное блюдо – такое, что пальцы в рот не клади – руку себе откусишь. Если не отморозишь.

В реальной жизни большинство мужчин не умеет готовить пищу, и когда такая необходимость возникает, разбивает два-три куриных яйца на сковородку. Так вот однажды мы остались вдвоем с отцом, поскольку мать слегла в больницу. Я учился в третьем классе. Для меня было шоком, когда отец решил накормить меня ужином. Не яичницей.

Он взял несколько крупных картофелин, аккуратно почистил и сварил. Овощной бульон не стал выливать в канализацию, а покрошил туда репчатого луку, и было очень вкус-

но. Сваренные клубни он растолок деревянной колотушкой и открыл банку китайской вкуснейшей свиной тушенки «Великая стена». Конечно, в тот вечер я думал о заболевшей матери и грустил по ней, но мощный восторг желудка заглушал печаль.

Спустя много лет вдруг открылась подноготная того случая: пока мы с отцом пировали дома, пока уплетали картошечку, совершалось детоубийство. В больнице. Такое тихое, незаметное. Мог бы родиться братик. Или сестренка. Фигто. Никто не родился, и мать потом замаливала этот грех, ездила по храмам и лаврам. Я понял по оговоркам, лишь спустя годы, что случилось. И был потрясен. С горечью подумал, что не так уж далеко мы ушли от каннибалов.

Наши пращуры, вегетарианцы-хлебопашцы не совершали подобных преступлений, дети рождались, как Бог пошлет, и не было в народе озлобления. Люди гор донесли чистоту отношений до наших дней. Но почему я мучительно размышляю об этом, когда звучит, нарастая, гул в желудке, подобно мелодии «Болеро»?

Эхма! Уж больно вкусна шаурма. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Прежде чем ее вкусить, едим глазами. Пронзительная, тягучая, матово вспыхивающая, зернистая страсть ожидания опалает с головы до ног, унижительное и одновременно возвышающее чувство «тебя наконец-то покормят», некто возникнет рядом, подползет на брюхе с подносом, полным яств.

И вдруг, будто нарыв лопнул в сердце и растекся по грудной клетке теплый гной – солнце помаслило глаза. Это мой психоанализ и психосинтез. Когда-то давно, в молодости, меня лечили от будущей старости: кровь из вены брали и тут же, из того же шприца, теплую, вливали внутримышечно. В ту часть, которую медсестры-скромницы стыдливо называют щечками.

Все в той шаурме вот так же перетекает, переливается – с горького на кислое, с терпкого на ступорно-пряное. С кислого на пресное. Пищевые гаммы на гастрофилософию наводят. Тут ведь начинка первую скрипку играет, – объясняю сам себе. Специи. Лук горький и сладкий, перец красный, белый и зеленый, жгучий. В крапинку. Тмин, фасоль, кориандр, имбирь. И еще, и еще, на усмотрение повара. Нота фа, соль, до.

На Крайнем Севере нет ни одного растения, которое бы не оказалось целебным. Взять грибочки – ими лось до осени так отъедается, что весь с ног до головы напитывается ферментами. Мясо лося, застреленного во время брачных игр – это вам не цацки цацкать: успешно заменяет виагру, что позволяет сохранять основной инстинкт в надлежащем состоянии. И поддерживать численность населения аборигенов, пусть и на скромном уровне.

У шаурмы и тесто имеет значение, играет роль. Нежная блинная форма, сочная ароматная начинка. Моя супружница не раз недоумевала: мол, раньше одного пакета муки хва-

тало, чтобы два теста замесить, теперь лишь на одно с трудом хватает. Фарш тоже ужимается. И соль стала не соленой, и сахар не сладкий. Не говоря уж про не пьянящую водку. И во всем я ощущал долю своей вины. Пытался путем размышлений найти причину. Глобализация? Потепление климата? Демографический фактор?

Разгадки у меня нет, только раздрай. Петров – молодец: не терзается в сомнениях: мол, демократия, надо привыкнуть. Не так-то просто. Еда, ее приготовление и поглощение – как схватка на поле боя: одно другого стоит: фарш, специи, дрова, дым. Мясо – просто-таки сама нежность. То ли личинка, то ли оленинка. Лягушатины? Едим, за ушами квакает.

Может, кто медведя завалил, внутрь поросенка запихал, да сусликами нафаршировал? А внутри сусликов личинки овода. Их из оленьих мышц чукчи достают, лакомятся. Петров, кстати, не раз выдавал себя за чукчу, каким-то особым образом щурил глаза и разнимал слова на слоги, добавляя там и сям стеклянно-птичьи звуки. Однажды пробился на слет оленеводов, и его на ура избрали человеком столетия. Жаль, то столетие как-то быстро кончилось.

Китайский рецепт мясогурманства в гастрономическом мире более распространен, ведь на полтора миллиарда человек оленей не напасешься, да и, как ни странно, оводов тоже. Китайцы предпочитают более доступных личинок мучной мухи, иначе опарышей. Мы-то брезгуем, счастья своего

не знаем. А ведь опарышевый животный белок – натуральней не бывает. Без диоксинов и оксидантов. Биологическая активность выше, чем у говядины и баранины вместе взятых. Икра морских ежей отдыхает. Это же голимая виагра. Правда, от виагры слепнешь. Тогда пусть это будет вука-вука. Словно муха-цокотуха. А с мухами надо дружить. Приспичит, каждую преврати в боевого слона.

Гурман Петров от моей непрерывной болтовни глотает густую слюну: мол, у самого с утра маковой росинки не было. Мы друг другу тамада. Любим, уважаем. До слез. Устроили друг другу праздник. Спасибо, друг, что ты есть!

Из Чешни он уехал на Чукотку парикмахером на бреющем полете – шутка. Умудрился в аэродромной команде поработать, знает толк в самолетках и других чукотских приключениях. Обожает такое кушанье, как олений желудок, наполненный полупереваренными листьями тальника. Это даже вкуснее семян конопли, пропущенных естественным путем через пищеварительный канал певчих птиц.

Как я уже сказал, одно время он ассоциировал себя с этническими чукчами и не был чужд такого понятия как «брат по жене». Но поплатился: пятая или шестая по счету супружница обломала ему роги в Таганроге. Мечтал создать гарем, но не потянул материально. Горим!

А как-то по пьянке признается, что мечтает побывать в джунглях Амазонки, где будто бы сохранилось племя людоедов. Пообщаться. Правда, внятного ответа, в качестве кого он

планировал предстать перед аборигенами, так и не дал. Может, хотел изведать счастье быть съеденным живьем. . .

А шаурма знатная сегодня, как никогда! На здоровье, Евгений Алексеевич! Только бы заворота кишок не случилось!

И все-таки это не медвежatina. Иначе окрестные собаки подняли бы скандал. Так мне видится. Не знаю, может, мясо обезьяны из цирка попало, тут же гастролеры приезжали, а? Как раз объявление бегущей строкой было, что четверорукая артистка пропала без вести.

А может, медведь кого задрал, лося, например, а медведя охотники гранатой РГД зацепили. Фарш лохматый. Экзотика. Радость гурмана. Только пусть мое невысказанное мнение не сочтут пропагандой терроризма. Ладно?

Ем, смакую. И вдруг за что-то твердое зубом цепляю. Ноготь. Ошибки быть не может. Желудок, казалось бы, готовый и не к таким экзотическим неожиданностям, страшно удивился и полез в пузырь, подобно малолетке с ущемленным самолюбием. А что волноваться-то? Сядь, остынь.

Услужливая память унесла в деревенское детство, когда мороженое свиное сало со шкуркой учился кушать в середине зимы. От подкопченной корочки обязательно стружечка поползет, если хорошим ножом отрезаешь. А ножи были острее бритвы, их сосед на заводе из танкового подшипника выковывал. Тем ножом, говорят, рельсу перерубить можно. Ну, это, я полагаю, для красного словца сказано. Рельсу-то вряд ли, а вот оглоблю, пожалуй. Да и откуда рельсы? – же-

лезную дорогу я позже увидел, когда отец из тюрьмы вернулся, и мы переехали в другой район, я еще думал: там край земли, можно рухнуть в тартарары. Теперь вот принято решение в Магадан железный путь протянуть. Будем на вокзале юл гужеваться.

У того соседа из босоногого детства большая была семья. В собственную баню все разом ходили, меня за компанию брали. После бани квас, который не выпьешь залпом. Банные процедуры – полные удивления. Смотри, учись. Как от пятки ножом отхватят старую кожу, почти сантиметровой толщины, боязно. И немного завидно: у меня такая шкура не нарастает, хотя и прозвищем от отца награжден – «пензенские толстопятые». Или вот ногти семейство педикюрит, обрезки, словно птички, отлетают на несколько метров. Да в лицо! В глаз!

Как вспомню те пятки, те ногти, как рвану, давясь, из обеденного зала. Пока на ушах стоял, заметил на полу бумажную салфетку, энергичным почерком исписанную. Может, любовная записка? После шаурмы чувства обостряются – это аксиома. Недаром есть на свете трепетная поэзия Востока. Читаю – и ничего не понимаю, вроде как с иностранного языка забыли перевести.

«Купил я персик. Румяный и пушистый, прям деушик-персик. Кожица радует глаз нежными переливами розового, красного, малинового, она слегка шершавая, так бы и прижал к губам. А кто собственно мне не дает? Целую, и де-

вишук-персик целует меня в ответ сладким душистым поцелуем. Ты моя звездочка, я твой парсек. Я люблю тебя, милая персинька, так бы и съел. Прости! Ты была, и нет тебя. Ушла. Мне без тебя будет грустно. Я знаю. Но ничего с собою сделать не могу. Съедаю персик – в слезах восторга. Неизбывное чувство лишает меня всякого аппетита на целых три дня...

Вот говорят, висит груша, нельзя скушать. Загадка. Какая женщина без тайны? Если ее муж объелся груши, которые сам же околачивал. Груша – лампочка? Какая именно лампочка – Ильича или Эдисона? Есть и третья правда, долдоны!

Это и в самом деле фруктовая груша, но как ее купить, если основательно поиздержался? Больно уж много соблазнов, но вот напрягся, два дня по системе Брэгга поголодал, чтобы лучше усваивалась, купил. Груша эта зелено-розовая, так и называется «Лампочка». Сорт такой. Есть и «Дюшес», но я не отважился его купить. Дюшес – мужского рода, небось. Лампочку, что под потолком, не включаю, чтобы не было конкуренции с купленным фруктом, а вновь приобретенная груша и в сумраке прекрасна. Тем более что у меня за окном уличный фонарь светит. Да так ярко, что во рту оранжевый привкус появляется, как от апельсина. Груша, любовь моя, Аграфена! Слегка в теле, но есть и талия. Так и кружимся в танце, словно она – Дюймовочка. Ну и я – соответственно – Дюшес в душе.

Желающих потанцевать много. Манго просит у меня разрешения пригласить Грушеньку на тур танго. Фрукт еще тот. Но только внешне, а на вкус – вылитая морковь. Я ревную, готов глотку перегрызть сопернику-мангу. Как мангуст кобре. Что она в нем нашла? Ни стати, ни вкуса. Ни талии. Впрочем, насчет вкуса я погорячился. Вкус есть, я это определил экспериментальным путем, проявив соответствующую духу времени толерантность и политкорректность. Я принял их такими, какие они есть – до последней клеточки – и грушу, и манго, – путем безотходного поедания внутрь.

Но не насытил я свою страсть. А тут новая любовь поспела. Купил виноград – янтарные глазки, зернышки-зрачки! Не отвести взгляда. Мужчины любят глазами! Лучшие один раз увидеть, чем сто раз услышать. Неотвратимо тянет попробовать на зуб. Глаза в глаза. Зажмурьтесь! Вот так, мои сладенькие! Жую виноградины, вкусные – жутко, будто украдены.

А уж любовь моя полосатой пчелкой перепорхнула на яблоко антоновки – словно грудка юной девы. И вид, и аромат свежести, юности, невинности. Правда, в названии проглядывает мужик Антон, сорок тонн! Что-то есть в этом непостижимое. Недаром здешние журналистки берут себе мужские имена, публикуя плоды гламурной мысли. Ах, эти яблочки! Наверное, Ева из рая прислала со змеем? Адам, как же ты просахатил-то! Но ведь и у Адама свое – ада-

мово яблоко. Ладно, что-нибудь придумаем. Вот уж и райские яблочки я исцеловал до нуля. Даже зернышки не оставил. На зубах вязкая горчинка! На вкус – моченое в сортире. В здешнем кафе блюдо придумали, чтобы прибавить креативности. Да и запатентовали – не дать контрафакту довести до инфаркту.

Куплю-ка дыньки, их форма пробуждают во мне биокоррекционного скульптора – специалиста по бюстам и одновременно режиссера-рецидивиста откровенных фильмов. Завязывается внутренняя борьба сердца с желудком. Пять минут, и прощайте, дыньки! Я буду грустить по вас. Заодно по вишням – цветку первого поцелуя!

Не в силах остановиться, купил апельсин. Тру ароматную апельсиновую корку щекой. Женщинам с такими корками на бедрах неведома анорексия, они знают себе цену и лишь просят втирать в кожу патентованные мази и гели. Втираю! Апельсиновый аромат проникает прямо в мозг, подвигает на стихи. Цитрусы! Цитрусы! Цитрусы! Энергия цы струится по корейскому типу и вверх, и вниз.

Где апельсин, там и лимон – улыбок миллион, а к нему капуста, чтобы не было пусто. В капустке, какая растет в стране грез, искали мы маленьких человечков, чтобы их родить и вырастить в любви. Еще в студенческие времена, бывало, устраивали пирушки, веселились до упаду. Я и теперь на капустники похаживаю. Слушайте меня, я вам наговорю. Конечно же, в театр хожу, только он мне в роман-

тических старческих грезах драмкружком кажется. Смотрю на артисточек без надежды прижаться к апельсиновым коркам и дынькам. Яблочкам! Целюльнуть в самый целлулоид! Дыня дня, тыква ква! Дыня – для долголетия. Подходит на летнем рынке молодая женщина, спрашивает: мол, у вас дыня китайская? А то вон в павильоне написано «ахраханская». И сразу со всех сторон несколько ответов, один другого лучше. Написать-то что угодно можно. Пусть китайская. Вы ее со словарем можете кушать.

Вообще-то я люблю тыкву. В сказке она легко превратилась, благодаря взмаху волшебной палочки, в карету Золушки. Взять бы прокатить любимую девчонку в карете – это покруче, чем в «Мерседесе». Правда, ни первого, и второго транспортного средства у меня, увы, нет! Да и тыкву на Севере не просто найти в продаже. Разве что китайскую. Купить да сварить с пиеном чарующую кашу на Хэлувин.

Купил я зеленый горошек, до консервов дошел. Банку вскрываю, вспоминаю милые речи прелестницы – словно горохом чарующе сыплет. Ее лепет мне как об стенку горох, как звон бубенчика под дугой, когда сам не в дугу. Однако и в нем есть, наверное, какой-то смысл, как в ананасе или кокосе. Останавливаю выбор на маракуйе. Сижу, маракую, репу чешу. Порой до отчаяния. Последние волосы на себе, как на кокосе, рву.

Конечно, любовь – не картошка. Во всяком случае, не картофель в мундире. Само слово любовь – скорее морковь. Чи-

стит кровь и даже вставляет. Если не тереть ее на терке. Это вам любая свекла по имени Фекла скажет. Каждая луковка лукавая. Честно-честно. Как чеснок.

Но мне что в лоб, что в лобо! Мне фиолетово, поскольку сам баклажан. Для разогрева перед грядущей зимой наприку поглощаю, жгучую, как Африка, перец кайенский, горчицу, хрен, которым редьку не испортишь.

Я-блоко, ты-ква, она нас – ананас, полное намеков меню. Банан зовет на бан. Или на майдан? Куплю-ка я папайю. Я сам на нее похож. Намек малышке. Ей в названии будет слышаться Пашка-папашка.

А еще куплю один непривычный фрукт из Хачикстана. Если кто-то будет сильно надоедать, можно будет его подальше послать за фейхоа. Не пойдет? А гранат на что!

...И все-таки ты меня гонишь, милая. Настоящий мужик тебе нужен. Не такой фрукт, как я. И называешь меня еще ласковее – Овоцем. Ладно. Ну, тогда, чур, я хрен! Нос картошкой, свеженький, как огурчик!

Эх, милая! Работаете в овощном отделе гастронома на пару с мамой. Твой мир как овощное рагу. Переходи в шашлычную, и увидишь, какой я на самом деле джигит!

Я уже купил пачку пельмешек ручной лепки – такие ушки маленькие и красивые. Сварил, в тарелку положил. Словно ты за вином на минутку вышла. Сейчас придешь».

Прочитал, и странное, двойственное чувство захлестнуло. Со смущением и далекой болью ощутил себя школьни-

ком, учеником выпускного класса. Была зима, когда наша семья уменьшилась на одного едока (отец ушел по гипотенузе любовного треугольника, эта история тянулась со времени фронтовых треугольничков-писем) и могла позволить себе три раза в день лишь хлеб и картофель. Голодом это не назовешь. Вроде как вегетарианская диета, хотя и хлеб, бывает, превращается в тело Христово. Хлеб – всему голова, хлебный шашлык изобрел мой старший товарищ, фронтовой ребенок. Есть и колбаса в форме хлебной булки, в тот год не про мою честь.

Мне можно было пойти работать на завод, 16 лет все-таки. Но у меня была мать с тремя классами образования, и она не позволила: мол, уждемся, будем считать каждую копейку, но получим аттестат зрелости. А дальше видно будет. В институт поступишь, на математику. «А вечерами брюки шить», – подумалось тогда.

Мать жарила мне картошку трижды в день, и я не чувствовал себя обделенным судьбой. Но была упущена возможность стать сапожником, как Петров, или портным. Именно люди этих профессий настоящие психологи, почище Фрейда. Я не узнал о жизни нечто важное, что нужно знать в юности и теперь пытаюсь наверстать на склоне лет, да где там – ушел мой поезд с шаурмой...

Петров не сознался в авторстве найденного в туалете листка. И вообще не разделяет взгляды вегетарианцев. Никогда не разделял.

Кто же так заморочил мне тыкву?

И вдруг открывается дверь и входит Сидоров. Живой, здоровый. Улыбается. Как всегда смотрит на мир открытыми подслеповатыми глазами в мощных очках, словно пронзает собеседника рентгеновскими лучами.

Мы к нему с кулаками:

– Как! Разве ты живой?

– А с какой, скажите, стати, мне не быть живым! – и улыбка его, на миллион долларов, постепенно сползает на нет. Напугался!

– Ну... У шаурмы вкус такой специфический, вроде как человечиной отдает. Мы не знали, на кого подумать. А ты исчез с экрана радара, – задумчиво сказал Петров. – Глаз не кажешь, вроде как без вести пропавший. Запросто могли на фарш пустить, вон сколько людоедов развелось!

– Небось, без женщины не обошлось, – поспешил я загладить резкость Петрова и, не давая Сидорову возможности опомниться, в традициях мозгового штурма забросал наводящими вопросами. – Овощами она торгует, что ли? Твоя персидская княжна? Сознавайся.

Он поморщился, как от зубной боли.

– Есть женщина – с ума сойти, забыл, когда в последний раз обедал, – полусознался Сидоров. Каким был мозгокрутом, таким и остался.

– Ясно, – сказал я. – Впрочем, не очень ясно. Что это за фруктово-овощное сочиненье?

– Ах, вот оно где! А я уж подумал, потерял. Рассеянным стал, будто помолодел. Это, по правде говоря, сценарий. Фильм будем снимать – на правах рекламы. Овощная база заказала.

Еще один звезданулся на рекламе!

– Но откуда в шаурме ноготь? – спросил я напрямик, устав от дипломатничания.

– Какой такой ноготь? Впрочем, надо у моей новой пассии спросить. Она у меня маникюрша.

Все хорошо. Ну, не совсем, конечно. Сносно. Теперь выпить чайку и, быть может, подремать – «Стамбул-Мамбул» предоставляет такую возможность, являясь рекламным партнером известной в городе фирмы постельных принадлежностей и мягкой мебели. Я замер в предощущении неги и восторга. Люблю прикосновения чистой простыни к уставшему телу, не меньше, чем сок граната внутрь. Он прекрасно заменяет непьющим вино, сам пробовал. Обожаю и напиток из китайского лимонника.

Разлеглись на чистых постелях с ароматом полыни и чабреца, и Сидоров ударился в свою обычную болтовню, рассказывал, как его приятель лишился руки. Вроде и не болела, но отболела и самоампутировалась. Возможно, оттого, что он к месту и не к месту любил повторять: «Даю руку на отсечение».

Другой его приятель сел на горящую газовую плиту: что-то творилось у мужика с головой, на секунду терял созна-

ние и падал на стенку. У него вестибулярный аппарат сросся с самогонным.

Попил, называется, чайку. Получив обширную термотравму, дней десять не выказывал никакого беспокойства, и его готовили к выписке из больницы, но тут нервные окончания мягких мышц стали оживать с мучительной болью. Он кричал на все ожоговое отделение, просил его пристрелить, дать обезболивающего, принести утку, бился головой в стенку, норовя спрятаться от действительности, словно страус. Остальные госпитализированные пациенты почувствовали себя практически здоровыми и рвались домой и куда угодно, хоть на каторжные работы.

Сидоров – уникальный человек, он пишет по написанному, думает по продуманному и молчит по уже промолченному. Однажды взялся повторить опыты академика Павлова, помните, собака реагирует на вспышку лампы выделением желудочного сока. В итоге Жучка научилась глотать лампочки и тем зарабатывать на хлеб. Себе и хозяину.

И вдруг я очутился в редакции газеты, в которой работал лет двадцать назад, и приходит ко мне в отдел женщина со следами ослепительной красоты под темной вуалью. По комнате разливается аромат миндаля. Я хоть и сплю, а догадливый: это не настоящие орехи. Несколько лет назад мне делали операцию в полости рта, так вот там анестезия такая миндальная на вкус и на аромат. С той поры я этот запах ужасно обожаю. Не удивительно, что когда появился спустя

годы ликер «Амаретто» с ароматом миндаля, я его принял с энтузиазмом издаля.

Помню, были в моей молодой жизни целые «эпохи» с названиями по маркам вин. Однажды все джигитовали вокруг «Семилона». Пьяный ответсек Котельников браковал мою писанину. Пытался отбить у меня девушку, Таню Шишкину, а она, скрытная особа, любила спелеолога Иванова, прирожденного гитариста.

Завоз «Каберне» совпал с курением «Любительских» папирос и затяжном купанием в остывающей ванне и написанием нерифмованных стихов, затем напечатанных в центральной газете.

Армянский коньяк – исключение из правил или новый этап – с ним впервые съеденная натуральная отбивная, отпечаток грудки Наташки Сомовой, жгущий мою ладонь.

Арманьяк в Магадане, прогулки с практикантками в скверике возле стадиона, мечта словить на коротких волнах музыку «Голоса Америки» для кривляний, первый в жизни кусок лосося, миска красной икры, а там и не родившийся еще пока сын.

Ни слова не говоря, красавица, шамаханская княжна, возможно, с подачи Сидорова она появилась в интимном уголке моего мозга, открывает сумочку, вынимает фотографию, демонстративно кладет на стол. И в изгибе своевольных плеч я ощущаю укор, а от него укол самооценки. На снимке двое. На фоне курортного пейзажа. Ну и что? «Вот, – говорит, –

была знакома с одним, да продлятся его дни... – И пронзает своими черными, искристыми, как деготь с медом, глазами. – Ухаживал, мороженым угощал».

И смотрит, смотрит, прямо в глаза, будто с плаката «Ты записался добровольцем?».

Что красавица имеет в виду – никак не пойму. И тут открывается дверь, входит неземной красоты девушка. Такую встретишь – надолго лишишься сна и аппетита. Даже если посетишь харчевню «Стамбул-Мамбул».

– Узнаете? – спрашивает.

– А должен?

– Совесть свою послушай!

Стал я к фотографии приглядываться с той тщательностью, с какой опытный сыщик анализирует фоторобот, и сделал вывод: мои посетительницы – мама с дочкой. А вот третий – что за хмырина? Не знаю, а гадать не хочется. Неужели это я? Брачным криминалом пахнет. Правда, если мы увлеклись принятием на грудь, я мог и забыть, чья эта нежная грудь.

И тут открывается дверь и входит мужчина в камуфляжной бурке и папахе, с кинжалом на поясе.

– Ну, а теперь что скажете?

– Извините, – пытаюсь протестовать против этого концерта-загадки. – Нельзя ли ближе к делу? У меня работа срочная. Репортера ноги кормят, зачем мне голову ломать? Вот если отгадаю, да вы дадите мне миллион, как на викторине

у Галкина, тогда, может быть, поделюсь интеллектуальной собственностью.

– А вот этого не надо. Грубить, – сказал мужчина и вынул кинжал. Прямо к горлу мне приставил. Серьезный оборот. Одно неверное движение кадыком, и кирдык. Больно много в наше время психов развелось. Хорошо еще, закон об оружии не принят. А то бы у каждого появился «Магnum», и перестреляли бы друг друга к чертовой матери. Я ведь тоже дурной, когда пьяный.

– Извините, – сдержанно говорю, – не силен я в языке жестов. Может, воспользуемся словами?

И тогда он снизошел, объяснил. Оказывается, в 88 году я ездил в Пицунду, встретил эту женщину, тогда девушку. Ну и все вытекающие последствия. Ездить-то ездил, не отрицаю. А дальше что? У меня – провал, а в действительности?

– Вы хотите сказать, что у нас был роман, и эта девушка – моя дочь? – понял я в меру своей испорченности благами жизни и, кажется, рассмешил незнакомца.

– Еще чего не хватало. Дочь эта моя, Манана. Попробовал бы только, зарезал бы тебя, как цыпленка! Не о том речь! Роман у нас был. Я ее выкрал, – для наглядности он показал кинжалом на даму.

У меня вырвался звериный рык, похожий на вздох облегчения:

– Ну, а ко мне тогда какие претензии?

– Ах, какие мы непонятливые! Оскорбил женщину, нанес

ей обиду, которую она пронесла сквозь годы, и хоть бы что. Морду бульдозером корячит. Моральный вред, проценты набежали. Настал час расплаты по вексялям.

Ну вот, – подумалось мне, – а ведь так спешил на работу, даже не побрился, как следует. Обидно, что почти дописал репортаж. Кто его теперь доделает? – Я сглотил густую миндальную слюну.

– Обидел? Да впервые ее вижу.

– Впервые? И слышишь тоже в первый раз? Лжец! Ты был на юге. Она там жила. Городок маленький, не мог ее не заметить. Только и разговоров о ней было. Как осиный рой гудел. Восемь достойных юношей, стройных, как кипарис, на спор шли над пропастью по жердочке ради Лолы.

– В самом деле? Это же фольклор! Или нет?

– Какой там фольклор? Жизнь! Ты мог бы стать девятым, для ровного счета. Должен был потерять голову, влюбиться без памяти, карабкаться по веревочной лестнице, расточать клятвы, за один ее взгляд пойти на костер. И теоретически мог бы получить согласие. Правда, я бы этого не допустил, – он сделал бреющее движение кинжалом, наподобие севильского цирюльника.

У меня наливается кровью уши, щеки, шея. Того и гляди, сторишь со стыда. Я перестаю верить собственным ощущениям. И что-то ломается во мне, как апрельская сосулька, противный холодок бежит по спине. Конечно, по большому счету я заслуживаю самой суровой кары. Как-то безропотно,

вроде как из деликатности, соглашаюсь, словно сторонний наблюдатель. Вот, стало быть, кончилась жизнь, даже не завтра, уже сегодня, а я ведь собирался вечером попить с другом Петровым пива. Вряд ли при таком раскладе удастся это сделать. На меня нападает столбняк. Закрываю глаза и затаиваю дыхание, пытаюсь представить себя в виде коробочки пепла.

– Что ж, я готов, – голос у меня падает, словно поскользнувшись.

– Как это, готов? Ну и хорошо, мы с тобой миндальничать не намерены. Неужто мы звери и будем пачкать служебный кабинет человеческими выделениями? Нет, все сделаем цивилизно. Сядем в «Мерседес», поедem в сторону Армани. Над пропастью. Ты сядешь за руль. Педаль до пола, скорость максимальная. Тормоза все равно подпилены...

Я поразился, насколько чудовищен был замысел этого человека. Ничего, смертью храбрых, бывает, умирают и трусы. Неважно, что на генетическом уровне человек ближе к свинье и крысе, он может стать орлом и обрести вторую голову, чтобы слиться с образом своего государства.

И тут промелькнула спасительная мысль о том, что жестокость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Затеплилась надежда на то, что и в моем случае это правило сработает. Приготовленная в мой последний путь машина может оказаться неисправна, не завестись из-за отказа аккумулятора. Или бензин слили. Нас могут и бес-

причинно задержать на посту ГАИ. Правда, этот янычар откупится.

Где-то я читал, что в секретной лаборатории разработано новое оружие: я делаю себе больно, вхожу в шок, энергия комы растекается волнами и поражает окружающих. Идеологически эта штука давно опробована, даже поговорка есть – смотри такой надежный источник, как словарь Даля. Глаз, мол, выбью себе, лишь бы теще насолить, чтобы у нее зять был кривой. Вот бы и мне сейчас такое оружие, я бы выкрутился из положения, сорвался с крючка! И так мне этого захотелось, что живот к позвоночнику прилип. В глазах чернила, в ушах вата.

Незнакомец вздрогнул всем телом: стало быть, проняло его, но сдержался, достал из кармана бурки серебряные стаканы, открыл пробку в рукаве, из скрытого бурдюка полилось ароматное вино. Здорово придумано, однако.

– Слово для тоста предоставляется виновнику торжества, – сказал горец.

– А что говорить, я всегда обожал женщин, но стеснялся, не подходил на пушечный выстрел. От разврата меня предохраняло пьянство. А от пьянства срочные задания шефа. А от срочного задания изредка помогала болезнь, а теперь вот и предстоящая собственная гибель. Жаль, не удастся мне написать об этой яркой коллективной смерти забойного репортажа. Так выпьем же за красоту и нежность! Только сам не буду. Я же за рулем?

– За рулем? Давай-давай, мели, Емеля. Да какое там питье – даже ноль восемь промилле, как по новому закону, не наберется.

– Ну, тогда я бы хотел провозгласить тост за упокой и помин собственной души. Вот уж как повезло – присутствовать на прелюдии к собственным похоронам.

Георгий вставил мне в рот потаенный шланг и не успокоился, пока не влил два литра хванчкары. Или киндзмариули? От скрытого волнения я стал путать марки грузинских вин. Зато почувствовал необычайную легкость в мыслях и в теле. Георгий, Лола и их дочь Манана, да и весь мир покрылся тонким слоем бриллиантов, засверкало так, что глазам стало нестерпимо больно, будто их кололи иглами. Надеюсь, они позволят мне петь за рулем? Брызги шампанского! Может быть, сегодня какой-то праздник? Всемирный месячник контрабандиста? Неделя письма с взрывными устройствами в конверте? Международный день хакера?

Нет, для начала я должен угостить мороженым маму с дочкой. Нет, украсть их. Или ограбить? Сейчас самое распространенное – это кража мобильных. Правда, я терпеть ненавижу болтовню по телефону. Лучше уж дочку украду. Или удочерю. Нет, женюсь. Увезу тебя я в тундру, увезу.

И вот я мчу по заснеженному болоту на «Мерседесе» с открытым верхом. Скорость двести. Руль на себя, взлетаем. Я не могу сегодня рухнуть, я такой легкий, не подвластный земному тяготению. Оглядываем с высоты птичьего полета

сопки и ручки. Дух захватывает. Со мной на переднем сидении молодая – Манана. Я от нее без ума. Внутренним зрением ощущаю, как нежила она свое сладкое мясо, жирное на бедрышках и животике, оглаживала нежную тонкую куриной выделки кожу, пахнущую дичью и подпаленным на горячем солнце пером. Мечта людоеда.

Она напоминает мне молодых особ в дорогих шубейках, из-за длинных ног те девчонки кажутся мне горбатыми. Моя покойная мама называла похожие одежды обдергайками. Издалека ангельские создания вызывают острую жалость, ведь они когда-то состарятся и умрут. Вот так же не могу я без слез смотреть на котят, из-за малого отпущенного им срока жизни. Но мы вряд ли выживем, с подпиленными тормозами и рогами. Почему-то мои мысли заняты посторонним. Может быть, в ассортимент коррекции фигуры стоило бы включить окорот ног, благо, что малый рост женщине только на пользу: гарантирует нормальное артериальное давление...

Тут один набоб, для собственного душевного здоровья откручивающий головы подчиненных, он от этого подзаряжается, поразил коллег-набобов тем, что взял секретаршу, далекую от пропорций Барби. Пока все алкали фотомоделей, он обожал колченогую Мариэллу. Та походила обличьем на снежную бабу и пробуждала картины далекого детства, первого романтического греха с деревенской блаженной. Он стал пить вечерами молоко, есть тертую морковь и полю-

бил кантри в исполнении Надежды Бабаежкиной. Еще через недельку у него перестали кровоточить десны, и он посмертно реабилитировал клерков, которые умерли от престарелости и вызова на костер... то есть, простите, конечно же, на ковер сатрапа. Помог вдовам не потерять лицо в переезде на ПМЖ в ЦРС.

Все бы ничего, да не бывает идиллии в нынешнем веке, стала грызть этого господина гнилая мыслишка, никак не оформляясь в слова, пока не пробрало на очередном банно-бассейновом банкете, не вырвалось из глубины тела: «Перебор! Перебор! Перебор!», наподобие архимедовой «Эврики». Втемяшилось болезному, что у Наполеона рост 151 сантиметр, у Сталина на четыре больше, Ленин недалеко ушел – 166 сантиметров, а сам набоб вымахал на две головы выше, и напрасны мечты о быстрой карьере. Родоначальник садизма – маркиз де Сад – был ростом 155. Кстати, во время Великой Чистки начальником НКВД был Ежов – тоже карлик. Таким же минимэном был и знаменитый вождь анархистов – батяня Махно... Иначе говоря, в моду, возможно, войдут малогабаритные самцы, которых и прокормить легче, и резвее они в преодолении великого шелкового пути к сердцу женщины.

Мысли о переборе стали нестерпимыми, когда начальник попал на расправу к врачам. Предстояло пройти диспансеризацию в связи с преодолением возрастного рубежа набобской службы. Ему категорически запретили курить: иначе,

мол, доиграется и ноги ампутируют. «Пусть! Пусть! Пусть! – сгоряча подумал набоб, – лишь бы не голову!». В любовной горячке он прикинул, насколько станет ниже ростом, и как отнесется к этому его пассия. Он однажды видел, как один понаехавший не местный брюнет играл в волейбол со своими детьми-подростками: стоял на коленях и легко пасовал мяч поочередно дочке, сыну, дочке, и они втроем весело смеялись. Вспомнив этот случай, набоб улыбнулся, но тут же брезгливо передернул плечами.

Потом он женился на сиамских близнецах.

Мой папа тоже не был гренадером, и, шагая по жизни, я перерос его на голову и подспудно старался казаться ниже ростом, маскировался, не лез на глаза начальству и все такое, поэтому не стал генералом на служебной лестнице, даже ефрейтором не стал.

Правда, в последние годы я гораздо смелее с женщинами. Особенно на базаре. Подхожу к торговке и, глаза в глаза, спрашиваю, какого качества товар, не заветрелись ли куринные окорочка и бедрышки, не истек ли срок хранения. Любовь не картошка, а если фаршем торгует, то через азу, бифштексы – говяжью и свиную плоть много чего опасного от человеку к человеку перетекает. Да и картофель, чей белок близок к животному, может одарить какой-нибудь чумкой.

Я держу паузу, как следователь угро. Тетя продает мне зеленый французский салат, наклоняется и сочувственно шеп-

чет: «Как вы его едите?». А сама уже не слушает: косит глаза на могучего мужика, другого постоянного покупателя. Я его знаю: частный охранник Дуболомов. Подойдя к соседке, торгующей морепродуктами, тот вертит пальцами так и сяк, примеряясь к крабу. Его пальцы веером – пародия на морского рака. И такие же красные и заскорузлые эти пальцы – от полнокровия, что ли? Лицо у парня кирпича просит, ноги – цемента: в таз и в море.

Поговаривали, что один шутник купил замороженное говяжье сердце, упаковал в подарочную коробку, перевязал ленточкой и принес любимой женщине: дарю тебе мое сердце. А что такого – покупатель всегда прав, даже если товар – лев.

Не все торговки могут преодолеть себя и лгать беззастенчиво, это же бывшие училки, две инженерши и одна геодезистка. Конечно, лукавить пытаются, на то и женщины. Говорят: «Не пробовала, не нанималась, не дегустатор», но от моего глаза не скроешь интонацию. Никто из них не обладает актерскими данными, даже на уровне драмкружка и реплики «Кушать подано!». Да и не виноваты они: весь товар лицом выставляется и продается лицом той самой национальности. А с теми, кто говорит правду, это легко проверить, я и имею дело. С ними у меня длится лет уж десять тайный союз рекламного щита и меча, а за это время неминуемо женщина либо влюбится в тебя, либо возненавидит и брызнет вирусом тараканьего бешенства, бараньего ступора или ослиного

аутизма. И прозвонит твой третий звонок.

Снег колючий, как стекловата, падает в лицо, ветер его пихает за шиворот. Нахохленная уличная торговля вздрагивает.

Звонок! Я узнаю звук наручного будильника, с которым не расстанусь нигде, поскольку практикую периодическое десятиминутное расслабление перед мозговым штурмом. Я спал, это мне снилось, но и сейчас не очнулся. Сон во сне – редкое явление, как солнечное затмение. Как медведь, фаршированный кабаном, с запеченной внутри индейкой.

Сон гаснет медленно, я еще полсекунды вижу самую молодую из продавщиц ближайшего к моему дому рынка. Симпатичная, с чистой кожей и детским румянцем на щеках, вылитая Анастасия Кински, дитя новой эпохи, совсем пропащая: нет, чтобы окончить один-два вуза и податься в безработные, пошла своим путем, ограничишься десятилеткой. У нее шарм учащейся ШРМ. И небольшой шрам на запястье.

Тут-тук-тук! От пригрезившихся картин сердце фальшивит, напоминая икоту. Мне стыдно за то, что приблизилось. Ужасно, что в грезах я еще хуже, чем в жизни. Неправда, что человек не отвечает за свои сновидения. Еще как отвечает – за собственное изображение в зеркале, коли рожа крива. Хорошо еще, что я не обязан раскрывать эти грезы окружающим.

Во сне и наяву неотступен Сидоров
– *Хочу на обед жареных угрей.*

– *Сейчас надавлю.*

К. Остромырдин.

А за несколько часов до того, на подъезде к стационарному посту ГАИ Сидоров прибавил газу, да и сам был под газом. Вино «Мерло» прихворнуло у него в животе и умерло.

Как призывала реклама, купил ортопедическую стельку, чтобы в нее упиться, не подпадая под каблук жены. Утоли мои печали, гуталин! Но была нарушена субординация субпродуктов. Все меню – в меня. А оно из меня. Сырое сырье, вареное ворье, копченое копье. Под конец состоялся саммит – без галстука. Коль нельзя заложить за галстук, придется за воротник. А галстуком закусить.

Под галстука стук, занимаясь армрестлингом, Сидоров оторвал руку инвалиду Громобоеву.

А не маши культями после драки, словно потомок культа!

Но все кончилось относительно благополучно – руку удалось вернуть на место: сустав склеить бээфом, сухожилия скрепить спеллером, а кожу сшить суровыми нитками.

Жена Сидорова презрительно именовала его компанию старых споенных друзей «ЛюмПЕНклуб».

А сама спала и видела себя в денежной должности. С одной стороны, она вроде как упирается ногами и руками назначению на пост, с другой стороны ей это руководящее кресло ей никто катастрофически не предлагает.

На фотографиях Сидоров выходил опухший, с тоской безденежья в глазах. Его полнил объектив. С отсутствием фи-

нансирования столкнулся еще до рождения и был обязан им ему. Бывало, не выпьет ни грамма, а выглядит принявшим: рулит голограмма. Огурцы у него в теплице такие, что и водки не надо.

Даже раздобрев, он маскировался перед официальными лицами, поскольку, было дело, проявлял несдержанность – нелегально продавал японские подержанные машины. В одной клинике в Токио ему предлагали поставить новое лицо из бывших в употреблении. Из разряда одноразовых. А ведь любил, хлебом не корми, приударить в грязь лицом.

Хорошо им в собственном саке. У нас же бывает, ставят ультиматум матом, но не так-то легко решиться зашить. Морщины ему разгладили морскими гребешками.

Сидоров дышит в трубку мобильного телефона. Она зеленеет, показывает несанкционированные промилле. Так всегда: дуешь в трубочку, сопишь в дырочку, а молчишь в тряпочку. Женка на том конце связи отдыхает в пуховой перине, вся спальня в пастельных тонах, с кухни приперлась, дрыхнет, в висках отбойный молоток, и ее клинически клинит. Сидорова Клава – кровь с молотком, блондинка зимой, летом брюнетка, а осенью рыжая, под цвет рябин. А сам он зимой и летом одним лысым цветом. И резина на его «Жигулях» в тон – тоже лысая.

Еще недавно, в обозримом прошлом Сидоров создавал себе портретно-лицевой имидж: уши поломал, как у боксера, рот порвал, как у борца вольного стиля, на пальцах та-

туировочки, во рту короночки. Походка как у морского кавалериста, руки вытянул по методу академика Илизарова, на 10 сантиметров длиннее, чем у гориллы той же весовой категории. Длинные руки и короткие ноги – признак мужской сексуальности. У жены наоборот. Два ребра мадам удалила – для удлинения талии. Всем говорила для отвода глаз, что переломы. Муж – голова, жена – шея. Сын – хвостик.

Теперь-то, с годами и он стал за собой следить – с помощью видеокамеры наружного и внутреннего слежения. Надо распрямиться, втянуть живот в грудь, а грудь перегнуть в плечи, мобилизовать всю свою мимику, дикцию, чтобы быть понятым. К такому не подступись. Он весь – живопись.

Между тем ГАИ не увеличивало содержание довольствия личного состава, просто машин в городе за пять лет выросло в два раза. Или в три.

Сидоров на службе был награжден именованным безымянным оружием. Пусть у него штаны без стрелок, стреляет он без промаха.

Ему было присвоено звание Предпоследнего Героя. Все говорили, посмертно. Оказалось, пожизненно. Но это лишь сон такой. На самом деле в возрасте аттестата зрелости он вместо школы работал в военизированной охране, мечтал о лучшем. Нашел же работу веселее, с живыми деньгами и людьми, тоже в основном живыми, и они его баловали вниманием. Включился на общественных началах в борьбу с незаконным отмыванием чести мундира.

В прошлом совок, теперь он пост-совок, фильтрует человеческий мусор, точнее пост-мусор. Сор. А сорят деньгами. Сорри. Новый мэтл по-новому хэвит.

Предъявите документы, удостоверяющие вашу темную личность! Водитель волнуется, и от этого язык заплетается. «Слово имею... честь имею!» Сержант ему в тон: «А я все имею – и слово, и честь. И соцпакет. И тебя, золотце». Деньги не пухнут.

На стационарном посту ГАИ звонит телефон. Сержант Полковников, шустероид шароглазый, идет, хотя мог и не слышать с улицы. Поднял трубку. Говорят:

– У нас собака лает, у соседей. Вот послушайте. Слышно? Не подумайте, что я не люблю животных. У меня два кота...

– Какая такая икота, – прикальваются. Никакого реагажа. Тогда с другого бока попробуем. – Ваша собака превысила скорость? Или выпила за рулем?

– Да нет, в общем-то.

– Запаркована в неположенном месте или вышла на полосу встречного движения?

– Скажете тоже. Не здесь собака зарыта. Просто вы – ГАИ – штрафуете. А другие не штрафуют.

– Вот как! Можно обратиться в суд.

– Знаю, как это. Мужик сверлил стену два месяца, произвел нарушения, несовместимые с дальнейшим проживанием в доме. Жильцы подали в суд. Суд постановил: восстановить как было. Еще стучал полгода, восстанавливал. Теперь кру-

тит фуги Баха. Для нас в концерте по заявкам Моцарта заказал.

– Моцарта? Да его самого давно Сальери заказал.

Вот ведь эрудит попался. Он и о Мусоргском слышал, но называет его Милицейским. На концерты обычно собирались ценители, у кого водятся деньги. Люди его круга любят кого? Мишу Круга. Его, быть может, убили для того, чтоб ничего лучшего не написал, чем шансон «Магадан». Как на древней Руси: плотники по заказу князя храм сложили, а он велел им глаза выколоть, чтоб другой такой не построили. Впрочем, как знать, может, кому-то делал музон по заказу, а не понравилось. А меня Квадрат зовут, приятно познакомиться. Я Черный Квадрат по прозвищу Малевич. В миру Безуглый. Ну, это шутка, а на самом деле теперь такие зодчие, что глаза им повыволоть – но не за красоту, а безобразие.

Двигатель какой – два литра и по литру на брата выпили, вот одно на другое и наложилось, километры на литры, а сверху миллиметры ртутного столба. Дорога дураков любит.

Почему только лыжники в масках? Понятно, что морозный ветер и это чревато обморожением. А что же штангисты? Каково зрителям видеть напряжение лица спортсмена в преодолении чудовищного железа? Конечно, среди силовиков есть и штангисты. И тогда вдвойне удобно: и на работе в маске, если спецназовец, омоновец, и в спорте мастак.

Не люблю, когда дышат в затылок. Но смиряюсь. Хорошо, что не стреляют. Если тебе приставили ствол к затылку, не тушуйся, мобилизуй стволовые клетки. Может, тебе трепанацию делали, вживляли титановую пластинку, так тогда это не твоя проблема. Утопающий утопист хватается за соломинку, которую видит в чужом глазу.

Сначала ситуация вышла из-под контроля, потом и контроль вылез из-под ситуации. А пуля – дура, это штык молодец. Ты к штыку прировняй перо, как говорил Шарль Перро и его друг – клоун Карандаш.

Особенности национальной стрельбы в упор: при стрельбе навскидку предоставляется скидка. Мотив убийства есть, а вот мелодия... Кто только заказывал эту музыку? Слов нет, какая эта песня бессловесная. Как отказ от дачи показаний.

«Держи горячую голову в холоде. А ноги там, откуда растут», – говорил, бывало, его начальник, капитан Ли, по прозвищу «Огонь пли». Ему роги обломали в Таганроге. Вот и перебрался в Нагаево, как пожелала нога его. А жена ему: не расстраивайся, ты же не копыта откинул, наставлю снова. Глянь, вон уже кожа ороговела, согдится ушу заниматься, а рыбки наловишь, наварю ухи. А не пересадить ли тебе от мертвого осла уши? Зачем? Спрашиваешь! Это же так сексуально. Ослы – те же кролики, в пастельных тонах. То есть не в постели, ты ж меня понимаешь? Ухо держать востро. Недаром в будках телефонные трубки оборваны. От оргазма при сексе по телефону! Не веришь? Не верь, удивись

только. Хочу твою улыбку!

Страсти по Сидрову

*Котик – зеленые глазки, белые лапки,
растянулся на окошке, на солнышке.
Зеленоглазое такси*

Жили-были муж с женой, Сидоровы, но другие Сидоровы, однофамильцы, лет десять прошло, и не давала судьба детей. И тут почувствовала жена что-то такое, шась в поликлинику, сделала эхолокацию. Высветились три мальчика. Будущие родители рады до безумия, но к той радости примешивается тоска: была их семья среднего достатка, не до жиру, но были живы. И вот скоро будет у них многодетная семья, а главное, – малообеспеченная.

Сказка – ложь

Несколько семей дружили, все Сидоровы. Была у них общая черта – черта бедности. А на черта! Эскалация нищеты. Нищий 7 разряда.

Мы, мол, за ротацию и вторичное использование власти. Как бы нам не опростоволоситься с перхотью!

Жизнь – тюремная больница, в ней лежишь, сидя, и сидишь, стоя в очереди на операцию по расставанию души с телом.

Дождь подслеповатый, в очках минус три диоптрии.

Из достоевщины напрямиком в толстовщину дедовщину.

Встретились Тарзан и Маугли. Кто кого перебредит.

Нажимаешь кнопку «плей». И тебе не до соплей. Отмутился, бедняга! Попух, как Вини Пух.

Звонок: патологоанатома не вызывали. В рыбе обнаружены крабовые палочки, а в ней – палочки Коха. Эпид твою мать, чрезвычайное положение. А китайцы везут наш лес к себе железнодорожными составами, чтобы наделать палочек для еды и барабанят на весь белый свет.

Сюжет для картины маслом вверх: малоимущий магаданский писатель пытается перейти улицу в потоке магаданских джипов, пока перекресток, как бутылка, заткнут дорожной пробкой.

И тут на полуфразе из сна, как черт из табакерки, появились реально осязаемые молодые люди в серо-зеленом камуфляже, в калошах и с калашами в руках. Типа того, что всем оставаться на своих местах, руки на стол, ноги на ширине плеч. Как производственная гимнастика, занятие проводит преподаватель Гордеев.

Ну-ну, хорошо, что успели с обедом покончить и подремать. Нет ничего печальней, когда тебя шмонают, а шаурма стынет.

Всех, кто был в заведении и за его пределами, морально повязали: отдыхайте. Петров тихим, но твердым голосом потребовал адвоката. А прокурора не хочешь?

Сидоров оставался невозмутимым. Переводил взгляд с одного на другого и загадочно ухмылялся.

– Потрудитесь помолчать, – грубо оборвал его главный. Я не разглядел на его полувоенной одежде знаков различия, но кожей почуял старшинство. Думаю, он тоже любил шаурму.

Нас погрузили в автобус с закрашенными черным лаком стеклами и повезли. Куда, зачем? Я вам не цыганка – гадать.

Руки машинально вытянулись по швам, и одна из них нырнула в карман за мобильником, а ведь телефоны у нас изъяли. Я все-таки залез в карман и – у меня глаза на лоб полезли – вытащил маленький пакетик с белым порошком. Сюрприз! Обследовал другой карман и достал небольшой увесистый пистолет. Я не специалист в оружии, но на самом пистолете была явная подсказка: надпись на русском языке «браунинг». А на пакетике, в такие пакуют чай, я прочел: «КОКАИН НЮХАТЕЛЬНЫЙ. Минздрав предупреждает: злоупотребление лекарственным средством может повредить Вашему здоровью».

Петров с интересом разглядывал мои находки. Похоже, готов был рассмеяться. Или заплакать. Одно из двух. Он всхлипнул и обреченно хохотнул. Машинально сунул руки в карманы, изменился в лице и достал точно такой же, как у меня, пакетик и браунинг.

– Надеюсь, вы не будете отрицать, что оружие и наркотики находились в карманах вашей одежды. С вашего позволения мы снимем с вещественных доказательств отпечатки пальцев и приобщим к делу. Вы пока прилягте лицом вниз,

руки за голову.

Калорийный обед реально бодрит и ласкает желудок, запахи пищи были столь сильны, что все остальное казалось нереальным, один лишь Сидоров выпирал из общей картины неуместной веселостью. Рассердился я на него довольно сильно: то он где-то пропадает почему зря, то с овощами-фруктами дурака валяет, то просто злит непонятным. Интересно, а что у него, Сидорова, в карманах? И я тихо шепчу ему – весомо и как бы с угрозой:

– Выворачивай карманы!

А он, уже не таясь, ржет, словно конь.

– Попал, попал. В самое яблочко.

– Ты подстроил?

– Не понимаешь, брат! Мы будем деньгу зашибать. Знаешь, какую? Вот именно! Интерактивная игра. Хочешь – захват заложников, хочешь – обезвреживание террористов. А то народ обленился, разжирел.

– А просто сесть за стол и бутылочку раздавить западло? – говорю и сам не верю. Мы с Петровым вон уж сколько не пьем, а хочется острых ощущений. Вплоть до бритвенных лезвий внутрь.

Короче говоря, еще раз просыпаемся, непонятно где. Потеряли человеческий облик и даже не помним своих имен. Отзывались на клички «Гуляш», «Шашлык», и «Фарш». Но сделать из этого какой-то внятный вывод оказалось невозможно, поскольку все трое проявляли заинтересован-

ность при слове «соя» и «Соня».

Нас долго отпаивали рисовым отваром, и общались мы жестами, как утратившие способность к членораздельной речи без членовредительств. Хорошо, у Сидорова был с собой маленький диктофончик. Кое-какие подробности, не все, конечно, удалось восстановить по аудиозаписям. Главное, поняли, кто мы и откуда. Как в народе говорится: были бы кости, а мясо нарастет.

Сидоров, как интеллектуальный предводитель, родил убийственную по выразительности фразу: «Пришел поздравить – будь готов быть скушенным другими».

Вот в этом и заключался сюрприз театра еды, за который нам пришлось доплачивать администрации «Стамбул-Мамбула». Хотели Сидорову рожу начистить, да потом расчухали, благодарили.

В следующий раз мы пили условно отравленную водку. Получили условное отравление. Условно ослепли и даже умерли. А они нас условно реанимировали, условно вылечили и накормили условными кормовыми единицами. Дали, куда приткнуть условную голову. Не просто вернуть утраченную жажду жизни.

*Поседевшие сопки и скалы
будут с юга людей зазывать.
Вот и сын мой, воробушек малый,
прилетит в Магадан зимовать.*

И. Помнящий

Когда-то, тридцать с лишним лет назад пришло в голову сравнить отпускные поездки на «материк» с сезонными миграциями гусей-лебедей, особенно это касалось самых маленьких северян: правдами и неправдами переправляли мы их из холодного края в центральную Россию набираться силенок. Вот уж и дети выросли, нарожали нам внуков. И с ними теперь сезонные разлуки. Кому-то повезло дожждаться правнуков – после третьего удачного шунтирования. А скольких из нас уже нет на Севере, кто-то поменял географическую широту и долготу, а кто-то никогда уже не вернется из полета.

Колымский друг Стас переехал в Питер лет пять назад. Шлет и шлет e-мейлами свои восторги. Наблюдал, мол, синиц, чуть в обморок не упал, застыл в столбняке. Будто он японец и созерцает цветущую сакуру. Осенью испытал видеть десять тысяч гусей на пролете! Так ведь и над Магаданом проложены трассы пернатых. Летели питерские гуси, надо полагать, в Африку, в отличие от магаданских, зимующих в странах Юго-Восточной Азии. Весной мы видели тех же самых, устремленных вить гнезда, вновь поражались, как мала огромная земля, если чуда в перьях способны обнять ее крылами. У живых существ есть железы внутренней секреции, одни выделяют такой секрет, как адреналин, другая инсулин производит, а есть такая железа внутренней секреции, что выделяет секрет под названием секрет. Совершенно секретный, непостижимый. О том, из чего состоит сезонный полет:

зачем он и как...

Стас готовится к пролету, словно к большому светлому празднику, гонит свежий дачный самогон и солит сало по рецепту, перешедшему от прадеда. Круглый год солит.

«Сегодня, – пишет он мне, – произошло самое для меня главное событие этой весны – увидел возвращающихся с юга гусей. Каждый год жду этого перелета еще во время жизни на Колыме. Увижу, прокричу им „Здравствуйте! С возвращением!“, и на душе становится светлее. Удивительно, что не вспоминаю при этом об ружье, хотя перелетных уток на Колыме стрелять доводилось. Помню, однажды одним выстрелом сбыл три штуки. Радости! А сейчас просто не тянет. Писатели лгут, что для этого нужен какой-то сверхэмоциональный толчок или благородный порыв. Просто перехотелось и все. Возраст не тот».

Только успокоился, – делился в другом письме, – зашел в дачный домик на берегу Вуоксы закусить, опять шум. Думал, собачки тьякают, вышел глянуть, а это журавлики из поднебесья подают знаки. На больших спортивных лодках есть так называемый загребной, по команде которого все разом налегают на весла. Возможно, какой-то из журавлей дирижирует полетом!

Так ему казалось. Чувствую, превратился колымский охотник в человека, утолившего чувство голода и мечтающего о том, чтобы вернуть сосущее ощущение сосуществования, как старую любовь. Которой он в свое время был по гор-

ло сыт. А ты ему в ответ докладывай о магаданской природе-погоде. Да я с радостью: подходящая тема для интернетовского обмена. И не надо ломать мозги, о чем писать.

Извини, Стас, не могу разделить твоего умиления по поводу синиц, перед тобою павших ниц. Подкармливаешь их салом. Очень интересно. Сало и у меня есть, из Сибири прислали, достаю из морозильника, строгаю. Аромат чеснока заполняет квартиру. Я бы рад угостить синиц, да где они, голубушки? Кладу посоленный и почесноченный пластик на хлебную горбушку и в рот. За ушами пищит: немного похоже на птичье пение. Вот ведь удивительно – налегают на сало синицы и умудряются не полнеть!

Гусей-лебедей по-прежнему дважды в год можно лицезреть и в Магадане. Увидел лебедя, упал, отжался, как приговаривал покойный генерал Александр Лебедь, погибший в полете. Несколько длинношеих птиц садится передохнуть на зеркало водохранилища ТЭЦ. Они будто зачарованы ландшафтом речки Магаданки. Хочется думать, что столь совершенные создания природы обладают способностью чувствовать прекрасное, хотя бы на уровне кандидата искусствоведения. Лебединое озеро! Не удивлюсь, если напишут диссертации об эстетическом чувстве у птиц. Ведь уже появился, как они говорят в ученом мире, остепененный исследователь птичьего пенья. У него и отец – окрыленный специалист по птицам Севера. Старший брат – тоже кандидат наук. И пишет книги о северном зверье.

С подсказки орнитологов я вдруг понял, что тоже участвую в наблюдениях. Магаданские птицы хоть и прячутся в гнездах, но их существование протекает публично, как и жизнь людей видна с высоты птичьего полета до мельчайших деталей. И живем мы с ними в маленьком городе, как говорится, в симбиозе! Заинтересованных наблюдателей птиц в Магадане не меньше, чем футбольных болельщиков.

Как-то в начале мая 09 года над городской думой летело девять гусей. Друг друга подбадривали: «клинк-клинк». На фасаде здания светилась неонов цифра 12. Температура, что ли? Потом зажглось показание времени, и тоже 12. Пианистка Люся улыбнулась. Она как раз в это время на скамейке у памятника первому директору Дальстроя Берзину, разукрашенному на макушке голубями, кормила подаренного кота Тимофея. Хороший кот, красавец, да люди не могли простить ему съеденной канарейки. (Кстати, о птичках. В первую мировую войну канарейками прозвали англичанок, работающих с тротиловой взрывчаткой на военных заводах, у них волосы и лицо окрашивались из-за этой военной химии в ярко-желтый цвет).

Вообще-то он жил в подвале, а ведь поднялся на верхний этаж как раз в тот момент, когда дети открыли дверь, словно ниндзя какой-то, прошмыгнул в чужую в квартиру. И, как на беду, птичку из клетки хозяева выпустили поразмять крылышки. Та уж и так и сяк спасалась от кошачьих когтей, а обратно в клетку залететь ума не хватило. Полоса-

тый хищник в охотничьем азарте все, что лежало на шкафах, сбросил – такие совершал чудовищные прыжки. Так и поймал певунью. А что там – на один зубок. Но очень вкусно. Конечно, Тимофей мог поплатиться головой за свою охотничью страсть, да его спасла сердобольная Люся.

Взяла на руки и давала коту свиное сердце, поскольку теперешнюю колбасу кошки не едят. Конечно, не Бог вещь что, но червячка заморить можно. А в это время в весеннем небе орали, возвращаясь из загранки, перелетные гуси, совсем близко от земли. Чайки во дворе услышали, засуетились, голуби на декоративном заборчике заговорили, а ворона, сидевшая на углу крыши, склонила голову к крылу и мле-ла. Кот с ума сходил от гусиных разговоров, но они – как в той пословице – журавль в небе, а синица в лапах – это свиное сердце. Говорят, оно один в один – человечье.

Прошло немного дней, приехала пианистка на берег бухты Нагаева – народ с дикими глазами ждал подхода мойвы на нерест. Кто с сачком, кто с мешком, а пианистка с ведром.

Рыбка игнорирует стечение народа, совсем как заезжая гастролерша из «Фабрики звезд». Нерест откладывается. Вполне вероятно, это протест: кто-то завез в магаданские магазины мойву из Норвегии. Да тут еще 80-летний композитор из Краснодара прислал новую песню о Магадане, своей второй родине, вместо стихов там рыба, то есть набор слов с минимальным количеством смысла.

Чтобы не тратить время зря, пианистка нашла рояль в ку-

стах, сыграла новую песню, побродила по берегу и набила полное ведро морской капусты – пригодится на салаты.

Пока суд да дело, попадаетеся Люсе на глаза сборище чаек на морской косе. Сидят, галдят. Какой-то у них общий интерес. Пианистка потихоньку прошла на ту косу. Оказывается, чайки разжились четырьмя горбушами без глаз – за глаза рыбу поймали. Что делать? Пианистка производит бесшумный набег, конфискует рыбу и восвояси. Чайки возмущаются, да что поделаешь – без лицензии, небось, рыбачили.

Так пианистка-пенсионерка получила гуманитарную помощь. Пусть достались ей экзemplяры без икры, но свеженькие, устроила себе пир. И подаренному коту Тимофею перепало.

А хорошо нынче ловится лосось на лицензионном участке Арманского побережья. Армань – там еще в Новый, 93-й год умер водитель хлебовоза. Привез из города фургон. Стали разгружать – один лоток, другой. А он положил голову на руль и не дышит. 46 лет как исполнилось.

Житель этого же поселка Алексей, он снабжает нас творогом и сметаной, принес к нам в контору два гуся, застреленных на охоте: мол, купите. Мы дружно отказались: не ровен час, при нашем-то везении птичий грипп свиной модификации подхватишь. Да и мелкие какие-то гусяки. За городской чертой разрешается их отстреливать – для диетического питания. Говорят, очень вкусные, гораздо вкуснее куриных окорочков. Ну, я в этом не очень-то разбираюсь. Это

Стас их несметно перещелкал. Да сколько дроби сорвалось в молоко. Правда, слово «молоко» теперь санитарный контроль запретил. Стало быть, меняй поговорку: «в молочные продукты»!

Кстати, тут у нас еще один пишуший охотник объявился, он девять гусей добыл в один день. Чуть не захлебнулся в собственном адреналине.

Недавно с изумлением узнал, что у нас на заповедных островах Охотского моря обретается семь миллионов пернатых. И это притом, что людей в городе и во всей области чуть больше ста тысяч. Как говорится, кто у кого в гостях.

Высокие скалы сверху донизу облеплены гнездами – это птичьи базары. В первую секунду представил наш базар «Урожай», где узбеки продают помидоры и яблоки по заоблачным ценам, но тут же одернул себя. Конечно, на птичьем базаре ничего не продают, это не птичий рынок, которого в Магадане отродясь не было, в отличие от блошиного. Зато одаривают – небесными просторами и шелестом белых, серых крыл над синевой моря. Вживую я этого пернатого буйства в силу своего домоседства не видел, а вот фотовыставку в библиотеке посетил. Знаком с орнитологами – легкими на подъем людьми. Впечатление незабываемое.

Сумасшедшее лето 09 года, весь Магадан – словно птичий базар. Чайки орут порою так, что в голове саднит. А вот рыбного рынка у нас пока нет, там бы рыбы не орали – хоть в этом преимущество.

Птицееды, как называл орнитологов мой сын, когда был маленький, ходят на суденышках на заповедные острова для мониторинга. Скалы с карнизами, похожие на многоэтажные дома, служат прибежищем кайрам, топоркам, ипаткам (носики у них – умора – декоративные красно-желтые топорики), конюгам (у них на голове перышки торчат, словно чубчик), черноперым чистикам, чайкам и прочим рыбоедам. Всего насчитали орнитологи 186 видов, всем под северным небом хватает места и корма. Красавец белоплечий орлан стал символом заповедника. В отличие от белоголового орлана – национального символа США.

Конечно же, водятся в наших краях и бакланы – черные лоснящиеся существа с длиннющей шеей, этакие жирафы пернатого мира. Бакланами на сленге называют молодых людей, слоняющихся по городу в поисках, к чему бы прислониться. Казалось бы, край земли, моральная чистота. Но жизнь вокруг неправильно-городская, да еще эстрадни-ки, будь они неладны, называют блатняк шансоном, вносят свою лепту в деграданс на тонком уровне. Не говоря о лагерьном прошлом Колымы под знаком черного воронка. Вот и на птиц смотришь без соответствующего пиетета. А им это параллельно. При случае и плюнуть могут с высоты, вернее, не совсем плюнуть... Козлы!

Дятел – испоганили слово. Благородная птица – доктор деревьев, превращен в сатирическую фигуру буквоеда. Как меня удручало, что один из больших руководителей имел

фамилию Дятел. Лишний раз народ боялся произнести это слово. Похожий случай помню с детства: попалась на глаза сказка «Мышонок Пик», и ужас обуял. Я знал, что Вильгельм Пик – партийный геноссе в Восточной Германии. Я пацан, и то заметил, а куда же взрослые смотрели?

Дятел. Долдон. Чем-то генеральским веет от этого слова. А еще петух, гусь, утка – у каждого названия прямой и переносный, порой идущий из мест не столь отдаленных, смысл. Такова уж наша постлагерная магаданская специфика. Вон напротив моих окон, в здании кинотеатра находится небольшое кафе «Белочка». Свят, свят! Ну, не белая же горячка, нет!

На заповедных островах непрерывным химическим дождем падает с высоты птичий помет – ценнейшее удобрение, такое, как учили в школе, вывозят из заокеанской страны Чили, где до недавнего времени свирепствовал диктатор Пиночет. Там и название органическому удобрению дали поэтичное – гуано. У Пушкина, помните, Дон Гуан? Есть какое-то созвучие. Но мнимое. В гуано по шею. Какая-то испанщина. Между прочим, бакланы производят классическое гуано, как помнится из школьного курса географии. И у нас этих бакланов немало проживает. Значит, удобрение для земледельцев можно было бы собирать, если бы не запрет осуществлять в заповеднике хозяйственную деятельность. С бакланов много не соберешь. Да ведь и Москва не сразу строилась.

Как представишь семизначную численность орнитологических объектов нашей территории, становится понятно, почему Хичкок снял триллер о птицах, подавляющих человека до смерти своим количеством. Да и Стивен Кинг тоже хо-рош – из воробьев сделал инферналов, которые сопровождают людские души на тот свет.

Один магаданский орнитолог, это я тоже видел на выставке и с восторгом сообщил питерскому приятелю Стасу, запечатлел на фото групповой полет тысяч и тысяч пернатых, издалека они как точки, образуют причудливые узоры, которые, при соответствующей игре воображения, можно принять за портретный снимок.

Ну, Стас, достал ты меня. И синицы у нас есть, только на глаза не попадают. Или не там смотрю? Зрение неважное, а поют они редко и не тогда, когда выхожу на улицу. Синицы – они ведь не синие? Желтые грудки. Какое-то одиночное пение слышится изредка над головой, однако легко ошибиться, не видя пичугу. Словно фарфоровыми протезами едят фарфоровый рис.

Может быть, это чечетки или выжимной подшипник поет? У меня такое было у «Жигуленка», пока не заменил корзину сцепления. А теперь столько в городе не новых, «поющих» иномарок! Десятки тысяч. Гораздо больше, чем птиц. Идешь по аллее на работу – поют подшипники, соловьиная роща механическая. В Магадане не так-то мало звуков, и каждый хочется очеловечить. Но вот в мае чайка орет сре-

ди ночи, спать не дает. Хорошо, что не ездит на джипе со звуковыми колонками по сорок ватт.

Кстати, в июле 08-го года за полчаса дождь собирался, небо стало – как вакса. Гром как рыкнет раскатом – противогонка у кого-то включилась. Но ливня не было, рассосалось. Только горсточка редких дождинок в темечко. Небо прояснилось, да несколько белых облачных перышек пролетело. Перистые облака – редкость в Магадане, как и гроза. Гром грянул, а мужик не перекрестился. Так и чудится широкая улыбка неба: мол, шутка, а вы что подумали?

Даже небо у нас пернатым бывает, а воробьев, такое ощущение, в городе единицы. Разве что в пригородном поселке Снежном, где и зерен, и червячков вволю. А несколько лет назад, бывало, поутру перед работой хоть парочку воробушков, да встретишь. Лицезреешь какую-то минутку, и зарядка на весь день. Когда на материке жил, воробьев, каюсь, недооценивал. Чирикают по-свойски, чирик просят. Век жив-жив, век чив-чив: учиться никогда не поздно.

Воробушки! Такие родные, привет из детства. У нас на материке под окном рос огромный тополь, выше пятого этажа, сплошь усеянный поющими воробьями. От пернатого хора в голове звенело, как в пивном котле, и на этом фоне сочинялись первые стихи. Утром воробьи разбудят чуть свет, но через минуту засыпаешь сладко, как в филармонии, когда исполняют, например, «Сказки венского леса». Пока еще никто не написал «Сказки эвенского леса».

Воробьев в Магадане вытеснили голуби – такое научное объяснение вычитал в газете. Стас из Питера возразил по e-мейлу: воробьев погубил Гайдар, судьба их решилась, когда премьер заезжал на несколько часов в Магадан и якобы парился в бане на Снежном. Стас пару надавал. У Севера нет перспективы, а если нам понадобится золото, мы всегда его сможем купить на Лондонской бирже, – сказал внук знаменитого детского писателя. Стас – тоже писатель и в литературном конкурсе имени Аркадия Гайдара завоевал большой приз. Должен был получить награду из рук Гайдара-внука, а не поехал в Арзамас. По почте прислали.

Когда-то на пароходах до Нагаево, а остальную часть пути автомашинами везли снабженцы с «материка» комбикорм – питание колымским курам да коровушкам, при этом крохи просыпались на дорогу, а воробьи тут как тут. Скок-поскок. Склевывали. Много ли им надо для поддержания искорки жизни! Реформаторы коров извели, свиновхоз – под нож, звероферму, где норки да песцы водились, – тоже, теперь лишь вороны кружат, они неистребимы. А что – есть в этом высказывании какая-то окопная правда! Сам-то он пережил в детстве войну и знает, почему фунт изюма.

Помню, в начале семидесятых нашлись авиаторы – неистребимые романтики, как и все мы, наловили на материке воробьишек, привезли в Магадан, выпустили. Областная газета писала. Снимок был. Не знаю, выжили ли те серые переселенцы. Климат тогда еще не потеплел, но в теплицах

от избытка куража виноград выращивали. В непосредственной близости от полюса холода и месторождения каменного угля. Один амбициозный грузин Гутидзе. Не экзотика, нет, любовь к жизни!

Помню, в те времена в подъездах жилых домов стояли пустые ведра, куда жильцам надлежало складывать недоеденные горбушки, чтобы потом дворники сдавали в свиноводческий совхоз. Сколько копеек было сломано вокруг нравственного отношения к хлебу насущному. Публиковались ужасные истории о том, как дети с отклоняющимся поведением играют булкой в футбол. И я мысленно принимал участие в решении проблемы: пусть хлеб сделают дороже, тогда его станут беречь. Накаркал! Ни совхозов теперь, ни ведер для хлеба. Воробьев тоже кот наплакал. Говорят, остались мелкие перелетные птицы пуночки. В пути на север останавливаются передохнуть, и тут их папарацци снимают для газеты.

У нас в Сибири пацаны воробушков почему-то называли жидами и расстреливали из рогаток, якобы помогая скворцам. На то время, пока скворцы улетають на юг, воробьи поселялись в скворечниках. Вернувшись из теплых краев, скворцы с шумом и тасканием перьев изгоняют подселенцев, заодно вышвыривая их соломенные матрасы. Прямо, этнические чистки в Боснии. Придется мне, а может и всем нам извиниться – и перед птицами, и перед людьми.

С голубями проще и очевидней, никаких загадок: почти домашние хохлатки. Разве что не кукарекают на рассвете.

Зато горлышком дрожат, будто учат маленьких ребят букве урррр. Голубей расплодилось столько, что в сквере за театром летят на тебя тучей, и голоса такие выразительные, цыганские, что без слов понимаешь: позолоти ручку, посеребри височки, спляшу и погадаю, сниму порчу сглаза.

Возле гастронома «Полярный» сизарей несметно, ведут себя раскованно: крыльями прохожих по щекам задевают. По лысине животом. Живой веер. Театр «Синяя птица». Магаданец с «птичьей» фамилией, не Голубев, Орлов, напечатал в областной газете свое наблюдение: с покатых крыш, накрытых гофрированным пластиком один за другим скатываются голуби. Если происходит свалка по вине торопливого собрата, ему устраивают взбучку.

На уровне третьего этажа углового дома, построенного японскими военнопленными по проектам сосланных в Магадан академиков (национальный символ Японии – пестрый фазан), есть архитектурное излишество – три кирпичных уступа через весь дом, так вот гули-гули облюбовали ступеньки. Как балконы в театре. Когда к юбилею города отремонтировали стены, придав им светлый колер, в сентябрьские дни от стен заструилось слабенькое тепловое излучение. А много ли птице надо! Голуби и телеграфный провод облепили, сидят живой гирляндой. Совсем как мой кот, взявший за моду греться на телевизоре. Тротуар в помете, и на это прекрасное удобрение, как на живца, лезут из земли травинки, прошивая асфальт.

Отправляясь на природу, летом возле автовокзала я видел тополь, на ветках которого теснилось десятка два голубей. А ведь меня уверяли, что сизари на деревьях сидеть не могут. На всякий случай заснял на цифровик, чтобы вещдок был. Правда, фотка пропала, как тысячи других: вирус поел жесткий диск.

Прошлым летом встретил возле дома в парке трясогузку, тоже сфоткал. Я ее узнал по нервному хвостику. Мне в детстве родная тетя подарила похожую, только игрушечную. Такая забавная свистулька – дуешь, а она хвостиком молотит. Тогда я услышал из уст тети, заведующей ветеринарной аптекой, непривычно ученое слово, означающее колебания хвостика птички, я его не запомнил, а сейчас никак не отыщу в словарях. Хорошо еще, в Москве есть бывшая северянка, дважды доктор наук – сама того не желая, подсказала – то, что птичка проделывает хвостиком – флуктуация.

Мы в детстве строили кормушки для синиц, вот тогда желтогрудок можно было получше рассмотреть прямо из окна избушки, где мы жили с матерью. А в школе за одной партой сидел с Настей Сеницыной, она в математике здорово соображала и даже пугала мальчишек своим необычно ярким умом. А когда выросла и превратилась в невесту, к ней клеился Леша Снегирев – мощный парень с красными, словно спелые помидоры, щеками. Был у меня друг Валера Чижев – обаятельный человек, его вся школа любила, кликала Чижиком, а он умница, и сестра у него Чижиха. Погиб

в электричке в 18 лет, и я воспринимаюсь его сорок с лишним лет спустя как взрослого внука.

Мне не довелось употреблять на обед ни ворон, ни голубей, как моему старшему другу, чье детство пришлось на войну. Он не любит о том распространяться.

Климата шах и мат

Климат с годами теплеет, и я радуюсь всем своим полногабаритным телом.

Хор мальчиков

В 2007-м году на халяву прожили в относительно тепле октябрь и ноябрь, начало декабря. Мороз закрепчал с 4-го декабря. Забытые минус двадцать по Цельсию зафиксированы 6 декабря. С ветерком и матерком. Обработкой альвеол наждачком. Ну, не совсем наждак, но и не бархатный сезон, ледяные кристаллы при морской влажной атмосфере требуют осторожного обращения. Дыши неторопливо, тогда ледяные остроугольнички расплавятся в верхних дыхательных путях – в носу и глотке. У тебя течет из носа? Это не насморк. Это конденсат.

Зима та рекордная по осадкам, если не учитывать следующую, когда в недельный снегопад мне повезло пробиться до Москвы и обратно на «Боинге». Возвращаюсь с писательского пленума, не узнаю город. Будто окопы полного профиля – расчищенные тротуары. Машины продавили в снегу колесами желоба и ходят, будто трамваи по рельсам. Задевают дном обледеневший снег: «чирк-чирк». Что творится! Со-

бачка коротконогой породы задевает животом сугроб и движется с трудом. А хозяйка никак не хочет взять ее на руки: сама застревает. Стройная девушка в лыжном комбинезоне наклонилась завязать шнурок, прибавляю шаг, догоняю, чтобы выразить немое восхищение, а она распрямилась и оказалась парнем!

За границей Большой театр не переводят с русского, и так всем понятно. Возможно, и Большой снег войдет в сокровищницу международной лексики, как Спутник и Водка.

Где чайки? Нет чаек. Отлетели к ледяной кромке, к открытому морю, занялись рыболовством, как им положено. (Чайки вернулись в город, на помойки, к 6-му апреля 09 года, по наблюдениям эвенского писателя-натуралиста. А незадолго до этого, 26-го февраля в районе Сусумана свалился в пропасть КАМАЗ, так что с течением времени оба события слились к коллективной памяти.

Водитель, совершивший незапланированный 100-метровый полет, остался жив, но его зажало конструкциями кабины. Спасатели прибыли на место аварии, но у них не оказалось оборудования, чтобы разжать стальной капкан. Пострадавшего укутывали одеялами, но при температуре окружающего воздуха минус шестьдесят шансов у него не оставалось).

Ну, так я вперед забежал, а 10 декабря прохожу я мимо почтамта, а там новогоднюю елку возле храма свалило порывом ветра. И в этот миг рвануло у меня сумку с плеча, сло-

мало карабинчик. Та и брякнулась ребром в сугроб, а в ней ноутбук. Сердце мое оборвалась: там ведь набор двух номеров журнала.

Ничего, обошлось. Назавтра в сугробе тарелку адской кухни нахожу – параболическую антенну. Мальчишки ее как раз откопали, буквально из рук вырвали и приспособили для катания с горки вместо санок.

Компьютер через несколько дней как-то сам собой погиб на третьем году жизни. Вот так коллега Анатолий – попал под машину, и обошлось вроде бы, оклемался, но год спустя скоропостижно скончался от сердечной недостаточности. Я его видел буквально за день-два сидящим в сквере, на выходе, но не подошел, за что потом корил себя. Он был погруженнейший, и я ревниво сравнивал его габариты со своими. Толик – тяжелей, карикатурней, и лицо у него отяжелело, и глаза под очками потеряли былую живость. Он хотел покормить голубей, достал из кармана какие-то крошки, наклонился, протянув ладонь с кормом, но не смог удержаться в таком положении, бросил крошки, откинулся, было на спинку скамейки, но в этом сквере скамейки без спинок. Хорошо, что удалось удержать равновесие, балансируя мобильным телефоном – увесистым, еще первого образца.

Пропавший жесткий диск восстановил Игорек Красных, воскресил все убитые файлы. То-то я радовался и потом удалил 1100 вирусов, аж дурно стало. Откуда что берется? Есть какие-то злыдни, находящие радость в том, чтобы напако-

стить людям.

Очередной снегопад метеорологи назвали ливневым. Падают снежные струи, о деревья шуршат, словно плащ. Завораживающее зрелище. Крупозный снег валит весь день и вечер, и днем он не такой, как ночью – словно жирная сметана. В сумерках атмосферный выплеск теряет белый цвет, служит оправой для огней реклам и фонарей наружного освещения и крохотных электрических светлячков – мы их переняли у американцев для повышения настроения. Похожую крохотную лампочку мне приходилось глотать, чтобы получить вид изнутри для диагностики. Я думал, что хоть желудок у меня в норме, да где там – старость наступает везде, где только может. Неплохо, думаю, постоянно иметь внутри себя маленькую новогоднюю елочку, расцвеченную крохотными гирляндами и звездой.

Ночью, когда утомонились автомобили, мне показалось, что внутри меня и впрямь выросло дерево, а не то легочное дерево, которое видится поэтам-патологоанатомам, в ветвях моего внутреннего дерева восседают вернувшиеся снегири и радостно поют, а не хрипит простуда.

Днем снег был такой белый, что лист бумаги для компьютера с символическим названием «Снежинка» на снежном фоне кажется мне фиолетовым!

Плотно летящие в нескольких метрах перед носом снежинки проглатывают видимость с задором, от которого морозец по коже, идешь, как в молоке. А полет голубя в обла-

ках снега и бликах искусственного дневного света напоминает молодежную дискотеку, когда танцующие в дыму освещены вспышками стробоскопа. Или вот, неминуемая двойная ассоциация: голубь летит, как трассирующая пуля. Насчет выстрелов я, конечно, малость преувеличил, но нет жидкого дыма без жидких гвоздей и сухого спирта: вневедомственная охрана, у нее офис в центре, передвигается по городу в калошах с калашами: только сунься, бандит!

Народ всякий есть, не только хакеры харкают в душу. Могли и обидное слово вскользь бросить. Сглазить. Вот и поскользнулся я, как на арбузной корке и упал, словно на нож. Кто-то везет и везет в Магадан арбузы. А кто-то ножи. Снег пахнет арбузом, а чуть слежится, засалится, источает рыбный аромат, скользит – зацепиться за тротуар подошвой невозможно. Учись падать, и приснится, что летаешь.

Ножа вообще-то не было. Это мне в первую секунду показалось. А сверканье – глазные искры. Я рухнул в центре города, у занесенного снегом фонтана: во рту солоноватый вкус моря и снежной свежести. Собака подошла, обнюхала. Фыркнула. Девушка замедлила, а потом резко прибавила шаг. Напугал я ее своим видом. Голуби нахохлились, сидят. Я бы даже сказал, соблюдая политкорректность, наукраинились. Не знают, чего ждать от меня, какого подвоха. А я за дружбу народов и пернатых.

Кстати, о птичках: было так, что супруги Голуб решили развестись. Люди они просвещенные, и семейный союз у них

скреплен брачным договором. В случае расторжения контракта все имущество переходит Голуб Б. Г. Он уверен, что ему, – Борису Дмитриевичу, а она считает, что ей – Богдане Дементьевне. Вопрос решился чисто грамматически – женские фамилии подобного типа не склоняются, а если б мужчине, тогда было бы написано «Голубу». А ведь говорили хохлу упертому – учи москальскую мову. Поленился.

Оказывается, бывает полезно падать для активизации оперативной памяти. Встаю, как штангист, многофазно. Только вместо штанги – собственное тело. Медленно проходят два энергичных молодых человека. Слышу фрагмент разговора:

– Джана, привези снегу, да? Десять лет живу в России, в Магадане. Приезжаю в Баку к маме. День, другой, и в Магадан тянет нестерпимо. Привези им снега. Сами растряситесь, понимаешь...

Второй ответил в полголоса, неслышно. Кажется, он так сказал: «Мне стыдно был, что денег нэт. Квартиру подарил ей, Кутаиси на Магадан менял. Все равно на алименты подала. Что теперь будэт? Посадят меня или нэт?»

А хорошо я упал. Удачно. Прямо на спину. А черепом не задел. В шее хрустнуло, и тепло хлынуло в голову и в ноги. И сейчас идет. Эйфория разливается.

Повезло мне и в другой раз. На гололеде на лестнице улицы Парковой нестандартно упал. Наподобие бесконтактного карате. Пока летел вниз, испытал чувство невесомости в те-

чение миллисекунды. Не побился сам, цел остался и ноутбук. Позвонки хрустнули, как куриные косточки. И вспомнилась затея отцов города устроить в Магадане несколько аквапарков. Должно быть, нет ничего прикольнее, чем падать и катиться в струе жидкого льда, особенно если не касаться телом железобетонных конструкций.

На другой день я смело ступил на те же обледенелые грабли ступеней. И вдруг замешкался, никак не пойму, куда переместить центр тяжести.

И вот рука в черной вязаной перчатке. Подумал, кто-то помощи просит, прикинул, какие в кошельке ресурсы. Беру эту руку, тяну вверх. А это китаец. По-русски не говорит, лишь головой машет, улыбается, как все они. Вот как – оказывается, молодой человек помогает мне, старику, преодолеть опасный участок. Спасибо, камрад! Наверняка, в вашей стране нет таких снегопадов и таких ступеней. Ю о'кей, юань!

Как они, южане, преодолевают нашу экзотику, когда мы сами еле-еле с ней справляемся? Ой! Узнаю спасителя – это же Миша-трудоголик. Приехал из Поднебесной, открыл мастерскую, весь город заклеил своей рукописной рекламой и опроверг поговорку «сапожник без сапог».

Снега нынче, в 09-м, много. Подтаивает, опять падает, удивляя щедрости небес. Никто из магаданских поэтов еще не додумался давать нашим долгим зимам имена, подобно тому, как приходят от берегов Японии уже поименованные

тайфуны: с избытком накрывают Камчатку, краешком задевают Магадан. В городской дорожной службе дают снегопадам порядковые номера. Ни одной зимы не бывает в Магадане без двух, а то и четырех крупных метелей. Это третья.

Голуби худеют в снегопад... Один что-то клевал с невозмутимостью, достойной лучшего применения. Пригляделся я, а это сторублевка. Ну, дружок, придется тут по соседству зерен тебе и твоей дружной компании купить. На все, без сдачи.

В далекие школьные времена, когда изучали курс экономической географии, учительница говорила, что наш мелькомбинат на берегу великой сибирской реки – один из крупнейших в стране. Я рыбачил с его причала, там еще поблизости магистральное шоссе и железная дорога. Транспортный хлебный узел. Местный патриотизм помогал спать под грохот полукилометрового зернового конвейера, работавшего день и ночь. Баржи, груженные зерном с элеватора, уходили вниз по Оби. Тогда я еще не знал, что это зимний завоз грузов на Крайний Север. С эстакады летела отвеянная пшеничная шелуха, и рыба, сходя с ума, ловила ее с поверхности воды. Голуби отъедались там и взлетали с трудом.

На балконе нашей квартиры, на пятом этаже их собиралось для приятного времяпровождения десятки, а на чердаке было столько, что, когда через несколько лет я впервые услышал слово «биомасса», я представил верх нашего дома, наполненный писком голубиного потомства. Голуби – сим-

вол домашнего очага у многих народов.

Тот город-миллионник составил из многих деревень, поселился в панельные пятиэтажки, кто-то прозвал их голубятнями. Оставались частные дома и многочисленные голубиные домики на шестах. Умыкнуть чужих голубей не считалось большим грехом. Один молодой голубятник, мой ровесник, увлекся и забрался на храмовую колокольню. А дальше случилось так, что мальчишка сорвался и упал с высоты, разбился насмерть. Времена тогда были хрущевские, такие, что на все церковное шел наезд, и получалось так, что сторож стрелял в пацана из ружья на поражение. Потом голубиную тему продолжительное время мусолили любители сенсаций, хотя основополагающим для журналистов того времени считался принцип партийной печати, и сенсаций быть не должно.

Мне не доводилось видеть голубятников в Магадане. А вот парапланеристы у нас есть, летают – оранжевые костюмы, каски – с чайками наперегонки в районе бухта Нагаева, там подходящий обрыв берега.

Собственно говоря, как вошли голуби в мою магаданскую жизнь? Я это помню. Хоть и лет тридцать миновало. Сын был маленький, как теперь внук. Нередко я ловил себя на том, что смотрю на мир его глазами. Зима. Открытая форточка на кухне – с подоконником заподлицо. Голуби сидят снаружи на уступе, иногда заглядывают в комнату, склевывая перловку, которую мы с мальчиком насыпали птицам, просовы-

вают головы, того и гляди, шагнут в комнату.

Мы затаиваемся, и голуби тоже замирают, мы подсматриваем за птицами, какие же они удивительные существа, их тонко очертанные перышки и крохотные глазки великолепны. На всякий случай улыбаемся, предвкушая какие-то неизвестные нам движения. Может быть, они такое выкинут, что нам и не снилось. Когда у нас появилась в доме собака, сын очень любил ее и называл пернатым другом, а после этой встречи он понял смысл необычного слова.

И это при том, что с детства пернатыми друзьями были подушки и перина. Со временем все это превратилось в вату и синтепон, что негативным образом сказалось на качестве снов. С перестройкой хлынули в Магадан китайские пуховики. Народ проявлял энтузиазм и на одной из трех птицефабрик Магадана чуть не открылся цех по пошиву пуховиков, мечталось и подушки из пера орлана белохвостого, синиц, вертихвосток изготавливать. Но – не пошло. Тем более что народ охладел к одежде на курином меху, и для меня явилось откровением, что два китайских пуховика можно было выменять за одну нашу солдатскую шинель. Все-таки поразительно, птицы в своих пуховиках круглый год на вольном воздухе обретаются – и не мерзнут. Конечно, у них кровь горячая, пульс на форсаже.

На другой день я зашел в школу-магазин, открывшийся после долгого ремонта и переоборудования. Устроили там самообслуживание. Все такое новое, непривычное, хочется

получше рассмотреть контейнеры с продуктами – большими никелированными проволочными корзинами, в которых и я бы мог поместиться с небольшим усилием. У меня сильное искушение влезть в контейнер и посмотреть, что из этого получится.

И вдруг, как прикосновение наждачной бумаги – взгляд. За мною издали с возвышения наблюдает продавец. Или контролер? Или охранник, а в нашем гулаговском краю такая работенка была не редкой. Интерес его понятен, но неприятен. Но это в первую секунду. В следующую начинает казаться, что я для него не только потенциальный похититель банки зеленого горошка или пачки макарон. Память услужливо выдает вчерашний день, когда мы с мальчиком отслеживали каждое микроскопическое движение сызых, будто с мороза, птиц. Я разулыбался своему воспоминанию, и мне захотелось рассказать о своем наблюдении маленькому сыну. Но в самый последний момент я решаю не делать этого. Будто ему рано об этом знать.

Чайки обжились в городе, некоторые перестали пугаться людей. Одна молодая магаданка получила в подарок видеокамеру с большой разрешающей способностью. Конечно, это круто, но что снимать-то? Семейные праздники? Быстро надоедает. Стала наблюдать в видискатель чаек и полюбила их. Одна чайка свила гнездо на крыше дома в начале улицы Портовой. Японские военнопленные построили там дома с архитектурными излишествами, и основными ценителями

архитектурных изысков стали чайки. Они так величаво восседают на шарах, балясинах, шпилях, что идеально дополняют замысел архитектора, а если застывают в неподвижности, кажутся изваяниями из мрамора.

Думаю, если бы тарелки антенн были слегка повернуты в небо, то чайки свили бы в них гнезда. Но и ветки – неплохо: верность традициям. Чайки наносили их для строительства. Одна ветка ожила и стала расти, пустила корни в почву, нанесенную вихрем, выбирала из воздуха и дождя жизненные соки. Если уж появились в последние годы особые люди, так называемые солнцееды, по несколько лет не употребляющие пищи и воды, то и деревцу, монопольному обладателю хлорофилла, такое посильно. Тем более что чайки – естественный источник минерального удобрения. Хорошо бы запечатлеть медленный рост ветки и подрастающих птенцов, – решила добрая женщина и принялась за дело. Снимала кадр за кадром, день за днем. Увлеклась, как все женщины на Севере. Своих чаек она знает в лицо, каждой дала имя.

Когда птицы стали взрослыми и научились летать, получился небольшой фильм, вызывающий при просмотре непонятное волнение, будто чайки, выросшие на глазах женщины – ее приемные дети. То, что ускользало от невооруженного взгляда, стало доступным благодаря просветленной оптике.

Хорошо было видеть чаек зимой, пока еще не отлетели они на лед моря, к кромке открытой воды. Они хоть и на-

полняют печалью атмосферу, но оживляют движением малоцветный пейзаж. Врать не буду, чайки не говорили спасибо, подобно попугаям возлюбившей их женщине, но все-таки их крики стали не столь душераздирающи. Правда, тревога за них осталась: сидят на проводах, крыльями машут, друг к другу тянутся клювами – поцеловаться. А там напряжение – так шарахнет, что перьев не соберешь. Да и замкнуть, пожару наделать.

Над подъездом этого дома, построенного японскими военнопленными по проектам репрессированных архитекторов с архитектурными излишествами, находится козырек, под которым свила гнездо ворона и вывела воронят, уберегла потомство от чаек, которые не прочь были утащить яйцо, а со временем и птенца. Не проворонила. Что ж, скоро солнышко пригреет, начнется новый раунд межвидовой борьбы.

Зимой не только птичьих, но и других звуков меньше. Улицы и дворы глухо занесены, законопачены снегом, проезжую часть обихаживают дорожники, сталкивают снег к обочинам. Пока валит обильный дар небес, днем и ночью идет расчистка: первое дело – автобусу дать ход, чтобы не застревал. Если замешкаешься, придется потом тяжелый бульдозер с клыком в ход пускать, и то не всегда с пользой: когда снег слежится, он крепче камня становится. Такие настаивают брустверы, что с проезжей части на тротуар попасть не просто.

Потом массивы снега под солнечными лучами обледенеют

и станут неприступными, а в марте их будут клевать солнечные лучи, словно неведомые птицы Сирин и Алконост, при- маненные подвяленным снежком, подсоленным собачками.

Машин зимой поубавилось: дешевые хабазины на прико- ле, а дорогим джипам, как пьяным матросам, море по ко- лено. Тротуары первое после снегопада время не скользят, и это делает походку пешехода уверенной. Но огорошивает отсутствие дорожек и проходов в снежном трехмесячном слое.

Потом снег замасливается и наступает знаменитый мага- данский гололед, пожилые люди, вовсе не бывшие спортсме- ны, становятся лыжниками. Но это лишь на взгляд приезже- го. Идут, палочки втыкают в лед, никаких лыж, естествен- но, нет, но иногда на ботинки прикрепляют лыжные крепле- ния – вроде как это помогает балансировать на льду.

Оптимисту каждый снегопад – как праздник Нового года, как новая игрушка повышенной сложности. Снег валит и ва- лит, надежнее дождя скрывая следы. Вышел сухим из воды? Выйди сухим из снега! Запах мерзлой воды похож на аромат хризантем и мандаринов. Запах невинности, безмолвия, это если ветер свернулся клубочком на четверть часа меж сугро- бов.

Вот уж и дороги наспех выборочно почистили, а где не по- чистили, снег потерял пушистость. Машины-японки плава- ют по твердой воде, перекатываются, как пекинские утки. Во дворе зимует TOYOTA с оторванным зеркалом, ибо нет

ничего страшнее, чем автомобильное зазеркалье. Там и женомобиль, в другом сугробе: зеркальце, пудреница, завивка волос с горячим феном от двигателя, отдушка для бензина.

Японцы ездят в машинах, похожих на мягкий вагон и остаются тонкими обезжиренными людьми. Наши, купив авто с рулем на правой стороне, прибавляют в массе, с трудом втискиваясь в сиденья, как циркули в готовальни. Стояние в пробках не прибавляет духовного равновесия, и я даже втайне рад, что моя машина на приколе, не получается ее восстановить.

Зимой как-то забываешь о птицах, а вот Стас о них помнит всегда. Присылает рассказ, и там наша башенка со шпилем и часами, в большом доме подковой, где в общей сложности квартир пятьсот. Я уж и вдоль и поперек его описал, а голову поднять не удосужился. А Стас поднял и увидел множество чаек. Летят и летят. Будто бы каждый вечер отправляются ночевать на местное водохранилище, а утром возвращаются в море. Потом возле башенки в окружении чаек увидел он огромную, раза в три больше любой из чаек, сову. Я тоже видел много лет назад сову во время сильнейшей пурги с зимним дождем. Никому не рассказывал: все равно не поверят.

Летающий пакет

Уж который год после работы прохожу наискосок по юбилейному скверу, чтобы посетить восточный базарчик (у него и название восточное, и торгуют там выходцы из Средней Азии). А навстречу мчатся голуби, целят в лоб. Машут крыльями в непосредственной близости от лица, точно веером в театре. Невольно зажмуриваюсь. Прячу руки, поскольку крылатые приятели намериваются сесть на ладонь поклевать зерен. Поглубже засовываю руки в карманы. Голубки понимают это так, будто полез за угощением. Одна птица сменяет другую, как, наверное, самолеты, заходящие на цель для бомбометания. Какой-то нахальный ас завис над головой, и меня пронзило подозрение: а не швырнул ли чего на шапку. Головной убор не первой свежести, с облупившимся козырьком: десять лет, как в Питере купил, в самый дефолт, жалко как память.

Потрепыхав крыльями, летун шагнул на башлык куртки, которую я только что приобрел по Интернету, не устояв перед рекламой: мол, такие же носят Путин и Буш. Первый раз клюнул на наживку торговцев и доволен приобретением. Если бы не приставания голубя. Я не сдержался и в порыве брезгливости сорвал шапку, осмотрел ее, надел, снял и повторно осмотрел. Полный порядок. А на президентскую куртку, на оторочку капюшона, где снег нацепился, точно ре-

пей, птах не отважился брызнуть.

С удовольствием выхожу из скверика: пусть теперь ищут других кормильцев. Но сквер безлюден. Где же вы, магаданцы, стар и млад, дрессировщики стихийно доморощенные? По домам попрятались? Сент-Экзюпери читать – об ответственности перед тем, кого приручил? Летом вас здесь было хоть пруд пруди.

Я ведь тоже принимал участие в массовом братании людей и голубей. Вместе с внуком. Ради мальчика. А то он побаивался птиц – маленький еще. Мы приносили в пластиковом пакете овес, пролежавший в пищевом шкафчике лет 15, рис, перловку прежней исторической эпохи, а когда зернышки кончились, крошили черствую булку.

Мальчик опасался бросать корм, делал это, зажмурясь. Потом по привычке и в три-четыре приема опорожнял кормовой мешок. Нередко попадал зернами, словно дробью, птицам по бокам, обходилось без обид. Подпрыгивали с криком и снова принимались за работу: ням-ням.

Картина будет неполной, если не сказать, что в своей массе голуби были упитанными, глянцевыми особами, а к нам почему-то подлетали ослабленные, с грязными перьями, хромые и один с травматически ампутированным пальцем. Малыш просил новые порции зерен, а у меня уже пусто. Одновременно ему захотелось подкормить фонтан монетками, которые тоже на удивление быстро кончились. Монетки достоинством в одну копейку и рисовые зерна лежат на пороге

ЗАГСа, если пойти туда в субботу, – следы свадеб. А сегодня четверг, и у меня отгул.

Кстати, в некоторых городах Украины уже внедрено выпускать голубей во время бракосочетания. Как знать, это может и в Магадане прижиться. Да вон их, кстати, сколько скопилось на вывеске загса с полсотни. Прямо как такси в аэропорту.

И тут мне приходит в голову переориентировать мальчика, показать возможности опустошенного пластикового пакета в городе ветров. Мальчик научился, становясь на цыпочки, вытягиваться в струнку и ловить мешком набегающий бриз, ведь в Магадане не бывает полного штиля. В позе ловца ветра ребенок напоминает тореадора. Ветер надул пакет, и можно, выждав момент, разжать пальчики и превратить его в летательный аппарат, отдаленно напоминающий крохотный дирижабль.

Пакет отлетел вприпрыжку по асфальту, словно проколотый мячик и вдруг поднимается зигзагом, набирая высоту. Летел выше и дальше, в сторону театра и достиг, к великому восторгу внука, театральной крыши.

Мальчик бежал следом, задрал светлую головушку, и что-то кричал на непонятном для взрослых, изобретенном специально для этого случая языке. В поле видеоискателя, а я не расставался с цифровой фотокамерой, одномоментно попадал и летящий пакет, и голубь. Может, они наперегонки летают?

За театром, с фасада ремонтируют теплотрассу, бульдозер и экскаватор стоят рядышком, а мальчик обожает дорожно-строительную технику. Но сегодня ему гораздо интересней полет пластикового пакета. Пора уже переключить его внимание на что-то иное. Предлагаю пойти на базарчик, купить мороженого. Нет! Мальчик ни за что не соглашается расстаться с иллюзией полета, единственное, что мне удастся – переместить воздухоплателя в наш двор, он тут по соседству.

Пакет, запущенный с игровой горки, поднимает хитро закрученный воздушный поток и кладет на крышу жилого дома (район магазина «Полярный»).

– Пока, пакет!

Мой воздухоплатель часто дышит, и сердечко его чашит, как у голубя. Лоб блестит испариной. Он вернулся с небес на землю и смотрит на зеленую траву и своего деда глазами, в которых еще полно небесного сияния.

...На следующий год первого мая мать мальчика купила несколько шаров, накаченных гелием, он не сразу уловил название газа, когда зашел в гости после демонстрации. Попутно я принялся рассказывать о водороде и углекислом газе, а он радовался, как может это делать ребенок, все еще путая гелий с гелием.

Попутно отец надул ртом несколько шариков, и я радостно объяснял, почему они опускаются на пол, а не стремятся к потолку. В конце концов, мальчик сообразил объединить

летающие и не летающие шары в одну связку, та поднялась и прилипла к потолку квартиры. Тут оказался кстати и игрушечный мишка-воздухоплаватель, совсем как на московской Олимпиаде. Да он и живет в доме с той поры, когда отец мальчика был малышом.

Говорят, у шестилетнего ребенка внимание держится минут пятнадцать, а дальше нужна перезагрузка. С воздушными шарами он играл часа три. Словно у жаркой печи, покраснелись щеки, а пульс как у спринтера.

В июле шарики сморщились и все равно норовили подняться. Мальчик уехал с мамой в отпуск в теплые края. Вспоминает ли он магаданские забавы? А я с улыбкой помню, как он на исходе первомайского праздничного дня помогал бабушке печь блины и спрашивал: «А если их гелем надуть?» Сделал блины, похожие на Луну, на Юпитер. Спек блинный портрет деда. И голубя в полете.

Меня порадовало, когда внук дозрел кормить голубей с руки – излюбленное занятие многих магаданцев. Сидит прошлым летом на скамейке в скверике, протягивает ладошку над самым сидением, как-то скованно, неуклюже, словно в предчувствии прививочного укола. Крошки падают с ладошки, жесткой, как лопатка. Голуби, робея, стоят на асфальте у скамейки, переминаясь с лапы на лапу.

Какой-то сизарь взлетел на скамейку, за ним еще три-четыре птицы, бочком-бочком к живой кормушке. Самый активный делает сложное движение ногами, корпусом, го-

ловой, склевывает зернышко. Прикосновение клюва к ладошке мальчика – как удар током. Напряжение разряжается смешком, рука рефлекторно отдергивается. Передний голубь резко пятится, налетая на собратьев, те всплескивают крыльями, звук такой, словно из боевых луков выпущен пучок стрел.

Никто не учил мальчика, и он не видел фильм с Микки Рурком, как тот кормил Ким Бесинджер с руки, а вот ведь в сквере у фонтана догадался незнакомую девочку таким образом угощать кириешками. Потом они на пару пуляли в голубей ароматными сухариками, и парнишка брал малышку за талию, как в ламбаде.

Весь год внук прожил с мамой на теплом юге, у другого деда, учились на курсах. Конечно, всего навидался – и клубнику ел с куста, и рыбу ловил в Дону.

Дед хотел накормить внука и старшую внучку черешней, но только когда хорошенько поспеет. От зеленой может животик разболеться. Надо подождать денек-другой. И день прошел, и другой. Пора, деда? Поспела, да пусть еще постоит, сладость наберет. Завтра пойдем.

Назавтра пришли в сад – деревья на месте, а ягод нет. Птицы склевали. Как только не лопнули, – возмущается дедушка. Но ничего, не отчаивайтесь, ребятки, скоро будет малины завались и клубники.

– Птицы – наши друзья, – сказал внук.

На фоне буйства природы для него померкли, я думаю,

магаданские достопримечательности. Но вот он вернулся в начале июня 09 года с мамой. Сел самолет, подали трап. Вышел мальчик. Туман, еле виднеются окрестные сопки. Прохлада, как в погребу.

– Ну вот, родная магаданская погода, – с воодушевлением заявил юный путешественник.

Минувшей осенью я, признаться, грустил по внуку, а когда видел чаек и голубей, слышал их разговор, в какую-то секунду вдруг понимал, что они хотят сказать. Они утешают: мол, не беспокойся, прилетит твой мальчик, еще сходишь с ним на берег моря, запалишь костер, как, бывало с твоим питерским другом Стасом-огнепоклонником.

Потом увидел на входе в парк женщину с непроницаемым лицом, она легко подманивала голубей зернами на ладони. Словно была птичницей с закрывшейся в эпоху перемен птицефабрики, и у нее осталось недорасходованное душевное тепло. Вот так доноры крови, подсевшие на кропускание для блага тяжелобольных, бывает, места себе не находят, если не сцедят пол-литра горячей живой жидкости.

У голубей на входе в парк с литыми узорчатыми воротами голубиный пункт питания. Один зависал над зернами, садился на ладонь птичницы, поддерживая себя в состоянии неустойчивого равновесия посредством частых круговых движений крыльев. Клевал, срывался, тогда другой занимал его место. Я ошалело глазел на незнакомку, наверное, бабушку, судя по неизбежным морщинам, с которыми она

явно уже смирилась. Мелкие аккуратные крылышки месят воздух, на долю секунды он загустевает, я будто бы вижу завихрения, на которые опирается птица, есть в этом что-то библейское.

Я познакомился с голубятницей. Елена Федоровна считает своим долгом купить пакет крупы и рассыпать в парке, неподалеку от красивых чугунных ворот, привезенных из уральского города Касли. Голуби ее узнают издалека и летают над головой, чуть ли не садятся на прическу. Такое я видел раньше только в цирке. Она смущается от своей известности в пернатом сообществе. Прилетают сизари и на балкон ее квартиры в Нагаево, где для них припасено угощение. Живут, птенцов выводят.

А где голуби, туда и хищники норовят. Белая сова бесшумно направляется с берега бухты в Моргородок. Километра полтора, и просто удивительно, как разглядела без какого-либо бинокля импровизированную голубятню. Разглядишь, если хочешь зацапать голубенка. У хищников зрение, если на человеческие мерки переводить, 500 процентов. Можно такое и себе развить, если делать упражнения для глаз. Я пробовал как-то, идя на работу, так мне одна симпатюлька выговорила: мол, глазки строит, маньяк нашелся.

Сова только ослабленных и больных таскает. Один голубок припозднился с взрослением, никак не желал становиться на крыло. Елена Федоровна его заметила. Подумала про голубенка: давай не ленись, летай, а то бабайка за-

берет. Как в воду смотрела. Тут и ворон прилетал со свойственным ему грохотом. Когда черный красавец на проводах сидит на сопке, где высоковольтная линия, маленьким кажется. А ты глянь на него вблизи: клюв с кулак диаметром, а рот и горло такие, что взрослый заглоченный голубь пройдет. Прилетит мудрец, клювищем долбанет в стекло, того и гляди, выбьет. Выходи кормить рэкетира.

Справедливости ради, надо заметить, птица эта благородная, может с человеком дружить. И даже некоторые слова повторяет, а иногда воспроизводит звуки автомобильной противоугонки. Да он, ворон, может сторожем работать, говорят. Мой сын видел зимой ворона, когда тот летел в сторону телевизшки и сокрушался, совсем как человек: «Хо-хо-хо». Может, он тоже заметки пишет, где-то фиксирует свои мемуары с помощью зарубок на дереве, изображая людей в ироническом свете?

Есть в городе небольшой сквер – на бывшем антенном поле. Там ворон ведет себя как строгий хозяин. Задает шороху посетителям. Крылья расправит, да как спикирует, словно бомбовоз: пугает. В соседний жилой квартал навевывается, как по расписанию. Садится на крышу, словно геральдический символ и вдруг мимо кустов облет совершает, воробьи да синицы, словно в воздухе растворяются. Долго не решаются продолжить галдеж.

Есть там еще, говорят, сорока, после во'рона в сквере играет вторую роль, как контр-адмирал при адмирале. Ворон

сидит на раздвоенной вершине лиственницы, на такой маленькой дети обычно играют в мотоцикл. Только эта развилка метра три от земли. Сорока облюбовала уголок, где молодые мамы с колясками кучкуются. Младенцам она очень нравится – черное с белым оперенье удивляет их. Сорока любит примкнуть к компании молодежи, терпеливо выжидает, когда уйдут и потом долго гремит пустыми пивными банками и бутылками. Ну, нравятся ей всякие блестящие предметы. Живущие в Магадане корейцы, должно быть, благоволят птице, ведь один из подвидов – их национальная птица, да и португальцы дали аналогичный статус голубой сороке.

Оказывается, сорока – единственное живое существо не из млекопитающих, кто узнает себя в зеркале. Ну и вообще изначально переведена на цифру в собственном имени (40-ка), ее бы на цифровую камеру снимать. Раньше молодые мамы брали с собой вязание или даже книжки, друг перед другом хвалились: «а у нас третий зубик показался», «а мы подписку на Жорж Санд достали», теперь берут пачку сигарет и бутылку пива и разговаривают матом. Сорока терпит, терпит, а потом вдруг срывается и расстреливает матерщинниц из пулемета, правда, холостыми.

Я бы мог еще присочинить, что молодайки трещат, как сороки, обвешанные блестящими украшениями, а потом за ними мужья приезжают в джипах, черных, как воронье крыло, и сами в профиль вылитые во’роны, да не буду, хотя такое и встречается в скверике на антеннке. Мой тесть тридцать

с лишним лет назад опасался подцепить там лучевую болезнь от радиоаппаратуры, размонтированной уже в те годы. Там вроде был когда-то установлен приводной радиомаяк для самолетов. Сороками называют и темпераментных дам в возрасте сорока лет.

Сороки падки на все блестящее и в трогательных рассказах для детей изображаются как похитительницы столового серебра. Воздавая должное правдоподобности таких сочинений, я отсматривал всевозможную литературу о находках в Магаданской области золотых самородков. Чего там только не было, и даже наш брат-репортер, знаменитый фотограф нашел несколько «тараканов», всякий раз щедро поил при этом всю редакцию. Конечно, было бы заманчиво приспособить пернатых для решения проблемы пополнения золотоприемной кассы, особенно на славящемся обилием таких находок прииске «Буркандье». Сюжет, конечно, занимательный, но, проведя в поисках немало времени, я остался ни с чем. Неудача объясняется тем, что в природе самородочки вообще-то не отличаются блеском – тусклые и невзрачные. Скорее уж, обломки пирита – его так и называют обманкой – могли бы привлечь внимание падких на все блестящее сорок. По крайней мере, двуногие сороки на этом неоднократно замечены.

Возможно, мне стоило сосредоточиться на добыче алмазов. Парочка драгоценных камней, заглоченных глухарем, обеспечит идеальное измельчение твердой пищи в зо-

бу на миллионы лет вперед, а везучему охотнику, если он, конечно, будет предельно внимательным и везучим, щедрую награду. Но алмазы – это не Колыма. Это Якутия. Неспроста, кстати, бытует в профессиональном милицейском сленге такое понятие «глухарь». Нет дыма без огня.

Сороки в Магадане вообще-то не бросаются в глаза, и некоторые специалисты считают, что рассказы об их похождениях в магаданской местности мифом. Иное дело – ворон – в бытовом сознании магаданца это, прежде всего – «ворон» – специфическое транспортное средство, а уж потом собственно птица. Черное, громкоголосое существо, сопровождающее туристов одного дня по ходу линии ЛЭП. Когда он подает голос, отдающийся у тебя в желудке, лучше всего тихо сказать ему обычное: «Каркай на свою голову».

Один инспектор заповедника много лет приглядывался к ворону и вдруг понял, что черный гигант всякому зверю добрый дядька. Найдет мертвяка – лису, зайца, заголосит: ну-ка, звери, собирайтесь на поминки. А стоит в его сторону человеку направиться, заорет: разбегайтесь! Если чужой охраняемую избушку найдет, захочет поживиться, налетает ворон, словно Бэтмен и долбит в голову, пока не обратит чужака в бегство. Странно, что Владимир Высоцкий написал в своей песне, что не бывает на Севере воронья. Бывает, еще как! И в северном фольклоре ворон – ключевая фигура, он землю создал, – считают эскимосы. У эвенов и коряков с грозной птицей полное почтительное понимание.

У нас, да и в Европе много лет уничтожали хищников, больно уж мы гуманные, а в итоге птичий грипп появился и другая зараза, – мыслит вслух Елена Федоровна. – У себя в странах хищников истребили, на наших зарятся. А вот трагикомедия – шейхи из Арабских эмиратов какие угодно деньги дают, чтобы им украли и контрабандой привезли соколов из поселка Сокол, где магаданский аэропорт. Сильно поубавилось этих любимых в народе птиц из-за браконьерства!

В сентябре стала известна трогательная история о раненном пернатом хищнике – ястребе-перепелятнике. Кто-то стрелял в него. Или он сам ударился о провода линии электропередачи. Лучевая и локтевая кости крыла оказались раздроблены. Первыми заметили ястреба ветераны-дачники, сообщили в Институт биопроблем Севера, орнитологи оказались на высоте птичьего полета: сработали не только как теоретики, но и как травматологи-хирурги. Собрали, скрепили косточки, чтобы срослись. Дело к зиме, лекари решили не отпускать перелетную птицу в сезонное путешествие. Пусть поднаберется здоровья до следующего сезона. Кстати, эта птица с нордическим профилем не боится человека и любит селиться вблизи жилья.

Голуби, летящие во время снегопада, шуршат крыльями, словно накрахмаленным платьем, ударяясь перьями о снежные струи. Маленькое чудо, которое я еще не показал внуку. Ему понравится. Мальчик многое замечает. Летом 07 го-

да открыл для себя полет семян одуванчиков, мне показал. Крохотные парашютики, подхваченные свежим ветром, в полете образовывали фигуры, подобно кучевым облакам, похожим, в свою очередь, на слонов и зайцев. Мальчик нередко засматривается на кучерявые облака, как они затейливо выглядят, ему хочется нечто похожее слепить. Только нет подходящего материала. В его распоряжении пластилин, да еще они с бабушкой работали с гипсом. А тут из носика чайника подходящий пар для тучки выходит, да как с ним совладать?

– Дождя не будет, дед, я поставил барометр на «ясно», – сказал он тогда.

– С тобой все ясно.

В последние годы морские жители чайки привычно жмутся к людям в поисках пропитания. Видел, как две соперницы тянули, каждая в свою сторону, какую-то рыбу, что ли. Третья подскочила – хватать! И на крыло. Не спорю, чайки – красивые птицы, мне нравится их оперенье, уверенный полет и даже голос, грустное бельканто – над краеведческим музеем, областной библиотекой и общежитием политехникума.

А вот чаечка – морская душа на рынке возле политехнического института, когда-то многолюдном, а теперь ушедшем под крышу свежестроенного здания. Осталось на вольном воздухе два-три рабочих места: муж с женой торгуют капустой и горбушей. Сразу-то не распознаешь, вроде как конкуренты. Торговля у нас непостижима, как алхимия. Вместе

с базарчиком продолжает сосуществовать автостоянка. Много лет назад я выгуливал здесь собаку и всякий раз сокрушался, что пустует такой симпатичный участок земли. Теперь тут кипит жизнь. И вот сама картинка, ради которой я строил такое длинное предисловие. На грунтовке лежит среднего размера горбуша, и чайка отщипывает от нее длинные куски. Не очень-то приспособлен у нее для этого ротовой аппарат.

– Я-то обычно ей резала, – отвечает на мой немой вопрос сердобольная женщина-продавец. Идет к горбуше, берет ее и отбрасывает с проезжей части за забор. Он возведен с помощью сетки рабицы, что легко рифмуется с рыбицей. Птица тотчас перелетает к горбуше и подает голос. Кричит пронзительно и отчаянно и очень похоже на то, как тявкает маленькая собачка. Мне кажется, я ощущаю чаячьи слова, только смысл их непостижим. Словно я нерадивый клерк и должен по окрику начальника пойти туда, не знаю, куда и принести то, что он сам не знает.

Летящую на человека, подобно голубям, нахальную чайку не представляю (до 09-го года). Правда, однажды в бухте Гертнера наловили мы с сыном с лодки на мормышку трехведерный бачок наваги. Разделявали на берегу, выбрасывая голову и потроха. Чайки хватали подачку в миллиметрах от кромки волны, соблюдая очередность. Способные, схватывают на лету.

При дальнейшей дрессировке, возможно, есть какая-то

отдаленная перспектива сделать морских летунов ручными. При виде чаек, потрошащих помойку во дворе, вспоминалась пьеса Чехова «Чайка» и занавес МХАТа. Пока я не перенастроил ассоциативный аппарат на «Чайку по имени Ливингстон» писателя Баха. Чтобы без кощунства.

Жаль, что наши рыбы не летают. А то какая-нибудь навага-летяга могла бы перегнать чайку в воздушном состязании.

Воробьи в сером оперенье, словно солдаты в шинелях, льнут к человеку, только не знают, как выразить свою приязнь. Путаются под ногами лошадей, в бывшем совхозе «Пригородный» осталось несколько этих дивных, можно сказать, легендарных животных. Набрасываются на теплые, дымящиеся конские каштаны, склевывают недопереваренные овсяные зерна. По выходным дням лошадкам доверяют катать в парке детей, и мой внук не раз пользовался их живым теплом. Оказывается, это не только удовольствие, но и лечебная процедура: малышу не повезло с ногами. Сейчас-то все выправилось, вон какой стройный, и бывает, взрослые шуткой бранятся на него: «Носишься, как конь»!

Так что, возвращаясь к нашим баранам, по части дрессировки голуби предпочтительнее, если представить дело так, что дрессировщик, повелитель зверей и птиц – это мальчик, который через год пойдет в школу.

Забавно: со стороны парка, где улица Гагарина, есть магазин «Фламинго». Большая такая вывеска, а на ней голуби сидят. Но голубей гораздо меньше, чем у «Полярного». А есть

еще магазин «Альбатрос» – в районе моргородка, магазин «Чайка» – ближе к речке Магаданке. И на них тоже голуби. И ни одного магазина в честь голубей, даже если несколько лет назад владельцем одного магазина была Марина Голубович.

Голубь – самое жестокое создание на свете, считают орнитологи. А вот Пикассо сделал его символом миролюбия. И я заблуждаюсь со всеми, что голуби беспечны и доверчивы. Ведь они платят жизнью за пацифистские убеждения: вблизи того же сквера периодически можно лицезреть голубей табака, впечатанных в асфальт. Хоть и медленно едут на соседствующий базар за покупками джипы, но проехать по живому голубю им так же без разницы, как по мифическому лежачему полицейскому, предназначенному для безопасной езды.

Но, признаюсь, я ни разу не видел полицейского-табака, как и чайку-табака. И курильщика табака табака.

(И тут, увы, я должен сам себя поправить. Вернее, жизнь меня поправила. Еще вернее – смерть. Две молодые чайки, только что ставшие на крыло, прогуливаются по улице Парковой. Август 09 года, самое начало месяца. Ковыляют посреди дороги, бакланят, машины их объезжают, люди обходят. Шум дня. Я еще поразилась, – какие они смелые. Или беспечные. Рассказчица, пожилая женщина, так судьбе было угодно, похоронила в этом году несколько родственников, всякий раз занимаясь приготовлением поминальной пищи,

тихо осуждает безнадзорность новооперившихся. Но ценит их личную свободу и не сгоняет, притворно строжась, а могла бы гуманно, бесконтактно пнуть под зад.

К вечеру она опять пересекала улицу и увидела лишь одну чайку – надменную, игнорирующую правила дорожного движения. Другую чайку как раз в это время, взяв за безжизненные крылья, волокла на обочину сердобольная незнакомка. Судя по выражению лица, медицинская сестра).

...Деревья в один ряд возле тротуара – это просто деревья, но если в пять рядков – это аллея. Пройдешь у магазина «Цветы», по аллее перед работой и радуешься. Синицы признают это место пригодным для разговоров и пения цццццц. Рядом с «Цветами» центр культуры. Когда-то внутри здания было раздолье певчим птицам. Зимний сад. Щеглы пели, попугайчики и еще какие-то серенькие – особой красотой за душу хватали. Дети туда стремились, к клеткам, замирали, зачарованные. За ними и взрослые – приобщались к прекрасному.

В марте этого года я познакомился с перепелками. Подивился их пению. Точнее, криками – меня поправили. Да я и сам тут же понял: эта песня чуть лучше вороньей. Они мерзнут и кричат, – сказали знающие люди. Эти экземпляры – французские и японские. Скорее всего, снега, как, впрочем, и травы, в глаза не видели. Из Питера их магаданские предприниматели завезли 500 штук, а будет тысяча. Птичник возник на месте прежних зданий, где содержались ку-

ры, вытесненные подкововерной конкурентной борьбой с окорочками. Когда-то у нас курятины было больше, чем рыбы. Про яйца и говорить нечего, меня коллега-кореец приохотил пить их сырыми, вместо кофе.

Эти перепелочки жмутся друг к другу в клетке, орут и несут небольшие яйца – серые, в крапинку. Вокруг люди ходят, суета, – начальники всякие – хозяйственный актив, а они и в столь некомфортных условиях продолжают делать свое дело. Хотел записать их пение на диктофон для последующего меломанства, да куда там! Одна надежда: селекционеры выведут породу певчих перепелок. Одна птица способна оживить мертвую тишину, как одна спичка разогнать тьму. Да у меня вообще-то на мобиле записано. Как ни проникновенно поет виртуоз-вокалист – тенор, сопрано, птичья трель удивляет не меньше. Кризис, инфляция, а они поют себе, посильнее Моцарта цепляют. Особенно синицы. Наверное, ноту «си» выдают, отсюда и название. В той же аллее у «Цветов», по которой люблю ходить на работу, дворники установили симпатичные мусорницы. После расчистки снега они очень заметны. Так вот синицы подают свои «цвень» и на лету проникают в эти жестяные емкости, отдаленно напоминающие в увеличенном виде домики-синичники, какие мы строили в детстве, поражаясь неприхотливости пичуг. Скворечник сделать гораздо труднее. А здесь деревянная коробка, леток во всю стенку, туда не только кошка, но и собака залезет. Синицы запрыгивают туда легко, как

молодые американцы в автомобиль со свернутой крышей. Я-то думал, они людей боятся, а они просто не находили корма. Бегу за салом, вместе поцвенькаем...

Лучше синица в руке, чем журавль в небе. В руке? Да разве ж она дастся в руки!

Знаки судьбы

– Дважды два четыре!

– На самом деле Волга впадает в Каспийское море.

– Это что! Солнце встает на востоке, и с этим трудно спорить.

Мария рассказала

«Скорая»? Приезжайте в «Быстро». Устроим забег на «Газелях. Победителей ждет суп из черепахи и салат из улитки.

Зоя Зайкина.

Стук в стекло, пятый этаж. Мария суеверно вздрагивает, увидев за окном голубя. Уж не стряслось ли чего? Испугалась за близких, прогнала сизаря, а он покружил и хлоп-хлоп-хлоп на прежнее место опустился, по железному подоконнику лапами – как железом по стеклу елозит.

Стало быть, причина какая-то имеется. Которая, возможно, лежит на самой поверхности. Выглянула в форточку, а там, на асфальте кот Тимофей сидит, и на нее снизу плотоядно смотрит. Огромный, полосатый, как шлагбаум. Взяла рыбы, спустилась из дома. Муж как раз с рыбалки принес свежей камбалы. Переманила котяру рыбкой на другой конец дома. Голубь улетел с окна на асфальт, зернышки нашел, клюет, голос подает.

Прошло полчаса, опять пернатый в стекло ломится, а кот сидит на асфальте под ее окном, облизывается, мордашку лапой намывает.

Ну, теперь-то уж точно жди беды! И правда, через несколько дней гибнет любимица канарейка от лап полосато-

го котомонстра. (В конце лета его самого порвали насмерть собаки).

Грустно, конечно, но могло быть значительно хуже. Немного отлегло от сердца, А то испереживалась вся, дурной вести ожидаючи.

И вот еще приметы: тараканы в доме жили, ушли. Или вымерли от передозировки обожаемого дихлофоса, токсики несчастные. Да тут еще по всем мобильникам прокатилась агрессивная реклама: в город приезжает ансамбль ДДТ, руководителю которого Колыма – отнюдь не пустой звук. Здесь его родина. (Кстати, молодое поколение уже не знает, что ДДТ – первый в нашей стране инсектицид, было время, его наносили на кожу как средство от комаров).

И еще вот телефон сам собой по ночам позвякивает. Неужто, знамение? Да и портрет Сталина плакал, словно икона – двоюродная тетя говорила. К добру или к худу? Кто знает... Сама-то тетя – древняя старушка, 91-й год пошел, от Сталина натерпелась. Правда, что там было конкретно, помалкивает, как партизанка.

Призналась все-таки после обширного инсульта: после таких катастроф лукавить не приходится. Ее вызывали на Дзержинского: мол, отца расстрелянного реабилитировали. Поздравляем. Компенсацию выплатили 29 тысяч рублей. Тут и соседка подкатила: дай взаймы. Бери, не жалко – за отца – вроде святые это деньги. Взяла и не возвращает уже два года. Думала, небось: умрет бабуля, и отдавать долг не при-

дется. Или деньги умрут, как уже бывало. А вот ничего подобного! Трепанацию черепа ветеранке сделали, так совсем как новенькая, сообщает влет. Настоятель из храма приезжал, из Москвы, благословил и доктора-кудесника, и бабульку из-за чудесного выздоровления. И пенсию ей пересчитали с прибавкой. Деньги небольшие, да забота доброго стоит. Аж прослезилась. А ведь когда ее на «Скорой» в реанимацию привезли, такое потрясение пережила – не приведи Господь. Якобы один санитар другого спрашивает: куда ее, в какое отделение, вверх или в подвал. Она кричать стала, не слышат. Рукой машет – никто не видит. Дай, думает, частушку спою. Доктор на ее счастье подошел, заметил шевеление. Поднял одеяльце, а она была с головой накрыта, увидел, что веки дрогнули, велел в операционную везти. Спас – аж самому не верится.

На родильном доме на крыше чайки сидят, песни распевают, да громко так, пронзительно, будто женщины в родильной «кричалке». А что поделаешь, если в наших краях аисты (национальный символ германцев) не водятся? Взаимопомощь, возможно, и у пернатых имеется. Недаром здесь частенько девочек Ларисой называют – в честь чаек. Есть одна Лариса-орнитолог, веселая и неутомимая.

Лето нынче необычно теплое, за 36 лет наблюдений не было такого. Наслаждаешься им от пуза, и даже хочется монетизировать климатическую благодать.

Идет молодая мама, под мышкой тащит в горизонтальном

положении дочурку в одной распашонке. А ведь в прошлом и позапрошлом году не было такого. В курточках, комбинезончиках все лето ходят наши северята. Второго ребенка, мальчика постарше, – за руку ведет. Глянешь вокруг, и такое ощущение, что в городе рождаемость повысилась. Дай ты, Бог! Правда, дети появляются на свет в другом здании, на Наровчатова, а здесь, на Парковой – лечебный корпус. В семидесятых годах обходились одним зданием, тут мой сын-телец появился на свет. В другом здании, на Наровчатова, на крыше тоже чаек хватает. Вместе с роженицами, ночью-полночь, криками рвут тишину белых ночей. Иногда птичьи разговоры напоминают мартовские кошачьи концерты, иногда поскрипывание двери: создается ощущение, что есть в небе дверца – как у сейфа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.